

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова»

Libri Magistri

Выпуск 5

Аксиологический диалог культур

Научный рецензируемый журнал

Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2018

Вып. 5

Аксиологический диалог культур

Редакционная коллегия:

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

С. В. Рудакова – научный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

Т. М. Попович – д-р филол. наук, профессор Белградского университета (Сербия, Белград);

Н. В. Кононова – д-р филологии, ассоциированный профессор Латвийского университета (Латвия, Рига);

М. Боровски – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики в университете Монаша (Австралия, Мельбурн);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

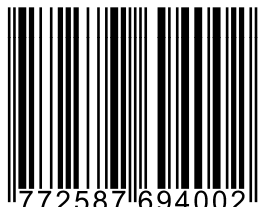
А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

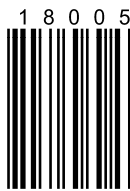
А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Картинка для обложки – бесплатная фотография
https://404store.com/2018/01/31/books-2385402_1920.jpg

I S S N 2 5 8 7 - 6 9 4 5

9 772587 694002

1 8 0 0 5

>

© ООО «ВГ КАТРАН», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры	
<i>Лазареску О. Г.</i> Художественное и публицистическое в американском дневнике П. П. Свињина	8
РАЗДЕЛ II. Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы	
<i>Никольский Е. В.</i> Интерпретация образа вечного жида в творчестве Вильгельма Кюхельбекера сибирского периода	15
РАЗДЕЛ III. Лингвокультурология и страноведение	
<i>Надергулов М. Х.</i> Новонайденные материалы по биографии и творчеству Акмуллы	32
<i>Юнусова Ф. Б.</i> «Жертвы репрессий» в очерках башкирского писателя Г. Шафикова	40
РАЗДЕЛ IV. Семиотика: мир как текст	
<i>Петров А. В.</i> «На новый 1842-й год» А. В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «Последнего стихотворения»	48
<i>Манами Касимото.</i> «Мой Пушкин» М. Цветаевой: пространство текста	60
<i>Вальчак Дорота.</i> Нигилист и икона. Революционеры-иконоборцы в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»	70
РАЗДЕЛ V. Аксиологические модели	
<i>Дубских А. И.</i> Природа национальной комедиографии реставрации: мораль и нравы	77
<i>Цуркан В. В.</i> Концепт «Книга» в творчестве А. Битова	81
РАЗДЕЛ VI. Интермедальность: тексты культуры	
<i>Бедрикова М. Л.</i> Русская литература и музыка на рубеже XX-XXI вв.: к вопросу о национальной идентичности	87
<i>Ломакина Е. А.</i> Лексико-прагматические средства манипуляции в политической коммуникации	92
РАЗДЕЛ VII. Антропология чтения	
<i>Хамзина Л. Х.</i> Фольклорный текст в школьном изучении: устное слово против письменного	95
<i>Макарова Н. Н.</i> Круг чтения магнитогорцев по материалам источников личного происхождения	100

<i>Петрова М. В., Руденко И. А.</i> Задания, способствующие повышению читательской активности обучающихся	107
<i>Матвеева И. Ю.</i> Профессиональное сознание библиотечного специалиста: понятие, структура, механизмы формирования	111
<i>Рудакова Т. В., Панкина Е. Н.</i> Сетевой проект как инструмент развития читательской грамотности обучающихся	116

РАЗДЕЛ VIII. Формы и методы продвижения книги.

Визуализация

<i>Моисеева О. Ю.</i> Теоретические основы презентации художественного мира писателя: скрапбукинг	122
<i>Матвеева И. Ю., Карпинская Е. В.</i> Возможности использования информационно-коммуникационных технологий для активизации читательской деятельности пользователей библиотек	130

ДЛЯ АВТОРОВ	137
--------------------	-----

CONTENTS

Part I. Russia and the West: Historical Myths and their Reflection in the Texts of Culture

Lazaresku O. G. The Artistic and the Publicistic in the American Diary of P. P. Svinyin 8

Part II. Comparativistics Today: Tasks – Ideas – Schools

Nikolsky E. V. Wilhelm Kuchelbecker's Work of the Siberian Period: Interpretation of the Wandering Jew Image 15

Part III. Cultural Linguistics and Country-Specific Studies

Nadergulov M. Kh. Newly Discovered Materials on Akmulla's Biography and Creativity 32

Yunusova F. B. "Victims of Repression" in Essays of the Bashkir Writer G. Shafikov 40

Part IV. Semiotics: the World as a Text

Petrov A. V. A. V. Koltsov's "On New Year 1842": an Experience of the Contextual Reading of "The Last Poem" 48

Kasimoto Manami. M. Tsvetaeva's "My Pushkin": Text Space 60

Walczak Dorota. Nihilist and Icon. The Revolutionaries-Iconoclasts in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Possessed" 70

Part V. Axiological Models

Dubskikh A. I. Nature of the National Restoration Komediografy: Morals and Manners 77

Tsurkan V. V. The Concept «Book» in A. Bitov's Creative Work 81

Part VI. Intermediality: Texts of Culture

Bedrikova M. L. Russian Literature and Music at the Turn of XX–XXI Centuries: National Identity 87

Lomakina Ye. A. Lexico-Pragmatic Means of Manipulation in Political Communication 92

Part VII. Anthropology of Reading

Hamzina L. H. Folk Text at School: Narration vs Writing Language 95

Makarova N. N. Magnitogorsk Natives' Reading Circle According Based on the Sources of Personal Origin 100

<i>Petrova M. V., Rudenko I. A.</i> Assignments to Increase Students' Reading Activity	107
<i>Matveeva I. Yu.</i> Professional Consciousness of Library Specialist: the Concept, Structure, Processes of Formation	111
<i>Rudakova T. V., Pankina E. N.</i> Network Project: the Instrument of Readers' Literacy Development of Students	116

Part VIII. Forms and Methods of Book Promotion.

Visualization

<i>Moiseeva O. Yu.</i> Theoretical Basis of Artistic World Presentation of a Writer: Scrapbooking	122
<i>Matveeva I. Yu., Karpinskaya E. V.</i> The Possibility of Using Information and Communication Technologies to Intensify the Readers' Activities of Library Users	130

FOR AUTHORS	137
--------------------	-----

РАЗДЕЛ I. РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

ББК 83

УДК 82-311/6; 82-992

*О. Г. Лазареску¹,
Московский педагогический
государственный университет
lazarescu@inbox.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ В АМЕРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ П. П. СВИНЬИНА

Дневник впечатлений российского государственного служащего и писателя начала XIX в. П. П. Свиньина во время его путешествия по Соединённым Штатам Америки представляет интерес с точки зрения механизмов преобразования слова прямого, регистрирующего реальность и фиксирующего самые первые эмоциональные отклики человека на увиденное, в слово художественное, заключающее в себе широкий спектр возможных значений, позволяющих выйти на универсальные смыслы событий и явлений действительности. В статье показано, как первые впечатления молодого наблюдателя со временем «проросли» в сюжеты, мотивы и образы исторических романов Свиньина, научили его работать с «сырым» историческим материалом, видеть в случайных «мелочах» суть самих явлений.

Ключевые слова: дневник, исторический роман, Свиньин, Карамзин, сюжет, мотив, образ

П. П. Свиньин (1787–1839) – русский писатель, государственный служащий по линии Коллегии иностранных дел, в силу своей должности и по своим природным наклонностям, зарекомендовал себя как неутомимый собиратель впечатлений, наблюдатель за нравами и обычаями разных народов. Путешествуя по Америке с осени 1811 по июнь 1813 г. в качестве секретаря генерального консула, он делал дневниковые записи, в которых старался собрать и отразить то, что было интересно ему самому и что могло принести пользу делу установления добрых взаимных отношений страны, посланцем которой он был, и так называемого

---

¹ Лазареску Ольга Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Нового Света, который ещё только предстояло открыть по-настоящему, то есть его культуру, общественные заведения и т. д. Однако подённые записи Свинына имели значение не только утилитарное – зафиксировать увиденное, создать основу для служебной отчётности, будущих статей по истории, экономике и т. д. страны пребывания. Американские записи удивительным образом «прорастают», а точнее, «всплывают», ибо водная стихия долгое время окутывала его жизнь и формировала восприятие мира, в его исторических романах, написанных спустя двадцатилетие после самого путешествия в Америку.

Начало дневника фиксирует момент отплытия из Петербурга сначала в Кронштадт, затем через Балтийское и Северное моря и Атлантический океан в Мексиканский залив. Записи географического и бытового свойства у Свинына перемежаются информацией, связанной с внутренними ощущениями, настроением, эмоциями человека, которые активируются природными стихиями, прежде всего, водой и ветром. В день начала путешествия – 24 августа 1811 г. – «благополучный» ветер Петербурга уже в Кронштадте переменялся на «противный», который то стихал, то усиливался, но именно «противный» ветер создаёт ощущение особой отмеченности предпринятого путешествия, а в сочетании с водой и сильной качкой заставляет воспринимать его как миссию, исполненную опасностей и непредсказуемости: «Ветер был сильный, несмотря, что мы легли в дрейф, течением сильно несло нас в море. <...> В море ожидала нас сильная качка, вероятно, от беспрестанных жестоких ветров, продолжающихся уже около месяца. <...> Целый день – противный ветер <...> Из 40 миллионов, населяющих Россию, жребий пал на четырех ехать в Америку!» [5, 51–53]. Смежными по отношению к этим стихиям оказываются небо, звезды, птицы, даже комета, которая в эти дни – начала сентября – была видна невооружённым глазом и вызывала мысли о «неисповедимых деяниях всевышнего» [5, 52]. И, конечно же, корабль, в котором путешественник видит не просто «самое полезнейшее, самое величайшее изобретение ума человеческого», но живое существо, мистическим образом связанное с человеком и природой: «...струи и пена, кои производит корабль, разрезывая воду – имеют вид огненный и весьма страшно смотреть на брызги, падающие в виде огненнова дождя на палубу. <...> Особливо след от руля казался извивающимся огненным змеем, преследующим корабль» [5, 53].

Обострённое внимание к реалиям, которые сопровождают длительное и опасное предприятие – дальнейшее путешествие по воде и не только – впоследствии сыграло свою роль в создании Свиныным его исторических романов, в первую очередь романа «Ермак,

или *Покорение Сибири*» (1834 г.). Во Введении к роману Свиньин прямо говорит, что в своём взгляде на историю, в том числе историю присоединения Сибири к России, он ориентируется на Н. М. Карамзина, который в VI главе IX тома *«Истории государства Российского»* (1821 г.) отмечал сопоставимость по исторической значимости завоевания Сибири и завоевания Мексики и Перу, а главного атамана сибирской дружины Ермака Тимофеевича называл «российским Пизарро» [1, 378]. Это исходное положение – связь двух событий по значимости для мировой истории, дальности путешествия, его опасности, «грозности» для «диких народов» – очевидно, могло активировать давние воспоминания о путешествии писателя в Америку, которое ассоциировалось с природными стихиями и предметами, способными сыграть решающую роль в самом историческом событии.

Для Свиньиного завоевание Сибири является «великим событием, удивившим Европу не менее завоевания Америки», оно «еще удивительнее, еще чудеснее завоевания Америки Пизарром и Кортесом» [6, 269–270]. И, предполагая во Введении, что из-за скудости источников великий историограф посвятил ему всего несколько страниц и «не дал свободы неподражаемому перу своему», Свиньин надеется, что подход романиста, а не историографа – «представить в живой картине покорение Сибири» – откроет ему возможность отдать должное этому великому событию.

И если непосредственные впечатления трудного и опасного путешествия в Америку создавали основу для передачи картин действительности, личных наблюдений над действительностью – воспоминаний, размышлений, раздумий, философских выводов, которых немало в дневниках, т. е. основу для публицистического взгляда, то применённые к совершенно иным задачам – «извлечь из мрака великие характеры», – они создавали основу для художественного взгляда, столь «привлекательного для читателя» [6, 270].

Уже само начало путешествия, отмеченное непредсказуемостью погоды и опасностью водной стихии, в романе выполняет сюжетообразующую функцию, заставляя Ермакову дружину то без отдыха продвигаться по холодным и порожистым сибирским рекам, то делать длительные остановки, результатом которых становилось появление в диких местах хорошо укрепленных крепостей, сыгравших свою роль в достижении поставленной цели. «Свыше сил человеческих было бороться со студеной водой, стоя в ней несколько часов по пояс. Много оказалось больных, особенно между немцами; послышался всеобщий ропот. <...> Скоро пронесся слух, что Ермак намерен провести здесь зиму, дабы в продолжение сего времени разведать самому легчайший путь за хребет Урала» [6, 387]. В романе все судьбоносные события маркируются

погодными и природными знаками – как обнадеживающими, так и тревожными. Ещё до начала похода, в ночь перед совещанием казаков на круге для принятия окончательного решения «свиристельная ужасная буря», которая после полуночи «совершенно переменялась, настало прекраснейшее утро и при самом восхождении солнца курган, назначенный для собрания круга, покрылся казаками. Скоро показался и Ермак... Никогда лицо Ермака не было светлее и веселее» [6, 341–342]. Инкрустирует этот эпизод окончательного решения идти на Кучума и отвоевывать Сибирь для России брошенный к ногам Ермака орёл как символ будущей победы. Но незамеченной для круга и для самого Ермака стала стрела, пущенная в орла, парившего над курганом. Орел усиливает функцию предзнаменования величия и трагичности миссии Ермака в Сибири.

Этой функции лишена картина переменчивости погоды и поведения птиц в Американском дневнике Свиньина. Здесь погодные катаклизмы представляют зарисовку действительности, хотя и не лишённую воображения, фантазии: «Нам совершенно слышалось стенание природы, наводящее какой-то ужас на человека. Кажется, из его поднимался гнев ея, что презрел, превел все преграды ея, кажется, хочет в последний раз утешить она дерзновеннаго.

Возможно, шум сей происходит с морских волн, кои разбиваются о утесы.

В полночь задул нам благополучный ветерок, и мы снялись с якоря» [5, 63].

А поведение птиц над морем передаётся в дневнике как картина для наслаждения путешественника – птицы играют и ведут «междоусобные войны»: «...киты, огромные цари моря, с шумом ходили вокруг корабля нашего... и забавляли нас своими фонтанами <...> Над ними плавали по воздуху стаи морских птиц» [5, 59].

В финале романа именно водная стихия принимает героя и становится символом его вечной славы: «Тесным неприятелем, покрытый ранами, Ермак долго еще удерживался на краю крепкого утеса <...> гранит поколебался под пятою героя и низвергся с ним в пучину бурной реки; тяжелая броня и истощенные силы погрузили его на дно глубокого Иртыша» [6, 500].

Различны по своей функциональности и две кометы. Комета, которую видел путешественник на корабле в Америку, стала поводом для размышлений о тайнах мироздания и пользы для научного знания: «Небо усыпано планетами! На востоке очень видна новая Комета с весьма большим блеском! Сколько, я думаю, голов занимается, не спит ночи и дни, чтоб отгадать откуда она взяла свое течение, чтобы определить ей путь, ее величину, расстояние? Сколько,

наверное, будет о ней ученых прений и споров! Но кто может постичь неисповедимые деяния всевышнего?» [5, 52]. В романе комета появляется в тяжёлое для России время, после оставления Ливонии и подписания Грозным позорного мира с Баторием, становясь как бы предвестием последующих бедствий: «Москва с трепетом, подобно робкой деве, ожидающей удара <...> ждала новой грозы, новых кровопролитий. <...> Комета, носившаяся днем и ночью над Москвою, была, по всеобщему понятию, знамением величайших бедствий» [6, 458]. Тем контрастнее воспринимаются последующие известия, которые принесли посланники Ермака о присоединении Сибири к России «во имя Христа и великого государя – на веки веков» [6, 464].

В романе описания Сибирской земли как своеобразного «Эдема» – источника, хотя пока и неосвоенного, всевозможных благ – переключаются, а часто и прямо соотносятся с описанием американских «выгод» для человека: «...что привлекает людей в отдаленную Америку? Не выгоды ли житейские? Что заставляет их переплывать бурные океаны, оставлять родину? Как недовольство жизненных потребностей! Стало быть, нужна только добрая воля – и пустынная Башкирия сделается в несколько лет населеннейшею областью царства Русского...» [6, 322]. А уральские владения Строгановых, благословивших дружину Ермака на сибирский поход, приравнены своим пространством к «Франции, совокупно с Испанией!» [6, 348].

Однако этот публицистический пассаж в начале романа лишь оттеняет некорыстную, не преследующую личных «выгод» сущность предпринятого похода казаков. Заманчивые предложения местных князей избавить казаков от преследований Московского царя за их былую разбойничью вольницу взамен на принятие магометанской веры и признание власти царя Сибирского Кучума разбиваются о крепость веры и духа казаков и их атамана: «Дервиш, – сказал Ермак с важностью, – прощаю тебе слова твои и помышления: ты исполняешь обет свой и долг; но ты не знаешь казаков, не знаешь, что ничто на свете не в состоянии поколебать казака в его вере: он не изменит Христу Спасителю ни в счастье, ни в несчастье, не отречется от него ни ради всех благ мира, ни ради мук ада!» [6, 327–328]. А опалу царя Грозного казаки снимают с себя «славными делами» [6, 363], принесшими Сибирь России.

Сама подготовка к сибирскому походу по своей интенсивности получает в романе сравнение с тем, что обычно происходит на верфях Нью-Йорка: «Какая деятельность, какая жизнь кипела на берегах Камы! Этому подобное можно разве видеть на верфях Нью-Йоркских, где целые флоты спускаются почти ежедневно на быстрые струи

Гудсоновой реки <...> где тысячи рук заняты строением морских палат и крепостей!» [6, 370]. Очевидно, воспоминания о посещении Нью-Йорка, зафиксированные в Дневнике, пригодились Свиныну-романисту для воссоздания атмосферы предпринимаемого большого дела, определяющего судьбы многих людей. Когда-то, стоя на берегу Гудзона, он видел «корабли, приходящие и отходящие, устье, усеянное маленькими рыбацкими лодками, две грозные батареи по концам города <...> высокие башни и шпицы, выстовляющиеся из громады домов» [5, 108]. Снаряжение сибирской дружины по градусу «кипения» жизни даже превосходило объект сравнения, потому что касалось конкретных людей, героев романа Свинына. «Луговая низменность <...> покрыта была длинными ладьями с острыми носами как у стерлядей <...> Люди, как муравьи, кипели над ними. Одни стучали топорами; другие, привязывая канаты к верхушкам мачт, распевали веселые песни; третьи возили смолу, четвертые устанавливали семипядные пищали и легкие самопалы. Телеги скрипели под тяжестью мешков и кадок с мукой, крупой и маслом» [6, 370].

В Дневнике корабль хотя и несёт на себе знаки особой связи с внешним миром, похож на живое существо, преследуемое водной стихией, однако он всё равно остаётся только средством передвижения на другой материк. В романе корабль предстаёт как эквивалент человека, начиная от его рождения под руками казаков, проходя через все испытания – «бедствия от мелководья и ненастья» [6, 381] и оставаясь последним прибежищем для спасения дружины. Так, именно в лодке Ермак мог бы найти спасение в своём последнем бою: «Может быть, он надеялся еще дойти до берега и спастись в лодке, полагаясь на тьму ночную; но увы! удел его уже был решен Свыше!» [6, 500]. Свою роль в спасении казаков в боях сыграли и своеобразные двойники лодок и людей – плоты с чучелами, которые отвлекали внимание татар от Ермаковой дружины, появлявшейся внезапно в тылу неприятеля и обращавшей его в бегство.

Биографы и историки литературы отмечают, что романы П. П. Свинына не пользовались при жизни писателя большой популярностью [4, 374], что его дневники, письма и воспоминания о путешествиях в разные страны грешат большой долей вымысла. Да так, что это даже стало предметом насмешек А. С. Пушкина [3, 489–490]. Однако само время – прошедшие после выхода романов почти двести лет – позволяет оценить этого автора как образец упорного трудяги, пытавшегося понять и воплотить в своих романах законы художественного слова, передающего живые картины действительности, а не умозрительные наблюдения, которые, впрочем, имели для Свинына свою ценность. Так или иначе, и Американский дневник, и романы Свинына, и воспоминания

современников [2, 271] оставляют впечатления о нём как о человеке неординарном, способном собирать вокруг себя людей, увлечённых историей своей страны и очень отдалённых земель.

Литература

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб.: В типографии вдовы Плюшар с сыном, 1834. – Т. IX. – 406 с.

2. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Ред., вступ. ст. и прим. Н. Л. Бродского. – М., Л.: АКАДЕМИА, МСМXXX. – 592 с.

3. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичёва. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 1996. – 527 с.

4. Русский биографический словарь: В 20 т. – Т. 13. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – 480 с.

5. Свиньин, П. П. Американские дневники и письма (1811–1813) / П. П. Свиньин. – М.: Издательский дом «Парад», 2005. – 559 с.

6. Свиньин, П. П. Ермак, или Покорение Сибири. Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских. Ермак, или Покорение Сибири. Исторические романы / П. П. Свиньин. – М.: Фирма «Кронос», 1994. – 512 с.

THE ARTISTIC AND THE PUBLICISTIC IN THE AMERICAN DIARY OF P. P. SVIN'IN

O. G. Lazaresku

Abstract

The diary of impressions written by a public servant and a writer of the early 19th century P.P. Svinin during his travel to the United States of America is of a particular interest in terms of the way a direct word, which only registers the reality and fixes primary emotional responses of a human to what he has just seen, is transformed into a word of art, which comprises a wide spectrum of potential meanings that allow to come to universal values of events and phenomena of the reality. The article shows how first impressions of a young observer «sprouted» with time into plots, motifs and images of Svinin's historical novels, and taught him to work with «raw» historical material and to discern the essence of phenomena in random details.

Keywords: diary, historical novel, Svinin, Karamzin, plot, motif, image

Поступила в редакцию 30.05.2018

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Е. В. Никольский¹,
Варшавский университет
eugenius-08@yandex.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЧНОГО ЖИДА В ТВОРЧЕСТВЕ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА СИБИРСКОГО ПЕРИОДА

В статье проанализирована малоизвестная поэма Вильгельма Кюхельбекера «Агасвер»; отмечается, что для Кюхельбекера в целом был характерен подход к народному мировосприятию как мировосприятию прежде всего христианскому, православному, для которого очень значимы идеи смирения и покаяния. Это ярко проявилось в его опытах по созданию больших проблемных произведений, насыщенных философским содержанием. Можно сказать, что все творчество Кюхельбекера 1830–1840-х гг. проникнуто в той или иной мере религиозным мироощущением.

Ключевые слова: романтизм, апокрифы, философская поэзия, библейские мотивы, вечный жид, интертекстуальность, мотивы покаяния, образ Христа, богоборчество

Романтическое движение зародилось в Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в. Это движение выступало за пересмотр сложившихся стереотипов рационалистического XVIII века. Вопрос о соотношении как романтизма в целом, так и его отдельных направлений и разновидностей с христианской верой, евангельским миропониманием является одним из актуальных в современной филологической науке. Поэтому с некоторой долей условности в русском романтизме можно выделить два течения: романтизм ранних декабристов, «богоборческий», и элегический, «религиозный» романтизм. Последнее течение является результатом творческой переработки традиционных принципов общеевропейского течения русскими писателями, носителями православной культуры. Показательным в этом смысле является творчество И. И. Козлова,

---

¹ Евгений Владимирович Никольский, доктор филологических наук, магистр богословия, адъюнкт по кафедре истории русской литературы Института русистики, Варшавский университет, г. Варшава, Польша

одного из важнейших русских романтических поэтов. Его поэма Козлова «Чернец» (1825) – «самостоятельное проникновение в байроновскую стихию», «своеобразное сочетание байронизма с религиозной мечтательностью школы Жуковского» [5, 232].

Поэма была популярнейшей и имела огромное влияние на современников. Исследователи западноевропейской литературы давно отметили высокий интерес поэтов эпохи романтизма к христианской легенде. Увлеченность странным, страшным, необычным соединялась у европейских романтиков с интересом к средневековому прошлому в его христианском варианте. Творчество русских романтиков в этом отношении мало изучено. А ведь именно в подобных произведениях ярче всего проявляются особенности русского романтизма в сравнении с европейским. Русские романтики увидели в обращении к христианской легенде прежде всего путь слияния романтического и христианского, попытку «исправления» байронического героя [4, 291]. Одним из самых популярных преданий, положенных в основу сюжета романтических поэм, стала легенда об Агасфере (в традиционной терминологии – Вечном Жиде). Он – герой многочисленных сказаний, возникших в средние века, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечное существование за то, что не дал Христу, изнемогавшему под тяжестью креста, отдохнуть на пути к месту распятия.

Агасфер – стилизованное библейское имя, произвольно заимствовано из ветхозаветной легенды об Эсфири (где передаётся имя персидского царя Ксеркса); в более ранних версиях легенды встречаются и другие имена – Эспера-Диос («надейся на бога»), Бутадеус («ударивший бога»), Картафил. Согласно легенде, Агасфер оскорбительно отказал в кратком отдыхе и безжалостно велел идти дальше Иисусу Христу во время его страдальческого пути на Голгофу под бременем креста; за это ему самому (Агасферу) отказано было в покое могилы, он был обречён из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, в его только власти было снять с него зарок. На возникновение легенды оказали влияние религиозно-мифологические представления о том, что некоторые люди являют собой исключение, не подчиняясь общим законам человеческой смертности, и ждут эсхатологической развязки (согласно Библии, таковы Енох и Илия), такая судьба должна постигнуть некоторых очевидцев первого пришествия Иисуса Христа (ср. Матф. 16, 28); в легенде можно увидеть и реминисценцию ветхозаветного мотива проклятия Каину, которого Яхве обрекает на скитания, но запрещает лишать его жизни (Быт. 4, 10–15). В легенде отразились и некоторые аспекты отношения средневековых христиан

к евреям: в них видели людей, не имевших родины и обречённых на скитания, но «чудом» сохранявших этническую и религиозную самобытность, легенда воспринималась и как живая реликвия «священной истории» Ветхого и Нового заветов, история убийц Христа и осквернителей «завета с богом», но в эсхатологическом будущем – примиряющихся с богом через обращение к Христу наследников древнего обетования (так понимали во взаимосвязи Захар. 12, 10, Ос. 1, 7, Малах. 4, 5, Матф. 17, 10 и Рим. 11). Важные моменты, отражающиеся в легенде об Агасфере: это враг Христа, но в то же время свидетель событий жизни Христа; это грешник, поражённый таинственным проклятием и пугающий одним своим видом как привидение и дурное знамение (ср. более позднее предание о Летучем голландце), но через само проклятие соотнесённый с Христом, с которым непременно должен встретиться ещё в «этом мире», а в покаянии и обращении способный превратиться в доброе знамение для всего мира. Структурный принцип легенды – двойной парадокс, когда тёмное и светлое дважды меняются местами: бессмертие, желанная цель человеческих усилий (ср. этот мотив в эпосе о Гильгамеше) в данном случае оборачивается проклятием, а проклятие – милостью (шансом искупления).

В фольклорной традиции Агасфер оказывался в отношениях взаимозаменяемости с другими фигурами скитальцев (Дикий охотник и др.) и вообще существами, с которыми возможна неожиданная и странная встреча (напр., Рюбецаль, горный дух средневековых легенд); как и они, он выступает (по самой структуре мотива) то жутким и опасным, то готовым на помощь и добрым.

Окончательно легенда сложилась в эпоху крестовых походов, паломничества в Палестину, гонений на евреев. Так, астролог-итальянец Гвидо Бонатти приводит один из первых европейских вариантов легенды об Агасфере («Астрономический трактат», изд. 1491). Провансальские и итальянские легенды XV в. повествовали о бессмертном еврее, скитавшемся по городам Италии. Мудрый еврей давал простым людям советы. Властители безуспешно пытались его казнить. В немецкой народной книге 1602 года иудей Агасфер – ремесленник, наказанный Богом вечными скитаниями. Таинственный образ Агасфера вдохновлял многих писателей. Ему посвящали стихи (немецкие поэты-романтики Шубарт («Вечный жид», 1783), и Ленау («Вечный жид», 1833), философские драмы (франц. писатель Э. Кине – «Агасфер», 1833). О замысле поэмы на эту тему писал Гете в эпоху «Бури и натиска»; Эжен Сю описал похождения Агасфера в форме авантюрного романа-сатиры против иезуитов («Странствующий жид», 1844).

В России литературные обработки сюжета об Агасфере также достаточно многочисленны. Опубликованные в России (между 1803 и 1814 годами) части огромного романа польского писателя, графа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» содержат пространный рассказ Вечного жида о своих странствиях. Вероятно, эти отрывки и явились толчком для замысла большинства русских поэм об Агасфере. Известно, что «в 1821 году Батюшков уничтожил среди многих своих неизвестных сочинений нечто (предположительно, поэму) под названием «Вечный жид» [3, 388]. Другие, дошедшие до нас обработки сюжета представлены в творчестве Кюхельбекера, Жуковского, Губера, а также Пушкина и Бернета. Интерес наших поэтов к этой средневековой легенде обусловлен характером самой легенды, сочетающей множество интересных романтических мотивов (мотив странничества, одиночества и др.).

В данной статье мы детально рассмотрим интерпретацию предания о Вечном Жиде в творчестве Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797–1846) – одного из самых ярких поэтов-консерваторов, теоретиков архаизма в литературе.

Кратко вспомним основные этапы биографии, чтобы на их фоне проанализировать его интерпретации ставшего почти архетипическим образа Вечного Жида. Семья была небогатой, но обладала и полезными связями, и влиятельными родственниками. Отец, очень образованный человек, учился в Лейпциге в одно время с Гете и Радищевым. Он обладал обширными знаниями в области агрономии, экономики и юридических наук. Влиятельные родственники помогли ему занять должность при дворе (стать секретарем великого князя Павла Петровича). Позже он был назначен директором Павловска. Мать Вильгельма также была при дворе. Она была няней младшего сына императора Михаила Павловича. Павел I отдал отцу Кюхельбекера в пожизненное владение имение. Именно в нем, в Авинорме, провел детство Вильгельм Кюхельбекер.

Как известно, в 1811 г. Кюхельбекер по рекомендации дальнего родственника Барклая-де-Толли поступил в Царскосельский лицей, где сблизился с Пушкиным и Дельвигом. В 1825 он оказался одним из самых активных участников восстания декабристов (буквально перед самым восстанием он был принят Рылевым в Северное общество). Он стрелял в Великого Князя Михаила Павловича и в генерала Воинова, но в обоих случаях его пистолет дал осечку. По окончании восстания Кюхельбекер бежал, был схвачен 19 января 1826 г. в Варшаве – почти на месяц и две недели позже остальных. Приговором суда он был причислен к первому разряду виновных;

наказанием ему назначалась смертная казнь. По ходатайству Великого Князя Михаила Павловича, казнь была заменена двадцатью годами каторги и пожизненным поселением в Сибири, из которых пятнадцать лет Кюхельбекер должен был провести в одиночном заключении; позднее этот срок был сокращен до 10 лет. Умер Вильгельм Карлович Кюхельбекер 11 августа 1846 г. в г. Тобольске. Все свидетельства современников (порой самые противоречивые) сходятся в одном: Кюхельбекер – темпераментный, нервный, легко возбудимый человек. Он неудержимо вовлекался в самую гущу событий. Эти свойства души Кюхельбекера проявляются и в дневниковых записях, и в его переписке, но самым ярким, роковым проявлением его восторженности стало участие в событиях декабря 1825 года.

Кюхельбекер, как и множество его единомышленников, в возможной революции видел возможность служения своей родине, своему народу. Основная масса декабристов – это дети просвещенных дворян, тех, которые не стремились дать детям глубокое, устойчивое традиционное образования. Следуя модному тогда веянию, они воспитывали своих детей на памятниках античной литературы. Их дети «учились не у жизни, а у Плутарха». В юные восприимчивые души вкладывалось представление об античных добродетелях: стоицизме, независимости, героическом чувстве собственного достоинства; примером для подражания доля них стал античный герой, одержимый желанием послужить государству. Рядом с поэтичностью, идеалистичностью в этой системе ценностей оказывалась гордость. С трагического дня 14 декабря 1825 г. биографию Кюхельбекера можно было бы сопроводить эпитафией «Преступление и наказание». Расплата за преступление была длиной в жизнь. И это не было лишь внешним наказанием в форме тюремного заключения. Во всем последующем творчестве Кюхельбекера сквозят покаянные мотивы, рассуждения о величии Творца, о роли Его Промысла.

Поэма «Агасвер» [7] была написана Кюхельбекером после его участия в восстании. Литературная деятельность была главным и едва ли не единственным занятием Кюхельбекера в заточении. Приступы отчаяния сменялись периодами плодотворной писательской деятельности, творческого вдохновения. В начале 1830-х годов Кюхельбекер работает над «Русским Декамероном». По мысли автора, это произведение должно было (продолжая традицию Бокаччо) состоять из прозаически обрамленных поэтических текстов, причем в прозе Кюхельбекера хотел изложить свои теоретические воззрения, в поэзии же – воплотить их в художественном творчестве. Такая форма позволяла развернуть перед читателем грандиозные картины

основных этапов развития культуры. Первая часть – поэма «Зоровавель», не без влияния Грибоедова, построена на мотивах Священного Писания, в частности, в ней речь шла о том, как вернувшиеся из Вавилонского плена иудеи во главе с князем из рода Давида Зоровавелем воссоздадут Иерусалимский храм. Вторая, «Семь спящих отроков», повествует о времени крестовых походов, когда все народы – испанцы, немцы, итальянцы, галлы, норманны, славяне – были объединены для единой цели. Замысел третьей части так и не был осуществлен: в ней Кюхельбекер предполагал соединить библейские мотивы с традициями Шекспира, зато четвертая, поэма «Агасвер», настолько расширила смысловые границы в процессе создания, что Кюхельбекер отказался от мысли сделать ее очередной «Деклогой», пусть и заключительной. Поэма сама по себе становилась достойной назваться цельным художественным произведением; завершенная на закате жизни Кюхельбекера поэма была ему дороже всех прежних творений, ведь в ней явственно прослеживается история его души.

Весной 1832 г. в дневнике Кюхельбекер упоминал о начале работе над поэмой «Вечный Иудей», но в заметке от 13 мая того же года читаем: «Этого году я много начал, а ничего не кончил: «Вечного жида» придется также оставить; я не в духе сочинять». [8, 126] К своему замыслу возвратился только в 1834 г. 16 мая 1834 он написал: «...во мне живо пробудилась мысль о «вечном жиде». Я его было, уже начал в 1832 г. формою эпическою, но ныне он ожил для меня в одежде драматической мистерии». И на следующий день, 17 мая: «Примечательный день <...> вынул я из чемодана своего «Агасвера», прочел его, и мысли, как продолжать, стали толпиться в голове моей; если удастся, «вечный жид» мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением» [8, 130]. Так или иначе, в 1834 г. Кюхельбекер не закончил свою поэму. Последняя точка в ней была поставлена в 1846 г., в год его смерти. Опубликована поэма была в 1878 г. в журнале «Русская старина».

«Агасверу» суждено было стать исповедью Вильгельма Кюхельбекера. В самом деле, здесь поэт отождествлял свою судьбу с судьбой того или иного из действующих лиц. Своеобразие данной поэмы в чрезвычайно сильном автобиографическом акценте: странствия Жида – аллегорическое изображение жизни Кюхельбекера и современного ему общества. В кратком предисловии к своему сочинению Кюхельбекер писал: «Агасфер путешествует из века в век, как байронов Чайльд Гарольд» [9, 74] Тем самым автор сам подчеркивал, что является преемником и продолжателем романтической традиции опального английского лорда.

Развитие сюжета происходит на фоне событий мировой истории, интерес к которой также был одной из черт романтического мышления. Формально поэма состоит из пяти частей и заключения; в каждой из частей отображается конкретная историческая эпоха: первая вводная часть – события до момента Распятия Христа, вторая – осада Сиона, в ней на сцену выводится пророк, трижды возглашающий на обломках Иерусалима: «Увы народу, граду и святыне!» Третья часть – время правления римского императора Траяна, четвертая – Средневековье, пятая часть повествует о Лютере и о Великой французской революции.

Поэма открывается описанием природы: над Иудеей бушует гром. И тут же автор вводит в повествование главного героя, Агасвера, состояние внутреннего мира которого созвучно стихии:

С какой-то томной радости слух
Печального вливает речи грома:
Из персей рвется жизнь его, влекома
Призывом их...[6].

Необходимо обратить внимание, что в начале поэмы Кюхельбекер объясняет, каким образом стало возможным настроить против Христа пораженных чудом воскрешения Лазаря простых иудеев. Иудеи возлагали на Христа надежду, что Он, воцарившись, избавит их от Римского владычества, от необходимости платить налоги, вернет избранному народу былое могущество.

Но, уз инога плена Разрешитель,
Христос остался тем же, чем и был;
Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Пред коим в страхе обращают тыл
Полки врагов, – нет, скорбных Утешитель,
Бессмертных истин кроткий Возвеститель,
Недужных Друг и Врач больных сердец [6].

Сразу заметим, что у собратьев Кюхельбекера по перу, пишущих о Вечном жиде, указаны иные причины его ненависти ко Христу. Здесь Агасфер – «бунтарь, погруженный в мирские дела и политическую борьбу» [2, 203]. Но чаяния Агасвера не оправдываются:

Нет, и не мыслит возвратить свободу
Спаситель всех Адамовых сынов
Не терпящему *временных* оков,
Но к *вечным* равнодушному народу!» [6].

За этими строками легко прочитывается параллель, проведенная Кюхельбекером между народом иудейским и декабристами: четверостишие как будто бы обращено напрямую к участникам декабрьского восстания. Потеряв всякую надежду на избавление, Агасвер ожесточается, любовь и доверие, которые он сначала испытывал к милосердному Чудотворцу, сменяются ненавистью и озлоблением:

Но, лютым беснованьем обуян,
«Безумца, – тот лепечет, – ненавижу!
Он мог – но разгадать он не умел
Сердце народа... Смерть и поношенье
Да будет вечно всякому в удел,
Кто нас введет в бесплодное прельщенье!» [6].

Эти стихи напоминают настроения декабристов, которые были обнадежены «дней Александровых прекрасным началом», но, разочаровавшись, озлобились. Следующее далее описание Агасвера выполнено в байронической традиции:

И вот, угрюм и гневен и уныл,
Лишась надежды суетной и лживой,
Христа покинул Агасвер кичливый. [6].

Также и в разговоре с другом, клеветом Нафаном, рассказывающим о взятии Христа под стражу, Агасвер – «мрачный и суровый; / Его уста язвительно молчат;/ Он, мнится, мразом мертвенным объят». В следующих строках Агасвер принимает даже inferнальные черты: услышав от Нафана, что Христу вынесен смертный приговор, Агасвер:

...вспрянул, бледен, мрачен, дик,
И вот издал, трясая, зверский крик
(В том крике хохот, визг, и стон, и скрежет,
И, словно вопль казнимых, душу режет).
Потом подходит к другу своему
И смотрит на него, как житель ада,
И, с смехом повторяет: «Смерть ему,
И да не явится ему пощада» [6].

И вот грех совершен. Агасвер отталкивает от своего порога ведомого на казнь Христа. Начались мучительные, долгие годы «вечной» жизни иудея. Грех мгновенен – расплата за него продолжается всю жизнь: вспоминается и история грехопадения первых людей, и грех Каина; столь же четкой границей между блаженным существованием и бесконечным мучительным наказанием был грех Кюхельбекера.

Но сердце Агасвера дух-губитель
Окаменил в ужасный оный час [6].

Во второй части, описывающей гибель Иерусалима, Агасвер появляется «некой мощной думой отуманен»: он уже понял, какое ждет его наказание. Он беседует с юношей, который боится скорой смерти, должной постигнуть его и большую часть иудеев. В этом разговоре Агасвер произносит формулу, определяющую суть постигшего его бедствия:

...Тот блажен,
Кто умирает, – рек пришелец, – все вы
Умрете, счастливые дети Евы;
А тот, кто не умрет, увя ему! [6].

В начале третьей части с Агасвером беседует Некто (позже разъясняется, что это дьявол): «к земному сын земли / Стремится должен». Заметим, что веры в Бога Агасвер не теряет, но это Бог Ветхого Завета, Бог иудейский, который радуется о доле израильского народа. Агасвер уже хорошо знаком с учением Христа, иногда он даже начинает сомневаться, так ли правы были распинавшие Христа, не был ли Он в самом деле Мессией. Однако сердце Агасвера окаменело: «Но где гордыня, там не созревает вера, / Надменных чуждо Божество». После разговора Агасвера с дьяволом Кюхельбекер помещает лирическое отступление с обличительным пафосом, обращенное к современникам:

Но кончу исповедь свою.
За Фауста я себя не выдаю,
А попался мне, и видимо, лукавый;
Не окружен, конечно, адской славой,
Не гадкая та харя, с коей нас
Знакомят сказки, Дант и Тасс, –
В пристойном виде, для стихов негодном,
То в рясе, то во фраке модном,
То в эполетах (в наш любезный век
И он премилый человек!).
Я узнавал не по наряду,
Не по улыбке, не по взгляду, –
По языку я узнавал его;
Его холодный, благозвучный лепет
Рвал струны сердца моего;
Я ужас ощущал, и обморок, и трепет,
А он учтиво продолжал:
«Итак, я, кажется, вам доказал:
Бог, красота, добро, бессмертье – предрассудок,
И глупость, стало быть, единственный порок,
Вселенной правит случай или рок,
Людьми же – похоть и желудок» [6].

Автор узнает демона «по языку»: «Обращаясь вслед за многими романтиками к «демонической теме», он как основной признак своего Демона характеризует его речь» [10, 179]. Далее в 3-й части следует стихотворное переложении жития святой мученицы Зои. В преддверии мученической кончины она смело исповедует свою веру, воодушевляя на подвиг во имя Христа и своего жениха, языческого жреца Аминта. Агасвер присутствует при этой сцене:

Стоял же у подножья трибунала
Во все то время мрачный иудей,
И, будто в темной глубине зеркала,
Пред взорами души его всплывала
Картина прежних дней.
Ему знакомый образ отражала,
Священный, дивный, юная чета:
Пред ним воскрес Христос в них, избранных Христа [6].

Но Агасвер еще далек от покаяния. Четвертая часть, описание глумление черни над императором Генрихом, униженным папой Григорием VII, содержит отрывок, легко применимый к ситуации, которая сложилась бы в результате успеха кровавого предприятия декабристов. Впоследствии это предположение подтвердилось в нашей истории:

А кругом дворца толпа,
И жестока и тупа,
Зверь свирепый, зрелищ жадный,
Смотрит, будто камень хладный,
На безмерный срам того,
Чьих бы взоров трепетали,
Чей бы след они лобзали
В день величия его [6].

В этой части Странствующий Жид вновь появляется в своем романтическом облике, которое здесь усиливается мотивом одиночества:

И чуждый толпы и в толпе одинок,
На кесаря, папу и волны народа,
Как белый кумир, недвижим и высок
(В нем точно ли брэнная наша природа?),
Стремит кто-то с башни таинственный взор,
Пылающий, словно ночной метеор... [6].
К пятой части лютеранин Кюхельбекер должен был подойти с особенным трепетом и воодушевлением.

Насмешник пагубный и едкий,
Философ, филолог и диалектик редкий,
Сам кардинал вступил с суровым немцем в спор,
А кроме вечного Божественного Слова
Не знает Лютер ровно ничего;
Всех знаний и всех чувств и мыслей всех основа –
Единое оно наука для него [6].

Но с Божией помощью отважному проповеднику удастся одержать верх над противниками. Заступничество царя спасает его и от насильственной смерти, и Лютеру вновь дарована возможность тайно проповедовать.

Ты защитишь меня от кровопийц свирепых:
К числу ли сказок отнести нелепых
И честь и честность царскую? Есть царь
И над царями».
Царь не посягает своей чести, сохраняет жизнь Лютера.
Что ж жид пред мужем веры, мужем сил
Почувствовал? «Фанатик! Много их, –
Он молвил, – в стаде Иисуса!
Жаль не сожгли Его, как Иоанна Гуса!»
Но нечестивец вдруг притих:
Ему явился ряд таких воспоминаний,
Которые излили ток страданий
В окаменелую от долгой муки грудь, –
И Агасвер был принужден вздохнуть [6].

Здесь мы видим, что душе Агасвера уже начался романтический разлад. В следующих строках Кюхельбекер показывает крушение самого престола французских королей. В этой последней повествовательной части мысли о разрушительных, страшных плодах революции появляются вновь – с удвоенной силой. Эти слова поистине звучат пророчески:

Все рушилось; все пало, церкви нет;
Престол вдруг рухнул в зев бездонный;
Глухая ночь, померк последний свет;
Король казнен. Народ кровавый, полусонный,
Жертв требует еще, но жертв почти уж нет.
Свирепствует Карье. Несчастный Нант трепещет.
Палач от казни изнемог;
Тут изверг гильотиной пренебрег:
Картечь в священников, в аристократов мечет [6].

Разлад во внутреннем мире героя продолжается. Рука Промысла через все внешние события ведет его к покаянию:

Но насылает Бог неистовые бури
Для очищения померкнувшей лазури;
И чудным образом, средь гроз, и зол, и бед,
Дух просыпается, и вот находит след,
Находит верную, надежную дорогу
Обратно к своему Отцу и Богу [6].

Ту же самую тенденцию мы видим в описании реакции Агасвера на молитву у нем католического священника, которого ведут на смерть:

«Sancta simplicitas, – подумал соблазнитель. –
Вот молится, чтоб Вечный Жид
Покаялся!» Но вместе тайный стыд
Почувствовал и отошел смущенный [6].

Заключительная глава открывается отрывком, подводящим итог странствованиям Агасвера. Здесь акцент делается на романтическом мотиве странствования, проходящем через все произведение:

Вот так-то Агасвер
Переplывал моря и реки;
Прошел все земли, все страны и веки
И видел колыбель и гроб племен и вер,
Рождение и кончину мнений.
Он длинную прошел кончину поколений [6].

Еще один определяющий романтический мотив в заключительной части – мотив одиночества. Здесь мы видим одинокого Агасвера, неистово рыдающего на могиле последнего человека, своего заклятого врага.

И сидит, один и страшен
Он, единый властелин
Мира трупов и личин [6].

Бессмертие Агасвера – намек на долгие годы ссылки Кюхельбекера. Многие страницы поэмы содержат переложенные на стихи христианские предания и сам текст Нового Завета. Это следующие эпизоды:

1. Исповедничество Зои:
И ведай, Он о лицемере рек:
«Кто, раб тщеславья или мзды и страха,
Здесь отречется пред сынами праха,
Пред смертными отвергнется Меня,
Того и Я за вашим миром тесным
В том мире пред Отцом Моим Небесным
Отвергнусь»... [6].

2. Обличение папы Григория VII:
Раздумай все, что повелел
Тот, чьим зовешься ты слугою,
Что нарушал ты, горд и смел,
Что перед чернию слепою
Неправдой наглой искажал...
«Да будешь кроток, тих и мал!
Благословеньем за проклятья,
Любовью за вражду плати (Мф.5:44), (Лк.6:27–28).
Господь – Отец ваш, все вы братья.
От Бога власти – власти чти;
И, если даже кто в ланиту
Тебя ударит, – ты в защиту
И тут руки не поднимай,
Ему другую подставляй...» (Мф.5:39), (Лк.6:29) [6].
«Все ж я проникнут упованьем:
Христос отвергнет ли меня?
Не пал же в алчный зев огня,
Живым раскаяньем объятый,
И тот разбойник, с Ним распятый,
Которого в последний час
Христос, мой Бог, простил и спас!» (Лк.23:39–43) [6].
3. Речь Лютера.
Без Бога не падет малейшая из птиц,
Без Бога (с нами Бог!) не сгинет мой и волос! (Лк. 21:18)
Зовет меня мой Бог, я Божий слышу голос! [6].

Таким образом, перед нами типичная романтическая поэма с соответствующей тематикой и проблематикой, в основу которой положен сюжет, благоприятный для создания именно такой поэмы. Кюхельбекер изображает боль, уныние, полное бессилие в высшем их проявлении. «Ад одиночества, ад однозвучный» едва не лишает Агасвера рассудка, но тут к страдальцу приступает Христос, «Распятый велением Пилата». Тогда только Агасвер смиряется перед Ним, и только тогда, в Его объятиях, Агасвер ощущает отдохновение. Христос пришел.

Для Кюхельбекера в целом был характерен подход к народному мировосприятию как мировосприятию прежде всею христианскому, православному, для которого очень значимы идеи смирения и покаяния. Это ярко проявилось в его опытах по созданию больших проблемных произведений, насыщенных философским содержанием. Можно сказать, что все творчество Кюхельбекера 1830–1840-х гг. проникнуто в той или иной мере религиозным мироощущением.

В отличие от Бестужева или Одоевского, Кюхельбекер был изолирован и от друзей декабристов, и от внешнего мира, проведя в одиночном заключении десять лет. Его творчество питалось в основном чтением книг и журналов, разными путями попадавших к узнику. Большинство его поэм написано на историческом материале. Часть их воплощает историю религии: библейские мифы, легенды о первых христианах, евангельские предания («Давид», «Зоровавель», «Семь спящих отроков», «Агасвер»). Эти произведения отражают как религиозные устремления Кюхельбекера, так и его общефилософские интересы, его трактовку исторического процесса. Больше всего сказанное относится к анализируемой нами поэме «Агасвер» («Вечный жид»).

В основу поэмы положено предание об иерусалимском сапожнике Агасвере, оттолкнувшем Христа, который по дороге на Голгофу остановился передохнуть у порога его дома. За это Агасвер был наказан вечным скитанием по земле. Такой сюжет позволил Кюхельбекеру изобразить различные моменты мировой истории от времен Христа до XIX в. Поэма состоит из семи отдельных отрывков, каждый из которых посвящен драматическим событиям истории, так или иначе связанным с противоборством между последователями Христа и его противниками. В основе ее – почти августиновское (если вспомнить трактат Блаженного Августина «О граде Божием») противопоставление двух отношений к миру, два понятия об истине и смысле жизни.

В первом «отрывке» Агасвер, бунтарь, погруженный в мирские дела и политическую борьбу, мечтает об освобождении Иудеи из-под владычества римлян. Он идет за Христом с надеждой, что тот осуществит это освобождение. Христос же посвятил себя вечному. Социальное угнетение, национальные проблемы не волнуют его:

Нет, и не мыслит возвратить свободу
Спаситель всех Адамовых сынов
Не терпящему временных оков,
Но к вечным равнодушному народу! [6].

Убедившись в этом, Агасвер покидает Христа и становится его врагом. Эта дилемма: мирское – небесное, временное – вечное, – рассматривается во всех последующих отрывках на различном историческом материале. Духовное превосходство последователей чистой веры, пусть даже преследуемых и гонимых, везде подчеркивается Кюхельбекером. Вместе с тем поэма содержит и социальные мотивировки целого ряда исторических событий, показывает закономерность их возникновения. Представив первый этап Французской революции как широкое движение народных масс, Кюхельбекер делает вывод, что якобинский террор стал гибелью

идеалов революции. Якобинцы показаны им как душители свободы, жестокие лицемеры, меньше всего на деле обеспокоенные действительным положением народа. И наоборот, католические священники, бывшие до революции оплотом несправедливой власти, через страдания и гибель искупают свои грехи и погибают за веру, духовно преображенные. Тема искупления грехов страданием вообще характерна для последекабрьского творчества Кюхельбекера и встречается в ряде его произведений.

Известно, что время заключения было в творчестве Кюхельбекера наиболее плодотворным. Он писал во всех жанрах: лирические стихи, поэмы, драмы, художественная проза и литературная критика. Произведения на религиозные темы занимают в творчестве этого периода большое место. Это и поэмы на библейские сюжеты («Давид», «Семь спящих отроков»), и лирические стихотворения, написанные в форме непосредственных обращений к Богу или связанные с церковными праздниками. Религиозное чувство в той или иной степени пронизывает все творчество Кюхельбекера тюремного периода, хотя чувство это отнюдь не становится ортодоксально церковным.

Будучи лютеранином по своему вероисповеданию, Кюхельбекер отличался широкой веротерпимостью и в конце жизни, в ссылке, посещал православную церковь, женившись на православной. Религиозные настроения Кюхельбекера после 14 декабря, видимо, прошли ту же эволюцию, что и у других декабристов: колебания между отчаянием и надеждой в период следствия, состояние глубокой душевной депрессии в первые годы заключения и возрождение к новой жизни, новое обретение себя и своей связи с миром. Кюхельбекеру помогло в этом его творчество.

Поэзия Кюхельбекера проникнута состоянием покинутости и отчаяния, но благодаря обострению религиозного чувства оно преображается в ощущение единения со всей вселенной. Бог – податель вдохновения – спасает узника от нравственной гибели. Душа человеческая как бы растворяется во вселенной, роднится с ней. Этот примиряющий и возвышающий мотив очень характерен для Кюхельбекера и возникает в религиозном оформлении.

В настоящей работе нами рассмотрена романтическая поэма Вильгельма Кюхельбекера, в основе сюжета которой лежат христианские предания. При соблюдении основных требований художественного метода романтизма, русский романтик, знакомый с православной культурой, привнес в этот метод новые особенности. Традиционная система ценностей романтизма у сосланного в Сибирь декабриста обогащается рядом религиозных ценностей. «В центре всех рассматриваемых произведений стоит проблема встречи человека

с истинным Богом и ее последствия. Если согласимся, что Агасфер Кюхельбекера, Губера и Жуковского, а также благоразумный разбойник Глинка – это обобщенные образы человека вообще, то из этого следует, что русские поэты показывают (каждый по-своему, разумеется) правду о встрече человека с Богом» [1, 46].

Обычный для романтизма лиризм возвышается до характерной вообще для русской литературы интимной исповедальности в христианском духе. Наличие ряда обличительно-дидактических моментов свидетельствует об осознании поэтом-изгнанником своего служения как служения пророческого.

О том же говорит наличие в тексте «Агасвера» большого количества стихотворных цитат из Евангелия и других священных христианских текстов. «Христианская культура «как некоторый особый тип смысловой организации мира», ярче всего сформулированный в библейских и около библейских текстах, не была ни вычеркнута, ни кощунственно перечислена русскими романтиками. Наоборот, она была ими усвоена полностью, со всеми ее элементами, как ортодоксальными, так и апокрифическими, но не выходящими за рамки широко понимаемой христианской культуры» [1, 45].

Таким образом, обращение к христианской легенде продиктовано не только и не столько следованием традиции романтизма, поиском необычных мистических, «экзотических» сюжетов, сколько широкими возможностями этих сюжетов для передачи авторских воззрений на множество волнующих Кюхельбекера религиозных вопросов. «То, что многим современным исследователям кажется проявлением пессимизма, апофеоза страданий и упадка духа, измельчания поэтического дарования поэтов, переставших заниматься «злостью дня», было результатом глубоких раздумий, многолетних философских исканий, приведших к полному отречению от гордыни, от самонадеянности человека» [1, 46].

В заключении специально отметим, что русские романтические авторы принципиально отличались от европейских тем, что не имели за своими плечами многих лет секуляризации жизни, эпохи Возрождения, религиозных войн. Почти все наши романтики прошли через теплую тайну православного христианства. Это касается и лютеранина Вильгельма Кюхельбекера, воспитанного все же русской православной средой, который (как явствует из его поэзии сибирского периода) ощущал на себе нежную руку Небесного Отца, которая касается нас в таинствах Церкви, поэтому его душа тосковала без веры, и, облакаясь в наряды байроновских героев, в глубине стремилась к Богу, к Церкви.

Литература

1. Malek, E. Канонические и апокрифические «библейские сказания» в произведениях русских романтических писателей / E. Malek // *Jews and Slavs. Judeo-Slavic interaction in the modern period.* – Volume 4. – Jerusalem, 1995. – С.40–59.
2. Архипова, А. В. Религиозные мотивы в поэзии декабристов / А. В. Архипова // *Христианство и русская литература.* – СПб.: Наука, 1994. – С. 185–208.
3. Афанасьев В. Жуковский / В. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 400 с.
4. Виноцкий, И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского / И. Ю. Виноцкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
5. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978. – 425 с.
6. Кюхельбекер, В. К. Агасвер / В. К. Кюхельбекер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kyuhelbeker.lit-info.ru/kyuhelbeker/stihi/agasver.htm>
7. Кюхельбекер, В. К. Агасвер / В. К. Кюхельбекер. – М.: Libra press, 2015. – 88 с.
8. Кюхельбекер, В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. – Л.: Наука, 1979. – 793 с.
9. Кюхельбекер, В. К. Избранные произведения: в 2 т. / В. К. Кюхельбекер. – Т. 2. – М.; Л.: Сов. писатель, 1967. – 664 с.
10. Семенко, И. Поэты пушкинской поры / И. Семенко. – М.: Худож. лит., 1970. – 295 с.

WILHELM KUCHELBECKER'S WORK OF THE SIBERIAN PERIOD:
INTERPRETATION OF THE WANDERING JEW IMAGE

E. V. Nikolsky

Abstract

The article analyzes the little-known poem by Wilhelm Kuchelbecker "Ahasver"; it is noted that for Kuchelbecker as a whole the approach to the popular perception of the world was characteristic of Christian and Orthodox worldview, which is very significant of the idea of humility and repentance. This was clearly manifested in his experiments on the creation of large problematic works rich in philosophical content. One can say that Kuchelbecker's work of 1830–1840-ies is imbued with religious life-world to some extent.

Keywords: romanticism, Apocrypha, philosophical poetry, biblical motives, the wandering Jew, intertextuality, motives of repentance, the image of Christ, theomachy

Поступила в редакцию 30.03.2018

РАЗДЕЛ III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

ББК 83.3(2 Рос. Баш)

УДК 821.5+82-1+82-6

М. Х. Надергулов¹

*Уфимский федеральный
исследовательский центр РАН
nadergul@mail.ru*

**НОВОНАЙДЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВУ АКМУЛЛЫ**

В статье делается краткий обзор обнаруженных в последние годы архивных материалов по биографии башкирского поэта-просветителя XIX века Акмуллы, анализируются его письма и прошения, а также 2 новонайденных стихотворений, которые до сих пор не были изучены и не введены в научный оборот.

Ключевые слова: башкирская поэзия XIX века, творчество Акмуллы, архивные материалы

О знаменитом поэте-просветителе Мифтахетдине Камалетдиновиче, получившем широкое признание под литературным псевдонимом Акмулла, написаны и изданы десятки книг на башкирском, казахском, татарском и русском языках, опубликованы сотни научных и научно-популярных статей, его жизнь и творчество освещены в историях башкирской, казахской и татарской литературы. Однако нельзя сказать, что его биография и поэтическое творчество изучены во всех подробностях и деталях. Научные поиски в этих областях еще не завершены, ибо остается довольно много вопросов, ответов на которых невозможно найти в имеющихся изданиях и публикациях. К тому же в последние годы были найдены новые источники, связанные с жизнью и творчеством выдающегося поэта.

Как известно, человек, считающий себя ученым-исследователем, прежде чем о чем-то прошлом писать или говорить, должен подробно изучить все источники, архивные материалы и имеющуюся на данное время научную литературу. Иначе его работа,

---

¹ Надергулов Минлегали Хусаинович, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа

если она основана на всякого рода слухах, домыслах и легендах, не будет иметь ничего общего с настоящей наукой и в будущем непременно будет подвергнута основательной критике. К большому сожалению, подобные публикации – нередкие явления нашей действительности. Среди работ, давших место домыслам, имеются и те, которые посвящены жизни и творчеству Акмуллы.

К примеру, казахские исследователи, в частности Валихан Калижанов, не ссылаясь ни на какие архивные материалы, пишет, что Мифтахетдин родился-де в 1839 г. и отцом его был казах по имени Мухамедьяр, а матерью – башкирка по имени Бибигульсум Салимьяновна [4, 3-16]. А татарский историк Миркасим Усманов, также не приводя никаких убедительных доказательств, писал в свое время, что отцом поэта был тот же казах Мухамедьяр, а матерью была татарка Бибигульсум Салимовна [2, 7-15].

Архивные же источники свидетельствуют совсем о другом. Еще в 1981 г. историк А. З. Асфандияров опубликовал статью «К биографии поэта», в которой приведены материалы VIII (1834 года) и IX (1850 года) ревизий (переписей), четко указывающие на то, что Мифтахетдин родился в 1831 г. в башкирской деревне Туксанбаево бывшей Кульиль-Минской волости 12-го Башкирского кантона Белебеевского уезда Оренбургской губернии, и его отцом был башкир Камалетдин Ишкужин, а матерью – первая жена отца башкирка Бибиуммульсум Салимьяновна [3, 42-55]. Подробные сведения о биографии поэта с демонстрацией архивных материалов и родословной-шежере опубликованы и в книге Р. З. Шакурова «Звезда поэзии. Башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акмулла» [9, 28-60].

Несколько лет назад историк Р. Р. Кутушев в Национальном архиве Республики Башкортостан обнаружил два письма-прошения и одно письмо, написанные самим поэтом в сентябре-декабре 1894 г. в адрес Оренбургского Духовного Собрания и муфтия М. Султанова [5, с. 46-51]. В этих прошениях, где автор просит Духовное Собрание и муфтия «произвести разбирательство о самовольном уходе от него жены», он называет себя сыном не какого-то вымышленного Мухамедьяра, а именно муллы Камалетдина [7].

Таким образом, архивные материалы не оставляют никакого места для всякого рода споров вокруг таких вопросов, как дата рождения Акмуллы, его этническая принадлежность и родители. А то что, поэт благодаря своими выдающимся произведениям стал любимым и почитаемым не только среди башкир, но и среди казахов и татар, – явление абсолютно беспорное и закономерное.

Причины появления имени Мухамедьяра в публикациях о биографии поэта весьма обоснованны и убедительно раскрыты в вышеупомянутой монографии Р. Шакура [9, 44-49]. В этой же книге можно найти конкретные сведения о том, как и по каким причинам Акмулла был осужден и заключен на четыре года в Троицкую тюрьму.

Обнаруженные Р. Р. Кутушевым прошения поэта, как было сказано, ценны и интересны в том плане, что проливают свет на одно событие в жизни Акмуллы, а именно на его женитьбе в старости лет. Содержание этих документов свидетельствует о том, что в сентябре 1893 г. поэт возвратился из казахских степей в Троицкий уезд и посетил своих друзей, которые посоветовали ему покончить с холостяцкой жизнью и жениться на молодой Сагире – дочери башкира Юмабая Сагынбаева из деревни Сулейманово Тунгатаровской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии (ныне Учалинский район Республики Башкортостан). Акмулла прислушался к их совету и, заплатив в требуемом объеме калым, взял в жены Сагиру и уехал с ней на свое прежнее место жительства. Их бракосочетание не было зарегистрировано в метрической книге по причине того, что Сагире еще не было тогда 16-и лет (в то время по российским законам девушкам разрешалось вступить в брак лишь после достижения 16-и летнего возраста). Примерно через год, в августе 1894 г., супруги приехали в гости в деревню Сулейманово к родителям Сагиры. Однако в дальнейшем молодая жена отказалась обратно уехать с мужем, в этом ее поддержали и родители. В прошениях в адрес ОмДС и муфтия Акмулла все это подробно изложил и просил оказать ему помощь в восстановлении семьи.

В Духовном Собрании тогда казыем, т.е. религиозным судьей, работал известный ученый-просветитель и религиозный деятель Р.Фахретдинов, который в свое время больше всех интересовался жизнью и творчеством Акмуллы и в своих записях и публикациях оставил весьма ценные сведения о нем. Именно ему пришлось иметь дело с прошениями поэта. Об этом он пишет в разделе «Мифтахетдин бин Камалетдин бин Ишмухамет», вошедшем в IV том рукописного сочинения «Асар» (в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого столетия ученый-просветитель готовил дополненный рукописный вариант этого сочинения), хранящегося ныне в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук [6]. К сожалению, в этих записях имеются некоторые неточности и ошибочные утверждения. Это можно объяснить тем, что Р. Фахретдинов пользовался лишь доступными ему источниками и будучи уже в преклонном возрасте иногда путался в воспоминаниях

и размышлениях. Это можно заметить уже в названии раздела – дедом Мифтахетдина вместо Ишкужы он называет Ишмухамета. Ошибка встречается, к сожалению, и в части раздела, названной «Акмулла в городе Уфе» («Акмулла Уфа шэхэрэндэ»). Здесь он пишет, что во время беседы с Акмуллой они упоминали и сочинение «Асар», чего на самом деле быть не могло, ибо первая часть этого сочинения была издана лишь в 1900 г., тогда как встреча этих выдающихся личностей состоялась, как он пишет, уже в 1894 г. Вполне возможно, что Р. Фахретдинов в начале XX в. имел беседу с каким-то другим человеком о необходимости включения в «Асар» больше сведений о выдающихся представителях казахского духовенства и интеллигенции.

В воспоминании же «Акмулла в городе Уфе» Р. Фахретдинов пишет, что поэт посетил Уфу в сентябре 1894 г. и главной целью его приезда было выяснение состояния дел по решению вопроса, поднятого в отправленном им прошении в адрес Духовного Собрания. При беседе с Акмуллой на эту тему казый посоветовал не настаивать на насильственном возвращении его молодой жены, поскольку, как он сказал, она еще не достигла совершеннолетия и разница в их возрасте слишком большая (тогда уже Акмулле было 63 года). Поэт как будто бы согласился с этим, но был весьма опечален. Поэтому Р. Фахретдинов в дополнение сказал ему, что скоро будет отправлено официальное поручение местному ахуну разобраться с этим вопросом на месте. Известно, что и после этой попытки Юмабай Сагынбаев не согласился отпустить свою дочь и вопрос был решен не в пользу Акмуллы.

В беседах с Акмуллой запомнилось и то, отмечает ученый-просветитель, что, несмотря на долгие скитания среди казахов, в разговоре он очень мало употреблял казахские слова и его язык ничем не отличался от языка бурзянских и усерганских башкир.

Далее в воспоминании автор пишет, что после беседы с целью поднятия настроения поэта он организовал встречу с муфтием М. Султановым. На чайную церемонию пригласил и другого башкирского поэта – М. Уметбаева, и во время чаепития между двумя поэтами состоялось своего рода поэтическое состязание – айтыш. Муфтий остался очень довольным этой встречей. «Такое приподнятое настроение муфтия я никогда после этого не замечал», – пишет Р. Фахретдинов [8, 156-160].

Новонайденное Р. Р. Кутушевым письмо раскрывает некоторые подробности данной встречи и чаепития у муфтия. Из содержания письма становится ясным то, что в ходе беседы Акмулла обещал сочинить стихотворение, посвященное М. Султанову. Однако

на другой же день пришел к нему представитель муфтията и попросил текст стихотворения, и Акмулла вынужден был за полтора часа написать обещанное произведение и в черновом варианте передать его через этого человека. Об этом Акмулла писал с некоторым сожалением, видимо, намеревался выполнить обещание только после приезда в Троицк, потому остался недовольным некоторыми художественными достоинствами стихотворения. Таким образом, становится ясным, что в последние дни своей жизни поэт написал стихотворение о М. Султанове. К сожалению, данное произведение все еще не обнаружено, и судьба его остается неизвестной до сих пор.

Тем не менее поиски продолжаются, и время от времени выявляются новые письменные памятники, связанные с биографией и творчеством великого поэта. Так, например, в этом году нами были обнаружены рукописные списки двух поэтических произведений Акмуллы. Эти списки оказались включенными в сборник сочинений башкирского ахуна Мусы бин Фатхуллы аль-Кувакани (1848-1904), хранящийся ныне в личной коллекции профессора, академика АН РБ Г. Б. Хусаинова. В сборник вложена половина листка из ученической тетради, где небрежным почерком написаны слова: «Юльмухаметов Салават Яхиевич. Эта книга передается Баимову Б. С. на память». Видимо, бывший старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН Б. С. Баимов обнаружил ее во время своей научной командировки и потом передал Г. Б. Хусаинову.

Муса-ахун был младшим братом легендарного Гайсы-ахуна Расулева и племянником Зайнуллы-ишана Расулева. Он состоял в переписке с Р. Фахретдиновым, которому представил ценные сведения о жизни и деятельности шейха З. Расулева. Родился Муса бин Фатхулла аль-Кувакани в марте 1848 г. в деревне Шарипово (Авязово) Троицкого уезда Оренбургской губернии, умер 27 октября 1904 г. в деревне Ахуново Верхнеуральского уезда Уфимской губернии (ныне Учалинский район Республики Башкортостан). Его арабиграфичная рукописная книга объемом 87 листов была написана в 1894-1895 гг. (последняя дата в рукописи – 1904 год). Пагинации, т. е. нумерации листов, не было, поэтому автору этих строк пришлось пронумеровать все листы книги в виде: 1, 1а, 2, 2а, 3, 3а и т.п. Сборник состоит из нескольких писем Мусы-ахуна, его записей на различные религиозные темы на арабском и старотюркском языках, а также рукописных списков 2-х стихотворений Акмуллы и 2-х стихотворений своего брата Гайсы-ахуна Расулева.

Одно из стихотворений Акмуллы названо «Слова Акмуллы» («Кяламе Акмулла», л. 26). В нем автор, обращаясь к самому себе, призывает вовремя сказать людям нужные слова и заставить их предаться раздумьям о бытии и человеческой сущности. Данное произведение, как и многие другие стихотворения поэта, написано в жанре рубаи и состоит из 9-и четырехстрочных строф и одной строфы из пяти строк.

К сожалению, в рукописи три слова из поэтического текста частично стерты, поэтому правильно прочесть и перевести их на современный башкирский и русский языки практически невозможно. Указанная в конце текста дата – 1316 г. по хиджри (лунному календарю) соответствует 1899 г. по христианскому летоисчислению. Это, вне сомнения, дата переписывания Мусой-ахуну данного стихотворения.

Произведение «Слова Акмуллы» написано на старотюркском языке, вернее, на языке тюрки Урало-Поволжья с довольно частым употреблением собственно башкирских и казахских слов и словоформ. Следует сказать, что оно до настоящего времени оставалось неизвестным научной общественности, никем еще не изучено, не оценено и нигде не опубликовано.

Другое стихотворение, написанное также на старотюркском языке, дано без названия и начинается словами: «Широкое поле становится узким в случае беды...»; («Кин япан тар булады, каза кился...», л. 25–25а). Сравнительно-сопоставительное изучение показало, что данное произведение является частью объемного стихотворения Акмуллы «Место мое – тюрьма...» («Урыным – зиндан...»), написанного в 1867–1871 гг. в застенках Троицкой тюрьмы. Однако между частью опубликованного в 1981 г. произведения «Место мое – тюрьма...» [1, 66-67] и данным рукописным вариантом имеются некоторые различия. Они наблюдаются в употреблении в отдельных местах разных слов и словосочетаний, а 4-я и 5-я строфы по своему содержанию абсолютно разные. Если в опубликованном варианте в этих строфах говорится о силе вовремя сказанного верного слова и том, что у всякого человека, будь он даже султан или император, судьба предначертана, то в данном рукописном варианте поэт говорит, что Всевышний иногда может подвергать и святош испытаниям, и в качестве примера приводит судьбу легендарного Юсуфа, который в течение 12 лет страдал в заточении из-за злодеяния своих братьев и двуличия любимой Зулейхи.

Данное рукописное стихотворение, написанное также в традициях популярного в восточной поэзии жанра рубаи, воспринимается как целостное, законченное произведение. Мысли и чувства автора в образной форме выражены в нем достаточно полно. Исходя из предварительного сравнительно-сопоставительного анализа этих двух вариантов стихотворения можно сделать вывод о том, что, находясь в тюрьме, Акмулла сначала написал краткий, т. е. тот вариант произведения, что нами обнаружен, затем, спустя некоторое время, исправил и дополнил его новыми строфами. В результате получилось новое произведение с конкретным названием, содержание которого ясно указывает на то, что оно написано в тюрьме.

Таким образом, научные поиски в области акмулловедения вовсе не закончены и продолжают по настоящее время. Было бы весьма целесообразно в будущем подготовить и издать отдельным сборником все архивные материалы, тем или иным образом касающиеся биографии и творчества поэта, а также транслитерацию и факсимильные копии всех его автографов и арабографичных рукописных списков поэтических произведений.

Литература

1. Акмулла. Стихотворения / Акмулла / Сост., автор вступ. статьи и комментариев А. Вильданов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. – 224 с. (на башк. яз.).
2. Акмулла. Стихотворения / Сост. М. Усманов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1981. – 271 с. (на татар. яз.).
3. Асфандияров, А. З. К биографии поэта / А. З. Асфандияров // Акмулле – 150 лет: Статьи и материалы, посвященные юбилею поэта. – Уфа: Башкнигоиздат, 1984. – С. 42–55.
4. Калижанов, У. Акмулла сын Мухамедияра / У. Калижанов // Исламов Р. Ф. Акмулла (Библиография). – Алматы: Институт литературоведения им. М. О. Ауэзова, 2015. – С. 3–16 (на казах. яз.).
5. Кутушев Р. Р. «Подписал я...» / Р. Р. Кутушев // «...По уму в своей стране ты будешь знаться»: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения М. Акмуллы (Уфа, 14 декабря 2006 г.). – Уфа: Гилем, 2006. – С. 45–53 (на башк. яз.).
6. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 14.
7. Национальный архив РБ. Ф. И-295. – Оп. 8. – Д. 892. – Лл. 11, 12, 26.

8. Фахретдинов, Р. Избранные произведения / Р. Фахретдинов / Сост., автор вступ. статьи и комментариев М. Х. Надергулов. – Уфа: Китап, 2009. – 304 с. (на башк. яз.).

9. Шакур, Р. Звезда поэзии. Башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акумлла / Р. Шакур. – Изд. 3-е, дополненное. – Уфа: Китап, 2006. – 200 с.

NEWLY DISCOVERED MATERIALS
ON AKMULLA'S BIOGRAPHY AND CREATIVITY

Minlegali Kh. Nadergulov

Abstract

The article not only briefly reviews the archival materials found in recent years on the biography of the Bashkir poet-educator of the XIX century Akmulla, but also analyzes his letters and petitions, as well as 2 newly discovered poems that have not been studied and introduced into scientific circulation yet.

Keywords: 19th century Bashkir poetry, Akmulla's works, archival materials

Поступила в редакцию 18.05.2018

ББК 83.3 (2 РОС = Баш)
УДК 82 (470.57) – 43

Ф. Б. Юнусова¹,
Федеральное агентство научных организаций
Ордена «Знак Почета»
Институт истории, языка и литературы
ФГБУ Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук
Firdaus23@bk.ru

«ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ» В ОЧЕРКАХ БАШКИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. ШАФИКОВА

В этой статье рассматриваются очерки известного башкирского писателя Г. Шафикова, посвященные жертвам политических репрессий. В своих очерках автор широко использует документальные материалы, архивные источники, письма, воспоминания современников и газетные публикации того времени.

Ключевые слова: башкирская литература, публицистика, жанр, очерк, репрессированные писатели, Г. Шафиков

В башкирской литературе публицистика поэта, драматурга, прозаика и переводчика Газима Шафикова получила достойную оценку и признание. Его труды вернули башкирскому народу имена тех, о ком в период «застоя» начинали уже забывать. Это, в свою очередь, оживило и пополнило нашу публицистику, обогатило тематику жанра очерка, расширило его возможности.

30 сентября 1989 года в газете «Ленинец» под названием «Посланник народа» была опубликована его беседа с поэтом И. Киньябулатовым, где Г. Шафиков признается: «Работа в области публицистики дала мне очень много. Ознакомился с множеством архивных материалов, разговаривал с людьми, которые были свидетелями событий в разные периоды нашей истории. Думаю, что все это станет мощным толчком для моих новых произведений».

---

¹ Юнусова Фирдаус Бариевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное агентство научных организаций Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы ФГБУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа

Очерки Газима Шафикова, написанные на основе документальных материалов, объективно рассказывают о трагической судьбе таких известных личностей, как Д. Юлтый, Т. Янаби, М. Муртазин, Х. Давлетшина, М. Бурангулов, открывают новые, малоизвестные страницы их жизни и творчества, позволяют по-новому взглянуть на историю страны, республики, башкирской литературы. Героев этих очерков сближает одно – их жизнь трагически оборвалась вследствие ложных обвинений. Очерки нашли широкий отклик у читателей в нашей республике и получили высокую оценку в литературной среде.

Судьба репрессированных башкирских писателей и общественных деятелей – тема новая и важная не только для Г. Шафикова, но и для всей башкирской публицистики.

В предисловии к книге «И совесть, и жертвы эпохи» (1991) автор пишет: «Сегодня я эти очерки писал бы совершенно иначе, чем писал в прошлом, позапрошлом году. Я не открывал бы истины, которые сегодня кажутся прописными, но в ту пору и для меня, и для других они представлялись откровениями. Хотя бы – жестокости сталинской эпохи. Сломанные, растоптанные судьбы, положение детей «врагов народа»... Многое, многое другое. Тогда, открывая их, я сокрушался, негодовал, каменел от ужаса. Сегодня, касаясь событий того времени, был бы сух, лаконичен, может быть, даже аллегоричен. Несмотря на это, я не стал бы по требованию редактора что-то переделывать, изменять «в свете требований сегодняшнего дня». Потому что они являются документом тех времен. А документы нельзя подделывать и видоизменять. Они ценны своей первозданностью – в них должен биться нерв своего времени, трепетать первоначальная авторская строка» [1, 3].

Судьба репрессированных писателей, деятелей искусства, действительно, была трагичной. Сколько замученных и погибших по ложным обвинениям, доносам! Сегодня уже известно и о других, кто в те же годы, чтобы оправдать и выгородить себя, предавал друзей, коллег, даже родных. Г. Шафиков размышляет: они же предавали сознательно, а разве можно простить это? Об Идрисове, клеветавшем Т. Янаби, автор пишет: «Вскоре и самого Идрисова, решившего доносом на коллег укрепить свое положение, заключили под стражу на десять лет. После возвращения из тюрьмы он остается в одиночестве: теряет семью, друзей, не вызывает в окружающих ничего, кроме ненависти и презрения. В результате он покончил жизнь самоубийством. Кто он – изверг или жертва времени, эпохи? И то, и другое» [1, 4]. Безусловно, очерки автора надо воспринимать в духе того времени, когда они были написаны. Это помогает и самому писателю лучше понять чувства героев очерка.

В очерке «Жертва и совесть эпохи» изображается образ Д. Юлтыя, который во время революции и послереволюционные годы был в центре общественно-политической жизни. Чтобы читатель мог глубже понять эту сильную, неординарную личность, Г. Шафиков подробно останавливается на романе Д. Юлтыя «Кровь», занимавшем важное место в башкирской литературе. Сравнивая это произведение с романом французского писателя Анри Барбюса «Огонь», обращает внимание схожесть их главной идеи: антивоенная. В очерке отмечается, что роману «Кровь» присущ такой душераздирающий реализм, который пока в башкирской литературе не получил широкого отражения. Широкий горизонт видения жизни, потрясающие душу детали, мастерство в использовании художественных средств – все это помогает Д. Юлтыю раскрыть главную идею произведения. Говоря о чертах характера, человечности, светлом нраве Д. Юлтыя, автор приводит воспоминания людей, которые в то время тесно общались с писателем. Например, из воспоминаний Фатимы-ханым, супруги писателя, читатель узнает, что в 1921 г., когда людей косил голод, пришла еще одна страшная напасть – холера. Заболела холерой и Фатима, недавно вышедшая замуж за Дауга Исхаковича. Зная, что болезнь заразная, она просит мужа не подходить к ней, а сама готовится к смерти. Несмотря ни на что, Д. Юлтый три недели не отходит от ее постели, ухаживает за женой, следит, чтобы она вовремя принимала лекарства. И чудо случилось – Фатима-апай поправилась и встала на ноги.

В очерке через воспоминания татарского писателя Наки Исенбета узнаем о патриотических и интернационалистических чувствах Д. Юлтыя: «Доброта и отзывчивость были главными качествами Дауга Юлтыя. Узнав, что у меня нет своего угла, он пригласил к себе домой, где я прожил целый год... Он был демократом в полном смысле этого слова, борцом за человечность, патриотом своего народа...» [1, 11]. В то же время он был лишен какой-либо национальной ограниченности, глубоко уважал представителей других наций, их культуру. Это был воистину интернационалист и широкой души человек.

Надо сказать, что включение Г. Шафиковым в очерк некоторых переведенных им же стихов – естественно и уместно. Например:

Я не Лермонтов, не Пушкин,
Я не Байрон, наконец...
Я простой – из самых нижних
Из пластов земного дна,
Потому для сердца ближе

Песня мне, что дном дана, – писал молодой поэт еще в 1913 году.

А стихотворение самого автора, посвященное Д. Юлтыю, еще больше повышает значимость очерка. Приведем отрывок:

Я говорю: Даут агай... А он
Лет на пять или на шесть меня моложе,
Кто дал мне право прах его тревожить
И рвать из рук НКВД патрон?
Что проку, коль свинец давно истлел
И ржавчиной испепелилась гильза?..
А он успел совершить так много дел,
Что невозможно их составить список [2, 448].

Революционный Башкортостан возвращает много видных деятелей, оставивших яркий след в истории республики: Шагит Худайбердин, Багау Нуриманов, Бахтигарей Шафиев... В последнее время проясняется судьба и Шарифа Манатова, проделавшего значительную работу в решении многих вопросов национальной политики.

Внимание писателя к людям с интересной, трудной, порой трагичной судьбой не случайно. Детство Газима Шафикова прошло в далекой Киргизии, куда в тридцатых годах отец его вынужден был уехать. Так что с малых лет он знал, что отец участвовал в Гражданской войне вместе с М. Муртазиным, дружил с одним из первых руководителей нашей республики – Ш. Манатовым, встречался со знаменитым певцом Газизом Альмухаметовым. Отец рассказывал об известных людях Башкортостана с нескрываемой гордостью и с горькой обидой – о Сталине. Таким образом, Г. Шафиков хорошо знал эти имена, отношение к ним отца, долгие годы носил в своей душе особый интерес к их судьбе.

В период работы в редакции газеты «Ленинец» автор познакомился с дочерью Мусы Муртазина, лауреатом Государственной премии имени Станиславского, режиссером Шаурой Муртазиной. Встречи и беседы с ней помогли собрать новый материал о ее отце. Но для того, чтобы донести до народа правду о генерале, понадобилось много времени и... демократия.

Имя кавалера трех орденов Красного Знамени, героя Гражданской войны комкора Мусы Лутовича Муртазина долгие годы было в забвении. Судьба этого человека вобрала в себя весь клубок противоречий той эпохи, в которой он жил.

В очерке «Для ратных дел рожденный» Г. Шафикова на основе документов, исторических фактов, воспоминаний раскрывается личность Мусы Муртазина, участника Гражданской войны, бесстрашного командира, достойного сына башкирского народа,

оказавшегося очередной жертвой репрессий. Вот отрывок из автобиографии, написанной самим Муртазиным: «...Семья наша была очень бедная, но отец ни за что не хотел отдать нас в работники местным кулакам и богатеям. Он был гордым человеком и предпочитал, чтобы мы хоть впроголодь, в лишениях и недостатках, но жили одной семьей. Он научил нас быть суровыми, гордыми и честными...» [1, 194].

Именно такое воспитание делает Мусу решительным, волевым. Эти качества впоследствии помогают ему вдохновлять людей, пробуждать в них решительность и мужество, готовность идти в огонь и в воду. Автор через события на войне описывает формирование его революционного сознания, личную отвагу и мужество, становление как командира. На Польском фронте «<...> Муса Лутович обратился к своим войскам с простыми, но проникновенными словами:

– Товарищи, это же позор! Никогда не знавший поражений башкирская бригада понесла большие потери. Это пятно на нашей совести, на совести всей Красной армии. Что сейчас скажут о нас? Поклянитесь: победить или погибнуть! Я поведу вас или к новым победам, или я совсем уйду от вас. Я не хочу быть командиром войск, неспособных разгромить белогвардейцев.

– Клянемся! – отвечают ему сотни голосов. – С тобой пойдем и победим! [1, 210]».

Далее автор пишет о том, как после войны Муса Муртазин несколько лет работал на разных должностях на родине – в Башкортостане. Затем поступил в Военную академию, после окончания которой восемь лет, до трагического 1937 года, был начальником 2-го отделения Народного Комиссариата Оборона СССР (НКО СССР). По воспоминаниям дочери Мусы Лутовича, Шауры Муртазиной, он очень любил песни, музыку, с особенным удовольствием слушал народные песни и сам пел хорошо. Всю жизнь был влюблен в мелодии курая. Когда жил в Москве, часто приглашал к себе известных кураистов из Башкирии.

Свой очерк Г. Шафиков завершает следующими словами: «Хотя долгое время имя знаменитого Муртазина было под запретом, но когда-нибудь оно должно было к нам вернуться. И он вернулся... Нам еще многое надо сделать, чтобы его имя Мусы Муртазина не забылось, чтобы снова и снова звучало в устах и сердцах все новых и новых поколений. Это долг нашей совести. Сегодня это так, и в будущем будет так же...» [1, 222].

Личность первой башкирской писательницы Хадии Давлетшиной, завоевавшей народную любовь своим творчеством, и сегодня разносторонне освещается и в литературоведении, и в публицистике: выходят статьи о самой писательнице и ее спутнике

жизни Губае Давлетшине. Ежегодно в Бирской социально-педагогической академии проводятся «Давлетшинские чтения».

В начале 60-х гг. прошлого века Г. Шафиков знакомится с филологом Маратом Мингажетдиновым. Еще в те годы он пробудил в душе писателя интерес к судьбе Х. Давлетшиной. М. Мингажетдинов также публикует в газетах «Совет Башкортостаны» и «Советская Башкирия» (1989) четыре очерка Г. Шафикова о Х. Давлетшиной. Каждый из них посвящен отдельному событию. В этих очерках женщина-писатель предстает перед читателем человеком талантливым, с богатым внутренним миром и непобедимым духом. Автор с восхищением пишет: «Стойкость и терпение этого человека не имели границ; не будет преувеличением сказать, что она обладала мужеством истинного борца и могучей волей альпиниста» [1, 72].

В 2003 г. Г. Шафиков писал: «Мой “публицистический период” начинался с исследования жизни, судьбы и творчества замечательной башкирской писательницы Хадии Давлетшиной. Один очерк тянул за собой другой, открывались неизвестные страницы ее жизни, со всех уголков республики шли письма от тех, кто имел счастье знать Хадью Лутфулловну. Таким образом были написаны шесть очерков, которые печатались в прессе, а затем вошли в книгу «И совесть, и жертвы эпохи», вышедшую в 1989 году».

Надо сказать, что статьи Г. Шафикова о Х. Давлетшиной, обнародованные неизвестные факты личной жизни и новые сведения о литературном наследии писательницы подняли большой шум в республике. Прозвучали и неоднозначные отзывы. Видимо, такая правда, даже по прошествии стольких лет, кому-то не совсем нравилась. Нашлись и такие, кто клеветал на самого автора – Г. Шафикова. А люди все писали и писали. Они не только благодарили, высказывали свое мнение по поводу поднятых писателем проблем, но давали новые сведения, присылали адреса людей старшего поколения – свидетелей этих событий, просили продолжить работу.

Очерк «Дочь Иргиза» автор посвящает личности и творчеству Хадии Давлетшиной, пишет о ней с гордостью и восхищением: «Я начал читать роман «Иргиз» и никак не смог оторваться. Да, завораживающие названия, медленно нарастающий сюжет, вешними водами разливающиеся песни с диковинными словами... Но не они владели мной. С первых строчек меня околдовал язык романа, характеристику которому я не хотел бы давать – любые эпитеты покажутся, с одной стороны, слабыми и блеклыми, с другой – выпренными и высокопарными. Скажу лишь одно: такого башкирского языка мне не приходилось до сих пор встречать. И это – святая правда» [1, 53]. Роман Х. Давлетшиной «Иргиз» дает повод гордиться историей своего народа, его языком, и его огорчает уровень

произведений авторов, которые плохо владеют родным башкирским языком. «И красота, и биение сердца святой и чистой душой дочери башкирского народа, истинной народной писательницы Хадии Давлетшиной – в ее произведениях, вдохновенном романе “Иргиз”» [3, 248].

Г. Шафиков, признанный очеркист, и при описании жизни и творчества Х. Давлетшиной придерживается фактов, изучает множество исторических документов.

Через некоторое время после ареста как «врага народа» мужа, Г. Давлетшина, подходит очередь и самой Х. Давлетшиной. По документам, хранившимся в архиве Государственной службы безопасности, можно судить о том, как Х. Давлетшина держалась перед сотрудниками НКВД на допросах, ее ответы свидетельствуют о твердой гражданской позиции. Документы показывают, что в такой трагической ситуации писательница оставалась честным и порядочным человеком.

Х. Давлетшина была осуждена на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Она подала апелляцию в прокуратуру Башкортостана, в которой сообщила, что ее муж преданный партии коммунист и ей ничего неизвестно о контрреволюционной деятельности мужа, и просила отпустить на свободу. Ей было отказано... Освободилась она в 1942 году, из Темлага в Уфу добиралась целых восемь дней. Вернулась Х. Давлетшина совершенно больным человеком. Жить в Уфе ей было запрещено, и она уехала в Бирск. Но какие бы трудности ни пережила, чем бы ни занималась, она духовно не сломилась. Бумага о ее невинности приходит в Бирск только в 1954 году, к сожалению, через два года после ее смерти. Известная писательница, труженица, преданная дочь своего народа при жизни так и не дождалась доказательства своей верности народу и партии. Подводя итоги, автор пишет: «Каждый раз, когда пишу очерк о Хадии Давлетшиной, говорю себе: «все, этот последний». Однако жизнь подбрасывает все новые материалы, устоять перед которыми бывает просто невозможно. И я снова берусь за перо. Впрочем, разве это не важно не только для светлой памяти писательницы, но и для всей нашей башкирской литературы?» [2, 391].

Надо сказать, какой бы очерк Г. Шафикова ни взять – об известном народном сэзне, писателе Мухаметше Бурангулове, прошедшем сталинские тюрьмы, после репрессии до старости вынужденном смотреть через тюремные окна («Он сберег память народную»); мужественном, талантливом писателе Тухвате Янаби («Противостояние»); крупном ученом-тюркологе, государственном деятеле Ахмет-Заки Валидове («У истоков автономии»); впитавшем народное творчество в душу, разум и дух свой фольклористе-ученом, обладателе многогранного таланта Мухтаре Сагитове («Фольклорист –

имя ему»); талантливым поэте Рами Гарипове («Важнее плоти дух поэта»); известном писателе Фарите Исангулове («Незабвенный фантазер»), – автор всегда подходит к теме со всей ответственностью, выглядит готовым ответить за каждое свое слово, чтобы полнее и всесторонне показать своего героя, опирается на документы, исторические факты и воспоминания. Переработав «сухой» фактический материал, поднимает предмет своего исследования на художественную высоту, добивается развития интересных, поучительных, назидательных сюжетов. Поэтому у него нет повторяющихся сюжетов.

Публицистика сделала Г. Шафикова известным исследователем-журналистом. Из-под его пера вышли смелые слова об известных личностях нашей республики, невинно пострадавших и преследованных в период культа личности. И, наконец, читатель смог узнать всю правду о них. Подход к этой теме, приемы раскрытия образов, работа с архивными документами и т.д. – все это, в свою очередь, привнесло новизну в башкирскую литературу, публицистику и особенно в жанр очерка.

Литература

1. Шафиков, Г. Г. И совесть, и жертвы эпохи / Г. Г. Шафиков. – Уфа: Китап, 1991. – 224 с.
2. Шафиков, Г. Г. Крючья под ребро / Г. Г. Шафиков. – Уфа: Китап, 1993. – 480 с.
3. Шакуров, Р. З. Знаменитые башкиры / Р. З. Шакуров. – Уфа: Башк. кн. из-во, 1998. – 304 с. (на башк.яз.).

"VICTIMS OF REPRESSION" IN ESSAYS OF THE BASHKIR WRITER G. SHAFIKOV

F. B. Yunusova

Abstrac

This article examines the essays of the famous Bashkir writer G. Shafikov, dedicated to the victims of political repression. In his essays the author makes extensive use of documentary materials, archival sources, letters, memories of contemporaries and newspaper publications.

Keywords: Bashkir literature, journalism, genre, essay, repressed writers, G. Shafikov

Поступила в редакцию 8.06.2018

РАЗДЕЛ IV. СЕМИОТИКА: МИР КАК ТЕКСТ

ББК 83.3(2)
УДК 82-14:82-6

*А. В. Петров¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

**«НА НОВЫЙ 1842-Й ГОД» А. В. КОЛЬЦОВА:
ОПЫТ КОНТЕКСТНОГО ПРОЧТЕНИЯ
«ПОСЛЕДНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ»**

В статье описываются контексты, в которых раскрываются смыслы стихотворения А. В. Кольцова «На новый 1842-й год»: жизнь и творчество поэта, его письма, русская эоническая поэзия, «последние стихотворения» русских поэтов. Тяжелейшие жизненные коллизии и общение с критиком В. Г. Белинским оказывают прямое воздействие на условную (не только романтическую) поэтику Кольцова, движущегося к «поэзии действительности».

Ключевые слова: А. В. Кольцов, новогодняя (эоническая) поэзия, «последнее стихотворение», контекстный анализ, 1841–1842 годы, эпистолярный, романтизм, литература и действительность

Стихотворение Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842) «*На новый 1842-й год*» (1 янв. 1842 г., полночь) [4, 123–124] необычно. И не только потому, что это единственное у него новогоднее стихотворение, нетипичное для жанровой системы его лирики. В отличие, например, от замечательных «русских песен» и от философических «дум», этой яркой страницы русской метафизической поэзии (см. [6; 10]), стихи «На новый 1842-й год» далеки и от фольклоризма первых и от «народного христианства» вторых. Необычность их обнаруживает себя в скрещенье нескольких контекстов и метатекстов. Их рассмотрению и будет посвящена данная статья.

---

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

**Круг контекстов: жизнь и творчество – эпистолярный –
жанрово-тематические модулы**

Ближайшими контекстами стихотворения являются, конечно же, *поэтическое творчество Кольцова и его жизнь*. Нас будут интересовать преимущественно последние два года жизненного и творческого пути поэта. В 1841 и 1842 г. Кольцов почти ничего не пишет, измученный физически и душевно многочисленными болезнями и напряженной обстановкой в доме отца, где он живет. За год до смерти в письме (от 23 октября 1841 г.) к своему ближайшему другу критику В. Г. Белинскому Кольцов мельком заметил «<...> в течение шести месяцев три раза я был на пороге гроба» [4, 223]. Те немногие стихотворения (около пятнадцати), которые поэт в это время создает, – суть или «русские песни» (в основном любовные), или философские стихи (среди них – «метафизические» и историософские).

Единственное новогоднее стихотворение в творчестве Кольцова окружено, следовательно, двумя жанрово-тематическими контекстами: *песенно-любовным* и *медитативно-экзистенциальным*. Но что удивительно: оба они выражают необыкновенное жизнелюбие Кольцова, его «земной» романтизм. В том же письме к Белинскому он размышляет о «физическом» и «духовном» в жизни: «<...> Готов до гроба всей душой любить я жизнь духовную, готов обожать и благоветь (sic!) перед теми образами, которые в горькие минуты нашей жизни являются к нам, как ангелы утешители, готов любить и долго и свято красоту земную. Но встретиться вновь милая женщина, эта живая волшебница земной действительности, несмотря на слабое моё тело, упаду опять весь в её горячие объятия, – и умереть, когда это будет необходимо. <...>» [4, 222]. Мысли о смерти и о любви, этих вечных антиподах, становятся лейтмотивными в его письмах 1841–1842 гг.

«Милая женщина» – это Варвара Григорьевна Лебедева, вдова свободных нравов («свободна как воздух»), роковая красавица («<...> что за женщина – дьявол сущий!» [4, 215]), с которой Кольцов сблизился после своего возвращения в Воронеж в феврале 1841 г. О ней мы тоже узнаём из *писем* поэта – ещё одного значимого контекста (см. [2]). Письма Кольцова, особенно к Белинскому, дают богатый материал, который позволяет, в частности, сопоставить реальные события из жизни поэта, его переживания с их художественной версией, соотнести индивидуально-авторские образы и условные жанровые формулы.

Помимо Белинского, основными адресатами писем были петербургские и московские литераторы: А. А. Краевский,

В. Ф. Одоевский, П. А. Вяземский, В. П. Боткин и др. За этими фигурами стоит контекст всей *современной* Кольцову русской литературы, круг его чтения, литературный быт (см. [2]). Непосредственной частью этого последнего и является стихотворение «На новый 1842-й год». Оно не предназначалось для печати и было вписано в письмо (от 27 февраля 1842 г.) к Боткину, известному критику и очеркисту, второму после Белинского поверенному душевных ран и тайн Кольцова. Здесь же, в письме – редкий случай в истории русской новогодней поэзии – поэт сам и прокомментировал содержание своего произведения, и дал ему оценку.

Новогодняя лирика – это следующий, и очень обширный, жанрово-тематический контекст. По нашим подсчётам (а считаем мы с 1703–1705 гг., когда пастор Эрнст Глюк перевёл на русский язык два новогодних лютеранских гимна и тем положил начало русской новогодней поэзии; см. [7, 44–49]), Кольцов замыкает седьмой десяток тех поэтов в России, которые написали хотя бы по одному зоническому стихотворению. Поэтов же, которые в стихах прощались с 1841 и встречали 1842 год, совсем немного: В. К. Кюхельбекер, Я. К. Грот и П. П. Ершов (см. [1]). Укажу на странный факт: трое из этих четырех авторов написали свои стихи в провинции: Кольцов – в Воронеже, Кюхельбекер – в сибирской крепости Акше, Ершов – в Тобольске. И ещё: три стихотворения из четырех могут быть названы «последними стихотворениями поэта» (место Ершова здесь занимает Грот).

Понятие «Последнее стихотворение» ввёл в литературоведение Ю. В. Казарин [9]. При этом имеется в виду стихотворение не буквально *последнее*, т. е. предсмертное, но *рубежное* – разделяющее/соединяющее «физическую жизнь поэта с его метафизическим существованием», фиксирующее «завершение формирования конкретной поэтической личности». «Последнее стихотворение, – в виде парадокса формулирует Ю. В. Казарин, – не о смерти, но обязательно о ней, потому что формально-содержательная гармония последнего текста поэта осуществляет в конце концов трагическое и светлое единство жизни, смерти и любви» [9, 39]. И хотя, на наш взгляд, такая гармония присутствует далеко не в каждом «последнем тексте», согласимся с исследователем в том, что у Поэта всегда есть «уже написанное Последнее стихотворение» [9, 17] (см. также: [11]).

Среди нескольких сотен «последних стихотворений», созданных ста русскими поэтами XVIII–XX вв. и включенных Ю. В. Казариным в его антологию, единственное новогоднее принадлежит А. В. Кольцову. Однако, как я уже говорил, этот ряд

(контекст) – *последних новогодних стихотворений* – легко продолжить, именно в силу жанровой специфики *эонических* (от греч. αἰών («эион») – 'век, вечность'; термин предложен В. К. Третьяковским в 1752 г.) стихов. И здесь не важно, пишет ли такое стихотворение масон В. И. Майков («Стихи на 1777 год»), ссыльный декабрист В. К. Кюхельбекер («При исходе 1841 года») или поэт-модернист М. И. Цветаева («Новогоднее», 1927). Все они – *рубежные*.

1841/1842

Логично остановиться на двух стихотворениях, авторы которых, так же как и Кольцов, откликнулись стихами на смену 41-го года 42-м и которые можно назвать «последними» в известном уже нам значении.

Стихотворение Грота «Встреча Нового года» [13, 360–362] было опубликовано в популярном детском журнале А. О. Ишимовой «Звездочка», но скорее могло напугать ребенка, чем создать ему праздничное настроение. Перед нами религиозно-нравоучительная сценка-диалог. Сюжет её начинается со стука в дверь: Бог (!) велел Новому Году явиться к мальчику Саше, пока Старый Год ещё «собирается» в «дальнюю дорогу», пока, иными словами, ещё есть Время – исправить ошибки и покаяться. Именно об этом «гость крылатый» из иного мира, так просто, по-свойски постучавший в дверь, хочет «потолковать» с мальчиком. На вопрос Саши «Куда же Старый Год в дорогу?» Новый Год отвечает:

Туда, мой друг, куда ты сам
И все отправитесь вы – к Богу,
Чтоб дать отчет подробный там:
Что здесь вы делали, как жили,
Как здесь вы каждый день и час
И каждый миг употребили...

Надо сказать, что *сакральность* самого момента, «*пограничность*» ситуации – перехода из «старого времени» в «новое», *новогодний suspense*, так сказать, ощущавшийся теми же поэтами XVIII в., у Грота почти не выделены, а ведь Старый Год направляется в *Инобытие*, куда «отправятся» «все» и где он (точнее, люди, о делах которых он будет рассказывать) предстанет перед лицом Божьего Суда:

Он должен в небе описать
Все, все, что видел, слышал – даже
О малых детях все сказать...
Теперь подумай, мой приятель:
Как в том году ты вел себя?
Молись, молись, чтобы Создатель
Не прогневился на тебя,

Когда к престолу Благодати
Придет отсюда Старый Год
И о недобреньком дитяти
Рассказ при ангелах начнет.

Испуганный мальчик, как на исповеди, кается в своих грехах: он «без вниманья» «тратил утро, вечер, день», «учился без старанья», был суетен во время молитвы, нещедролюбив, непослушен, лгал, чревоугодничал и, главное, «как мало / Добра я сделал в целый год!».

Итак, христианский взгляд на праздник новолетия выражен Гротом азбучно-наглядно, и от лица мальчика Саши он приветствует Новый Год традиционной для этого жанра молитвой, прося у него «новых сил».

Но и мальчик Саша с его «грехами», и, наверно, сам Я. К. Грот вряд ли могли себе представить, с каким чувством в то же самое время обращался к Богу находившийся в далёкой Сибири поэт-декабрист [5, I, 305]:

Что скажу я при исходе года?
Слава богу, что и он прошел!
Был он для изгнанника тяжел.
Мрачный, как сибирская природа.

Это обращение почти незаметно, потому что давно стало междометием: *Слава Богу*. А ведь это – молитва, в которой христианин ничего у Бога не просит, а только славит его; произносится она «по окончании дела в знак нашей благодарности Богу за Его милости нам» [3, 65]. Божьей милостью для Кюхельбекера стало простое завершение года. Парцеллированный синтаксис последних двух стихов позволяет – буквально, вместе с автором – ощутить груз Времени, усталость, накопившуюся за год, который наконец «прошел». Но в своей молитве ссыльный поэт всё равно славит Бога. Это *Слава Богу* стоит, я думаю, державинской оды «Бог», столь ценимой Кюхельбекером.

Религиозные чувства поэта – очень личные, его молитва – для себя и про себя. Элегические настроения и мотивы – разочарование, усталость, тоска – здесь даже не обертона и тем более не «общие места», а выражение лично пережитого:

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цепь пустых забот и мук и снов,
Глупый стук расстроенных часов,
Гадки вы душе моей усталой!

Такой, каждодневно ощущаемый трагизм собственного существования требует простых, «нелитературных» форм выражения. Помимо разговорных интонаций, это и антипоэтизмы – прозаический, конкретно-бытовой образ «глупого стука расстроенных часов», и почти физиологическое ощущение тошноты, переданное словом «гадки».

Со схожей проблемой – назову её: *метафизика «последнего стихотворения»* – столкнулся и Кольцов:

1) есть *бытовая* ситуация – праздничная пирушка в кругу московских друзей-литераторов под новый 1841 год и встреча 1842 года дома, в Воронеже;

2) есть ситуация *бытийная* – новолетие: сначала 1841, через год – 1842 (до 1843 поэт не дожил два месяца);

3) есть ситуация *экзистенциальная*, причём включающая в себя почти полный набор «пограничных ситуаций», как их будет описывать К. Ясперс: «<...> я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайности, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину» [14, 21]. Великий немецкий философ смысл их видел в том, чтобы «в ситуации крушения обрести путь к бытию», и напоминал, что «спасение и освобождение» предлагает религия [14, 25]. Русский поэт-романтик, и это –

4) ситуация *творческая* – ищет художественные формулы и форму, чтобы всё это описать.

«Уж встретили новый год по-русски...» vs.

«Тяжёлый год, тебя уж нет, а я ещё живу...»

В пространным и во многом исповедальном письме от 27 февраля 1842 г. к Боткину Кольцов описывает обстоятельства создания стихотворения, своё физическое и душевное самочувствие в этот момент и даёт своему произведению оценку: «Писать – ничего не пишу, не в состоянии. “На новый год” написал больной в минуту горькой скуки, и вам их посылаю. Гадость, но они вам напомнят чудесную ночь, проведенную у вас многими. Если вам подобные вещи не интересны, то для меня это воспоминание весьма дорого. Читать – мало читаю, не могу: слаб, и памяти нет. <...> Убиваю время так, кое-как. <...> Необходимое есть – и довольно. Забочусь о здоровье...» [4, 241].

С одной стороны, воспоминание о «чудесном» прошлом в минуту «горькой скуки» – ситуация и чувства вполне элегические, с другой – и они, и праздник новолетия, и болезнь суть феномены бытийные. А «гадость» здесь – это прежде всего состояние духа поэта (не случайно это слово «рифмуется» с «гадки» у Кюхельбекера), но также и остраняющая оценка непривычной для Кольцова темы и поэтики.

Сама «чудесная ночь» описана в письме к Белинскому (от 10 января 1841 г.): «Накануне нового года Василий Петрович <Боткин. – А. П.> придумал дать вечер – встретить новый год и день его ангела <Боткин родился 27 декабря 1811 г. – А. П.>. Людей собралось к нему довольно. Вот вам полный реестр: Грановский, Крылов, Крюков, Кетчер, Красов, Ключников, Щепкин, Боткин, Сатин, Клыков, Лангер, Иван Иванович, Иван Петрович и я грешный. И как ударило двенадцать часов, так за стол, – и пошло писать: начали есть, пить, и кое-кто перепились мертвецки. Ужин был богатый, вина чудесные: рейнвейн, портвейн, шампанское лилось рекою, и старая мадера Красова сбила с ног. Пили ваше здоровье, – икалось ли вам? Пировали до шести часов утра, а кой-кто начали пение и ударились в пляс, и, знаете, эдак некрасиво, но весьма усердно. До смерти жаль, что вас одних не было на этом дружеском тесном и тёплом кружке. Уж встретили новый год по-русски, как лучше встретить уж нельзя. Я думаю, Василий Петрович разорился рублей на пятьсот, – вот как наши начали гулять» [4, 200].

В стихотворении этот «сюжет» представлен в первых четырех строфах. Поэт изымает из него всю бытовую конкретику: указания на время и повод, имена и названия вин, «некрасивые» последствия излишеств, потраченную сумму, «русскость» празднования. Эмпирия «новолетия по-русски» преобразуется в поэтические формулы, подсказанные прежде всего жанровой традицией дружеских посланий 1810–1820-х гг. «Реестр» приглашенных превратился в «круг знакомых и друзей»; пирушка до шести утра стала «беседой до зари»; разнообразие вин и льющееся рекою шампанское трансформировались в «веселья круговую чашу», неисчерпаемую «всю ночь». О «вакхических» мотивах жанра послания напоминает, кроме того, эмоциональный тон стихотворения. Однако отобразённые эмоции – самые что ни на есть кольцовские, известные по его песням и письмам. «Разгул жизни» – так обозначил смысл праздника и вообще праздничного поведения сам Кольцов в том же письме.

Широко, вольно и безумно,
При звуках бешеных речей, –

с таким настроением встречал поэт 1841 год. При этом содержание двух из этих четырех строф в прозаическом описании праздника в письме не представлено совсем:

Тогда, забывшись на мгновенье,
Вперёд всяк дерзостно глядел,
Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость, на страданье,
В том дух огнём восторженным горит,
Тот о своём загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

С одной стороны, мотивы пророчества, вызова судьбе, страстей, переполняющих человека, а также некоторые формулы («дух горит», «восторженный огонь») отсылают и к вольнолюбивой лирике преддекабрьского десятилетия, и к любовной лирике романтизма, и к традиции эонической поэзии. С другой – они встречаются в письмах Кольцова, лично им прочувствованы и пережиты, причем связаны обычно с его любовным увлечением «той женщиной». Ср.: «<...> Но будь, что будет, по крайней мере, я ей <В. Г. Лебедевой. – А. П.> обязан в настоящую пору весьма многим; она возродила меня снова, к жизни, и я теперь начал жить лучше. В душе такая полнота» [4, 216].

Интонации и настроения меняются во второй – элегической – половине стихотворения (строфы 5–8). «Прожитый» год оказался для Кольцова годом-обманщиком, годом-«демоном»:

Но год прошёл: другим звездою ясной,
Другим он молоньей мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно, –
Как друг, как демон – обманул!

Откуда пришли к поэту эти образы и эти чувства?

18 декабря 1841 г., отвечая на просьбы Белинского, Кольцов обещал ему: «“Демона” Лермонтова спишу и к новому году пришло; едет наш купец в Питер и сvezёт его». Возможно, именно о гибели М. Ю. Лермонтова идет речь в строке о годе, мелькнувшем «молоньей». 23 октября 1841 г. Кольцов писал тому же адресату: «Лермонтова убили до смерти, это старая новость; но она меня так сильно поразила, что до сей поры не выходит из думы. И жаль, и досадно: только что покажется, хорошо не успеешь полюбить, – как его и нет. Много мы в нём потеряли, незаменимая потеря» [4, 225].

«Дьяволом», напомним, Кольцов называл В. Г. Лебедеву. В одном из писем к Белинскому (от 25 марта 1841 г.) он описывал ее как безусловно ему преданную: «<...> Если я поеду в Питер и захочу, – она поедет со мной. “Куда хочешь – всюду готова” <...>» [4, 216]. Однако уже в письме от 22 июля 1841 г. (которое во всех изданиях печатается в этом месте с купюрами) говорит о её отъезде из Воронежа к некоему «помещику в компаньонки», оправдывая её и сетуя на своё безденежье: «Она права, что уехала: чем же ей было жить? Не воздухом же питаться. Здесь я вполне почувствовал своё нищенство. Она поехала здоровая, а я остался больной. <...>» [4, 219].

Н. Н. Скатов пишет о Лебедевой так: «Овдовев, Варвара Григорьевна вела жизнь вольную, сходясь с разными состоятельными людьми, обеспечивавшими ее существование. <...>» [12, 267].

В шестой строфе говорится о «мученьях горьких» и роковых испытаниях, выпавших на долю лирического героя. И только письма Кольцова свидетельствуют о жизненной достоверности, а не литературности этих строк. Буквально перенесённое из писем выражение «а я еще живу» встречаем в следующей, седьмой строфе:

Тяжёлый год, тебя уж нет, а я ещё живу,
И новый, тихо, без друзей, один встречаю;
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Ср. в письмах Белинскому и Боткину: «Проживши за тридцать, немного видел я светлых дней, а непогожих целые годы, – а жив ещё» (23 октября 1841 г.); «<...> начнётся весна, и ежели я доживу до ней, конечно: я ещё жилец на свете» (18 декабря 1841 г.); «Чёрное время пережил; силы моей жизни и в самые горькие убийственные минуты поддерживали меня, и я ещё живу и пишу к вам, и силы мои лучшают, – не говорю: духовные, их ещё нет, но я рад пока и физическим» (27 февраля 1842 г.); «<...> тело сколько раз падало, хотело разрушиться, уничтожиться, а я всё живу...» (май 1842 г.) [4, 220, 230, 234, 243].

В седьмой строфе в особенности много контекстов, требующих комментариев.

Как раз на святки и на новый 1842 год пришлась свадьба младшей сестры Кольцова Анисьи Васильевны (подробнее о сложных отношениях с сестрой см. [12, 272–280]). В доме в эти хлопотливые предсвадебные дни постоянно был народ, досаждавший тяжелобольному поэту: «<...> И в эту пору у нас была свадьба, пиры, вечеринки почти каждый день. Комната моя была на самом проходе, через неё с утра до полночи всё ходило, бегало, суетилось, шумело...»; «<...> полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки благовония курят каждый день; для моих расстроенных лёгких всё это плохо. <...> Прошу не курить, – курят больше; прошу не благовонить – больше; прошу не мыть полов, – моют» [4, 233, 238] (письма Белинскому и Боткину от 27 февраля 1842 г.).

Однако в стихах Кольцов пишет, что встречал он новый год «один», «тихо», «без друзей». На первый взгляд, это всего лишь образно-эмоциональная антитеза к первой – праздничной – половине стихотворения, дань элегической традиции. И вновь смысл поэтических образов помогают раскрыть письма. В них постоянны жалобы Кольцова на *душевное* его одиночество; ср., например,

в письме к Белинскому от 23 октября 1841 г.: «Теперь во всём городе у меня не только нет милова человека, нет даже и такова, с кем можно убивать время, и кто б пришёл ко мне и не был бы мне тяжёл. Конечно, это не житьё, а каторга, и я, что день, больше начинаю чувствовать это убийственное одиночество, пустоту в людях» [4, 223].

Здесь же находим поэтизмы и метафоры «тьма», «взоры» и «потоплять». За ними стоит несколько традиционных для эпитетической поэзии концептов. Прежде всего, это *Смерть* и *Вечность*, образными репрезентациями которых могли стать, например, «кладбище веков» (С. С. Бобров), «гроб столетия» (А. Н. Радищев), «море/океан вечности» (М. В. Ломоносов, В. И. Майков, Е. И. Костров и др.) (см. [7; 8]). Свои «взоры» лирический герой Кольцова устремляет именно туда, куда в стихотворении Грота уходил Старый Год. Однако романтическая традиция (Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекер, А. А. Комаров, Ф. И. Тютчев, А. Н. Апухтин) воспрещала заглядывать в будущее (*Инобытие*), и потому «тьма» у Кольцова «заманчивая», а год скрывал «мученья горькие» «за таинственным покровом».

Седьмая и восьмая строфы неожиданно оказываются связаны метрическим рисунком стиха, своего рода ритмическим и интонационным хиазмом: каждый стих седьмой строфы короче предыдущего на одну стопу (7 – 6 – 5 – 4), в восьмой строфе – наоборот, хотя и не так строго (4 – 4 – 6 – 6). Эта формальная структура так же неожиданно, почти графически отображает ход мыслей Кольцова: от постепенного «погружения» в тьму вечности, готовности исчезнуть к ощущению того, что уходит ещё рано, что не всё ещё совершено.

Своей образностью и настроением восьмая строфа напоминает элегию Ленского («Евгений Онегин», 6, XXI–XXII):

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель, безвременно, из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

Из писем Кольцова мы знаем о двух его задушевных желаниях: уехать из Воронежа в «Питер» и увидеть «ту женщину». А к «безвременному» уходу он давно был готов...

Литература

1. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. Шуточные новогодние поздравления в русской поэзии первой половины XIX века / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 69–80.

2. Еськова, А. С., Петров, А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву / А. С. Еськова, А. В. Петров // *Мировая литература глазами современной молодежи: сборник материалов III междунар. студенч. научно-практ. конф. / науч. ред. С. В. Рудакова. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2017. – С. 196–203.*
3. Закон Божий для семьи и школы / сост. прот. Серафим Слободской. – Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1987. – 724 с.
4. Кольцов, А. В. Сочинения / А. В. Кольцов. – Минск: Гос. учеб.-пед. изд-во БССР, 1954. – 251 с.
5. Кюхельбекер, В. К. Избранные произведения в двух томах / В. К. Кюхельбекер. – М.-Л.: Сов. писатель, 1967.
6. Петров, А. В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX вв. / А. В. Петров // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – № 3 (32). – С. 108–129.*
7. Петров, А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 272 с.
8. Петров, А. В., Постникова, Е. Г. Послания «на Новый год» поэта-духовидца С. С. Боброва / А. В. Петров, Е. Г. Постникова // *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 72–80.*
9. Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография / авт.-сост. Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 552 с.
10. Рудакова, С. В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е. А. Боратынского) / С. В. Рудакова // *Церковь и время. – 2013. – № 3. – С. 205–220.*
11. Рудакова, С. В. Мотив смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // *Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34. – С. 91–95.*
12. Скатов, Н. Н. Кольцов / Н. Н. Скатов. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 287 с.

13. Труды Я. К. Грота. Т. V. Деятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи, детское чтение. 1837–1889 / изд. под ред. проф. Я. К. Грота. – СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1903. – 628 с.

14. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс; пер. с нем.; под ред. А. А. Михайлова. – Мн.: Пропилеи, 2000. – 192 с.

**A. V. KOLTSOV'S "ON NEW YEAR 1842": AN EXPERIENCE
OF THE CONTEXTUAL READING OF "THE LAST POEM"**

A. V. Petrov

Abstract

In the article contexts in which meanings of the poem of A. V. Koltsov "On New Year 1842" reveal are described: life and works of the poet, his letters, Russian eonic poetry, "the last poems" of the Russian poets. The hardest life collisions and the communication with the critic V. G. Belinsky make direct impact on conventional (not only romantic) poetics of Koltsov who is moved to "poetry of reality".

Keywords: A. V. Koltsov, the New Year (eonic) poetry, "the last poem", contextual analysis, 1841–1842, epistolary, romanticism, literature and reality

Поступила в редакцию 31.06.2018

ББК 83.3
УДК 82.4

*Манами Касимото¹,
Досиша университет
manamichan@mail.ru*

«МОЙ ПУШКИН» М. ЦВЕТАЕВОЙ: ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

В статье предложена расширенная интерпретация произведения М. Цветаевой «Мой Пушкин»: проанализирован созданный в нём образ Пушкина в контексте воспоминаний поэтессы о детстве, о картинах, висевших в доме ее отца, о смерти матери; дано истолкование образов «черный Пушкин», «Пушкин – Христос» и «море».

Ключевые слова: Цветаева, Пушкин, поэтика

Три картины в доме отца

В доме, в котором Цветаева провела свои детские годы, было множество произведений искусства. Её отец, И. В. Цветаев (1847–1913), профессор Московского университета, был одним из основателей Музея изящных искусств им. императора Александра III (нынешний ГМИИ им. А. С. Пушкина). В статье мы рассмотрим три картины, которые висели в доме Цветаевой: «Дуэль Пушкина с Дантесом» (1884) А. А. Наумова, «Явление Христа народу» (1837–1857) А. А. Иванова и картину, которую сама Цветаева называла «Татары» (возможно, «Смерть Цезаря» (1858–1867) Жана-Леона Жерома) [6, 127–179]. С высокой долей вероятности эти картины оказали влияние на систему построения и образность цветаевской книги «Мой Пушкин» (Париж, 1937).

Цветаева пишет в ней: «Три таких картины были в нашем трехпрудном доме: в столовой – “Явление Христа народу”, с никогда не разрешенной загадкой совсем маленького и непонятно-близкого, совсем близкого и непонятно-маленького Христа; вторая, над нотной этажеркой в зале – “Татары” – татары в белых балахонах, в каменном

---

¹ Касимото Манами, кандидат филологических наук, преподаватель, Досиша университет, г. Киото, Япония.

доме без окон, между белых столбов убивающие главного татарина (“Убийство Цезаря”) и – в спальне матери – “Дуэль”. Два убийства и одно явление. И все три были страшные, непонятные, угрожающие, и крещение с никогда не виденными черными кудрявыми орлоносими голыми людьми и детьми, так заполнившими реку, что капли воды не осталось, было не менее страшное тех двух, – и все они отлично готовили ребенка к предназначенному ему страшному веку» [8, V, 58].

По признанию Цветаевой, ее первым опытом осознания Пушкина стало то, «что его убили» [8, V, 57]. Смерть поэта в сердце Цветаевой отразилась как «Я убита». Говорившей это на тот момент было всего три года, и мать не посвящала ее в подробности и причины дуэли между Пушкиным и Дантесом. То есть в то, что на самом деле было «пошлой трагедией великого мифа» [8, V, 57]. На картине Наумова белоснежный снег контрастирует с черными фигурами; в слове «черный» «отражается» другое родственное слово – «чернь». После дуэли Пушкина начинается свое развитие миф о том, что «поэт был убит чернью». Этот миф отражен Цветаевой в произведении 1926 г. «Поэт о критике», где она вспоминает стихотворение Пушкина 1828 г. «Поэт и толпа», намеренно переименовывая его в «Поэт и чернь». В этом стихотворении Пушкин говорил о непонимании толпой творца и его произведений, критиковал дворянство и эпоху правления Николая I. Цветаева сетует также и на неспособность критиков понять произведение поэта.

Вторая картина – «Смерть Цезаря» – примечательна наличием у нее другого, данного Цветаевой наименования, – «Татары». Цезарь, являясь первым императором, заложил основы будущей Римской империи. В русской истории с начала XVI в. возникла идея «Москва – третий Рим», т. е. идея христианского государства, являющегося последним и законным наследником Римской империи. Можно предположить, что композиция картины Ж.-Л. Жерома отображает идею революционного переворота, когда народные трибуны восстают против правителя. Для Цветаевой ее родной город – это Москва с ее величественными православными храмами, и революция украла у нее этот город, надругалась над христианскими святынями.

Для носителя русского языка слово «татарин» долгое время, в том числе и в начале XX в., было напоминанием о татаро-монгольском иге. Русская самодержавная власть «позаимствовала» у Золотой Орды сам принцип (восточной) тирании. Цветаева, говоря, что Пушкин, имевший одним из своих предков африканца, обладал своеобразной внешностью (<...> у Пушкина были волосы вверх и губы наружу, и черные, с синими белками, как у щенка, глаза, –

черные вопреки явной светлоглазости его многочисленных портретов. <...>» [8, V, 57], предупреждала об опасности расизма. С этой точки зрения можно интерпретировать картину так: те, кто на картине носил «белые одежды», и были настоящей чернью.

В России с 1905 г. начался быстрый рост общественных движений, подобных «Черной сотне». Низшие слои населения в основном присоединялись к этому движению, чтобы принимать участие в погромах, направленных преимущественно против еврейского населения. После Октябрьской революции движение «черносотенцев» выступило на стороне «белых» (защитников идеи царской России), продолжая свою неблагоприятную деятельность, и Цветаева резко негативно к нему относилась.

Третья картина – «Явление Христа народу» – это гигантское полотно; на переднем плане изображены фарисеи, богачи, рабы, женщины и дети – люди, принимающие крещение от Иоанна Крестителя, который держит в левой руке крест и показывает правой рукой в направлении появившегося вдалеке Христа. Ведущая роль масс стала главной темой этой картины. В этот период в живописных полотнах Иванова важнейшей являлась идея противостояния пророка и массы, толпы. Художник рассматривал момент возникновения христианства с позиции толпы, то есть «то, как явление спасителя становится поворотным моментом в человеческой жизни» [1, 186–187].

Предметом вдохновения стало для Иванова и восстание декабристов 1825 г., чьи духовные убеждения и устремления оказали значительное влияние на Пушкина и других поэтов, его современников, которыми увлекался Иванов (например, Ф. Глинка). Их образы в качестве представителей народно-освободительного движения отразились в фигурах тех, кто окружал пророка Иоанна. Эта картина в особенности вызывала у Цветаевой ощущение страха и тяжелые предчувствия.

Поэт и Страсти Христовы

Обратим внимание на композицию картины «Явление Христа народу». Согласно традиции христианской иконописи, лик Христа изображается самым крупным размером на первом плане. То есть размер изображения на православных иконах соответствуют значению изображаемого. Если человек на иконе нарисован крупно, то и его значение велико, напротив, изображение маленьких людей говорит о том, что это люди незначительные. Если смотреть с этой позиции, то в картине «Явление Христа народу» Христос представляется незначительным, почти ничтожно малым. Можно предположить, что так Иванов раскрыл тему «лишнего человека»

в обществе, которая перекликается с идеей изоляции поэта-пророка, его одиночеством и его муками – Страстями Христовыми.

Образ Иисуса Христа в культуре это, в первую очередь, образ того, кто выступил против произвола и драконовских законов еврейского общества, обратился напрямую к низшим слоям населения, призывая покарать нечестивых на основе истинных божественных законов; это и образ того, кто протянул руку помощи самым отверженным – прокаженным. В обществе, где любое нарушение закона государство карало смертной казнью, Христос был тем, кто строго соблюдал принципы иного закона – любви. Как следствие, обвиненный в критике власти в Римской империи и в призыве к восстанию, он был распят.

Тот Христос, которому сочувствует Цветаева, это именно такой Христос:

Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла – нипочём!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокажённый подойди – не откажу! <...>
Блещут, плещут, хлещут раны – кумачом,
Целоваться я не стану – с палачом! [8, I, 570].

В картине Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом» также прослеживается связь с образом Христа. Пушкин опирается на двух мужчин: так изображается снятие с креста.

Цветаева чувствовала себя «сестрой» Пушкина, «сестрой» по «страстям». В современном русском языке есть два слова-омонима «страсть/страсти». Первое означает «сильное чувство; страстность»; второе – «ужас», «страх». В юности Цветаева заимствовала у матери понимание слова «страсти» как «распятие».

В цветаевской «Поэме конца» (1924 г.) описана бесчеловечность погромов, когда у некрещёного отнималось даже его право жить: «Жизнь, – только выкрестов терпит!» [3, 48] Маргинализация обществом «я/самости» поэта в годы парижского изгнания наложила на отрицание ею еврейского образа жизни: «Гетто избранничеств, вал и ров – пощады не жди. / В сем христианнейшем из миров поэты – жиды» [8, III, 48].

В изданных к столетию со дня рождения Пушкина «Записках современников» публикуются наравне с другими и произведения Цветаевой. Одно из них наполнено гневом, яростью, сложно передаваемыми эмоциями, в которых Цветаева, в точности воспроизводя настроение записки Щеголева, пытается передать свои ощущения по поводу дуэли и смерти поэта, выражая в них «яростный гнев, от которого едва можно было дышать» [7, 130].

В написанном в начале советского периода творчества произведении «Бич жандармов, бог студентов...» Цветаева также выражает гнев, перенося его на современное ей литературное сообщество. В Советском Союзе, так же, как и в Париже, оказавшая поэтессой анти-истеблишмента, Цветаева тоже очутилась в полной изоляции. Непонимание окружающими ее творчества раздражало, а попытки сделать из произведений Пушкина «канон» вызывали у Цветаевой сопротивление.

Например, эпизод, когда Николай I посетил Пушкина в его ссылке в Михайловском. В книге В. Вересаева «Пушкин в жизни» Цветаева могла найти описание случая, якобы имевшего место 8 сентября 1826 г.: Пушкин общался с царем, «повернувшись спиной и положив ноги на камин, якобы чтобы согреть их». Это заставляет Цветаеву сомневаться в том, а «был ли Пушкин нам учителем?» [2, II, 55]. «Запрыгнувший на стол перед лицом деспота-правителя» свободолобивый представитель богемы отрицает сам образ «строгого учителя», создаваемый советской пушкинистикой. Перефразируя пушкинскую «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», поэтесса говорит о том, что не надо «черное пытаться закрасить белым»: «К пушкинскому юбилею / Тоже речь произнесем: / Всех румяней и смуглее / До сих пор на свете всем, / Всех живучей и живее! Пушкин – в роли мавзолея?» [8, II, 282]. Иными словами, для Цветаевой казалось большой несправедливостью по отношению к любимому поэту то, что «живой» Пушкин подменялся идеализированным Пушкиным – иконой, «мавзолеем». Эта горячая критика выразилась в завершающих строках произведения Цветаевой:

Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань

Площадную – попугай.

– Пушкин? Очень испугали! [8, II, 283].

Корень фамилии Пушкин в русском языке родственен слову «пушка», а потому поэтесса и сравнивает его с оружием: «– Пушкин – в роли пулемета! / Уши лопнули от вопля: / “Перед Пушкиным во фронт!”» [8, II, 282].

Слово «брань» в древнерусском языке означало «сражение», «бой». Однако современный его смысл – «ругательство», «ругань». Ругань как война, но такая «война», в которой имя Пушкина на площадях превращается в «грязную ругань» [3, 72]. Цветаева утверждает, что судить о гениальном поэте может лишь тот, кто сам обладает поэтическим даром.

В 1937 г. во время мероприятий, связанных с Пушкинским юбилеем, Цветаева стремилась дистанцироваться от них. Пушкинские юбилеи, в особенности начиная с 1880 года, постепенно стали частью политической мифологии, а рождаемая ими волна патриотических чувств – важным средством поддержания власти. В сталинский период пик празднований приходится на период 1930–1937 гг., особенно 1937 г., объявленный «годом Пушкина». Не только в Советском Союзе, но и в Париже, Берлине, а также в других зарубежных городах, где были крупные русские общины, включая Харбин, он широко праздновался. Кстати, в это время была принята программа «Повышение грамотности граждан Советского союза и России» [4, 180; 5, 4–19].

«Чёрный Пушкин»

Цветаева рассуждает о том, что и в теперешней Москве при выходе на Тверскую площадь стоит памятник Пушкину, напоминающий нам о его предках. Интересно, что Цветаева изначально воспринимала Пушкина в черном цвете, как «черный памятник»: «Памятник Пушкина я любила за черноту – обратную белизне наших домашних богов. У тех глаза были совсем белые, а у Памятник-Пушкина – совсем черные, совсем полные. Памятник Пушкина был совсем черный, как собака, еще черней собаки, потому что у самой черной из них всегда над глазами что-то желтое или под шеей что-то белое. Памятник Пушкина был черный, как рояль. И если бы мне потом совсем не сказали, что Пушкин – негр, я бы знала, что Пушкин – негр. <...> В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина, – черный памятник Пушкина моего дограмотного младенчества и всей России» [8, V, 61]. «Черный» Пушкин у Цветаевой – это «изначальный» образ, преодолевающий время, пространство и историю, абсолютно неизменный, трансцендентный.

Пушкин – это и «место прогулки», место «детских догонялок», «повседневность», узнанный образ, имеющий «размер», «цвет», «материальность». «Памятник Пушкина был и моей первой встречей с числом: сколько таких фигурок нужно поставить одна на другую, чтобы получился памятник Пушкина. И ответ был уже тот, что и сейчас: “Сколько ни ставь...” – с горделиво-скромным добавлением: “Вот если бы сто *меня*, тогда – *может*, потому что я ведь еще вырасту...” <...>» [8, V, 60].

В начале книги «Мой Пушкин» Цветаева пишет о «тайне Красной комнаты», сплошь украшенной изображениями Пушкина, что в контексте православной традиции отсылает к украшению дома иконами, которые все располагаются в восточном углу, называемом «святой угол» (или «красный угол»). В русском языке основное значение слова красный – «красивый».

«Но что же тайна красной комнаты? – продолжает Цветаева. – Ах, весь дом был тайный, весь дом был – тайна!

Запретный шкаф. Запретный плод. Этот плод – том, огромный сине-лиловый том с золотой надписью вкось – Собрание сочинений А. С. Пушкина.

В шкафу у старшей сестры Валерии живет Пушкин, тот самый негр с кудрями и сверкающими белками. Но до белков – другое сверкание: собственных зеленых глаз в зеркале, потому что шкаф – обманный, зеркальный, в две створки, в каждой – я, а если удачно поместиться – носом против зеркального водораздела, то получается не то два носа, не то один – неузнаваемый.

Толстого Пушкина я читаю в шкафу, носом в книгу и в полку, почти в темноте и почти вплоть и немножко даже удушенная его весом, приходящимся прямо в горло, и почти ослепленная близостью мелких букв. Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг» [8, V, 65].

Для Цветаевой характерно ощущение великого трансцендентного присутствия Пушкина, когда внутри себя чувствуешь близость поэта.

Как же интерпретировать то, что в космогонических построениях Цветаевой «черноте» придается столь большое значение? «Черный» – это очевидно позитивный цвет, исходя из того, каким он предстает в ее очерках «Мой Пушкин», «Мать и музыка» (1935), по сравнению с образом «белизны», представленной как то, что «было прежде всех вещей». Российский лингвист Л. В. Зубова обращает внимание на то, что в трактовке Цветаевой образ и «белого» и «черного» передается через общее понятие «пустоты». «Белое» в своем исходном состоянии «теперь» воспринимается как ничем не заполненная пустота, которая впоследствии будет заполнена другими. Тогда как «черное» – это пустота, наполненная скорбью и печалью после полного разрушения, пустота, возникающая после потери. Таким образом, «белое» – это «все, что существовало до», «черное» – все то, что «будет существовать после» [3, 112].

В произведении Цветаевой статуя/образ «черного» Пушкина – это вечное присутствие, «бытие-на-всегда», или, как писала сама Цветаева, «Пушкин не воспоминание, а состояние, Пушкин – всегда и отвсегда» [8, V, 59], то есть движение, начинающееся «от вечности».

(Незадолго до революции К. Малевич провозгласил «смерть Бога» и «заменил» «Черным квадратом» икону православия. Разнообразные цвета, накладываемые на изображение этой картины, служат лишь одной цели – стать частью черного.)

Кроме того, вопреки здравому смыслу или интерпретации черного цвета (предвзятости к нему), этот цвет всегда будет двусмысленным, и потому возникает вопрос: как можно было бы пробудить его ценность и цветовосприятие для общества и культуры? Цвет – это всего лишь личное восприятие человеком световых волн. Цветаева говорит, что тогда же она выбрала «черное, а не белое: «черную думу, черную долю, черную жизнь» [8, V, 60].

Образ «черного» ассоциативно связан у Цветаевой с образом «моря». Очерк «Мать и музыка» завершается рассказом о поездке матери, болевшей туберкулезом, на Средиземное море для поправки здоровья, и о ее смерти. Картина «Дуэль Пушкина с Дантесом» висела именно в спальне матери Цветаевой. Для Цветаевой слова «море» и «любовь» являются синонимами, с которыми тесно связаны образы «расставания» и «смерти». Обращаясь к детям, напуганным возможностью близкой ее смерти, мать говорит: «Отправимся все вместе к морю» [8, V, 83]. В этих словах поэтессе слышится отзвук наиболее подходящего к ее настроению в тот момент стихотворения Пушкина «К морю». Это произведение было написано во время Южной ссылки, когда поэт уезжал из Одессы и прощался с Черным морем. Фактически, еще не видев моря, Цветаева уже обрела его через пушкинское стихотворение, бережно переписанное ею в белую тетрадку в 1/8 печатного листа. Цветаева не могла читать без слез уже первые строки стихотворения: «Прощай, свободная стихия». На второй строке она начинала плакать, и слезы размывали буквы, поэтому ей раз за разом приходилось переписывать стихотворение. Из этих слез у нее возник следующий образ поэта: «И вот – видение: Пушкин, переносящий, проносящий над головой все море, которое еще и внутри него (тобою полн), так что и внутри у него все голубое – точно он весь в огромном до неба хрустальном продольном яйце, которое еще и в нем (Моресвод). Как тот Пушкин на Тверском бульваре держит на себе все небо, так этот перенесет на себе – все море – в пустыню и там прольет его и станет море» [8, V, 86].

Образ «черного» Пушкина-памятника, который находился в Москве, имя самой поэтессы, которое значило «море», «морская», пушкинское стихотворение «К морю», «черное» и «белое» на картине Наумова и в цветаевских очерках – всё это порождает причудливый сплав. Цветаева использует как синонимы русское слово «море» и похожее по звучанию латинское слово «mori», означающее «смерть». Например, в «Поэме горы» она заменяет известное латинское выражение *Moment mori* («Помни о смерти») на «Moment море».

Впоследствии, увидев море собственными глазами, Цветаева будет разочарована. Вспоминая картину «Явление Христа народу», она выразила свое разочарование так: «Так же как и в той картине, почти нет воды». На картине присутствуют воды реки Иордан, символизирующей собой священную воду Крещения. Величие «внутренности моря» раскрывается только «на бумаге», где записано стихотворение Пушкина «К морю»: «Такое море – мое море – море моего и пушкинского «К морю» могло быть только на листке бумаги – и внутри» [8, V, 91].

В пушкинском «К морю» говорится о гармонии «стихии» и «стиха», чем завершается и цветаевский «Мой Пушкин»: «И – больше скажу: безграмотность моего младенческого отождествления стихии со стихами оказалась – прозрением: «свободная стихия» оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда» [8, V, 91].

Цветаева восприняла у Пушкина саму суть понятия «поэзия», стремилась способствовать развитию мифа о «живом» Пушкине. Начав восприятие Пушкина с его смерти (картина «Дуэль»), с «прощания с поэтом», она вкладывает в это прощание смысл «встречи» с ним – через поэтическое слово, когда, снова и снова возвращаясь к мифу о «смерти поэта», она открывает собственное «я». Рассказывая о своем Пушкине, поэтесса вспоминает мать, возвращает из небытия образ своей утраченной Родины. И наконец, история Пушкина, рассказанная Цветаевой, возвращает нас в вечность, преодолевая само время.

Литература

1. Алпатов, М. В. Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество. 1806–1858: В 2 т. / М. В. Алпатов. – М.: Искусство, 1956.
2. Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: Системат. свод подлин. свидетельств современников: в 2 т. / В. Вересаев. – М.: ЛОКИД-Пресс, 2001.
3. Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 262 с.
4. Левитт, М. Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года / Маркус Ч. Левитт; пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. – СПб.: Академический проект, 1994. – 262 с.
5. Орлов, В. Сильная вещь – поэзия [Электронный ресурс] / В. Орлов. – Режим доступа: <http://www.rus-knigi.ru/185/index-orlov-vladimir-nikolaevich-silnaja-veshh-pojezija.htm>

6. Смит, А. Песнь Пересмешника: Пушкин в творчестве Марины Цветаевой / Александра Смит; [пер. с англ. С. Зенкевича]. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – 249 с.

7. Цветаева, М. И. Письма к Анне Тесковой / М. Цветаева; [сост., подгот. текста, коммент. Л. А. Мнухина]. – Болшево: Муниципальное учреждение культуры «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшево», 2008. – 509 с.

8. Цветаева, М. И. Собр. соч.: в 7 т. / М. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.

9. Щеголев, П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы / П. Е. Щеголев. – М., Л.: Гос. изд-во, 1928. – 550 с.

M. TSVETAeva'S "MY PUSHKIN": TEXT SPACE

Manami Kasimoto

Abstract

In article expanded interpretation of M. Tsvetaeva's work "My Pushkin" is offered. The image of Pushkina is analyzed in the context of the poetess' memories of childhood, of the pictures hanging in her father's house, her mother's death. The interpretation of the images of "black Pushkin", "Pushkin as Christ", and "sea" is given.

Keywords: Tsvetaeva, Pushkin, poetics

Поступила в редакцию 31.05.2018

ББК 83.3(2=411.2)
УДК 8; 82.02/.09

Дорота Вальчак¹
Варшавский университет,
dorota.walczak1990@gmail.com

НИГИЛИСТ И ИКОНА. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ- ИКОНОБОРЦЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

В статье рассматриваются образы революционеров-иконоборцев в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Уясняется замечаемое автором соотношение между агрессией по отношению к иконам и антигосударственной деятельностью.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бесы», нигилизм, революционер, икона, иконоборчество, кощунство

Начиная с середины XVI в., в Великом княжестве московском, а потом также и в Российской империи прослеживается постепенная сакрализация царской власти. Уже Иван Грозный считал, что власть дана ему от Бога, а он сам как монарх обладает неким сакральным статусом [7, 56–57]. Данный процесс достигает своего апогея во времена царствования Алексея Михайловича и его сына, Петра I [7, 62–63]. В 1721 г. царь-реформатор упразднил патриаршество и подчинил Церковь государству, де-факто став ее главой. В послепетровскую эпоху российские монархи охотно присваивали себе звание «земных наместников Христа» или даже «земных Христов». Тесное слияние государственной власти и религии нашло свое отражение в официальной идеологии времен Николая I, так называемой теории официальной народности, сформулированной министром народного просвещения Сергеем Уваровым. Концепция эта состояла из трех элементов – православия, самодержавия и народности, легших впоследствии в основу государственной идеологии [4, 260].

Тесная связь религии с политикой и постепенная сакрализация царизма привели к тому, что разной масти противники самодержавия, как правило, выступали заодно и против православия и его главного символа – иконы, что и было использовано Федором Достоевским в его знаменитом романе «Бесы» (1872).

---

¹ Вальчак Дорота, аспирант исторического факультета, Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Следует помнить о том, что во времена правления Александра II в России был проведен ряд либеральных реформ, которые, парадоксально, привели к консолидации и укреплению революционных противогосударственных сил. Именно при Александре II получило распространение понятие «нигилист», впервые употребленное Иваном Тургеневым в «Отцах и детях» (1862) для определения революционно настроенной молодежи, называвшей себя «новыми людьми» [7, 313].

«Новые люди» были враждебно настроены по отношению к царизму, а следовательно, и по отношению к православию и религиозному искусству. Большая часть из них соглашалась с мнением Николая Чернышевского о том, что искусство должно быть идеологически полезным [15, 169].

Революционные демократы, естественно, иконопись полезным искусством не признавали. Они считали иконы вредоносными предметами суеверного культа, при этом отказывая им в какой бы то ни было художественной ценности. Впрочем, убеждение в низком художественном качестве икон было довольно распространенным, и близко оно было даже людям, сильно привязанным к православию [10, 100].

Наиболее враждебно высказывался об иконописи Виссарион Белинский, писавший, что иконы так безобразны, что их можно использовать лишь для прикрытия горшков [1]. Также и в биографии философа и богослова Владимира Соловьева можем найти информацию, что когда он начал исповедовать революционные взгляды, выбросил из дома все иконы [3, 17–18]. «Новые люди», отказывая иконописи в художественной ценности, часто сакрализировали новое, революционное искусство. Примером может здесь послужить Александр Герцен, назвавший иконостасом свою коллекцию портретов выдающихся революционеров [5, 201].

Отрицательное отношение нигилистов к Церкви было использовано авторами так называемых антинигилистических романов, к которым относятся и «Бесы». По своей идее антинигилистический роман является антиутопией, в которой дается острая критика социальной действительности, а прежде всего революционных и анархических движений. В. Терехин выделяет три основные отличительные черты антинигилистической литературы: это четко выраженная позиция автора, обличающего антигосударственную деятельность нигилистов, подчеркиваемый автором искусственный характер движения и наличие положительного героя-патриота, который противопоставляется революционерам-анархистам [11, 42–82]. Как справедливо замечает Л. Базилев, когда речь заходит об антинигилистической литературе, исследователи обычно

вспоминают о второ-, если даже не о третьестепенных авторах [12, 507] и редко помнят о том, что и среди антинигилистических романов встречаются шедевры, к числу которых, безусловно, принадлежат и «Бесы» Ф. М. Достоевского. Данный роман содержит глубокую рефлексию над сущностью революции и человеческой природы, но одновременно он является и памфлетом на народнический социализм, и яркой критикой «нечаевщины».

В «Бесах» есть несколько сцен, в которых иконоборцами являются революционеры («нигилисты»). Рассказ об их действиях ведется от лица молодого либерала Антона Лаврентьевича Г-ва, ближайшего друга либерала и вольнодумца Степана Трофимовича Верховенского. Повествователь-хроникер пишет, что некий молодой подпоручик «выбросил <...> из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором» [6, 269]. Немаловажно и то, что вышеупомянутый военный «в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Мошотта и Бюхнера и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки» [6, 269].

Труды трех авторов – представителей так называемого «вульгарного материализма» – занимают в его доме место икон, а военный почитает их таким образом, каким по традиции почитают иконы. Данный случай в некоторой степени подтверждает пословицу, что «свято место пусто не бывает», и тот факт, что, когда человек отказывается от Бога, он вынужден создать себе кумира. Похожее явление описывает в своей книге Дж. Биллингтон – там революционеры часто вместо креста носили на шее медальоны с портретом Руссо [13, 386]. Прав Д. Евдокимов, утверждая, что, уничтожая икону, революционер, «одновременно отрицает и то, что она символизирует – Божественную реальность, подменяя иконы книгами материалистического содержания» [14, 85].

Вторым актом иконоборчества, описанным в «Бесах», является ограбление иконы Богоматери и запуск за стекло живой мыши. Автором проводится четкое различие между самим ограблением образа – кражей части драгоценных камней из ризы – и «глумительным кощунством», которым был запуск живой мыши за стекло иконы (хотя, в отличие от кражи, мышь не причинила никакого физического вреда образу) [6, 253]. На это коренное различие между сакрум – иконой и профанум – окладом, украшением обращает внимание и вор Федька-каторжный, который украл камни из ризы:

«Я, видишь, Петр Степанович, говорю тебе это верно, что обдирал; но я только зеньчуг снимал <...> А ты пустил мышь, значит, надругался над самым Божьим перстом» [6, 428], – корит он Петра Верховенского, по чьей инициативе и была запущена мышь.

Хотя довольно трудно найти непосредственного виновника кощунства (при первом описании события появляется информация, чтомышь пустил пианист Лямшин, член революционной «пятерки» Петра Верховенского, но потом Федька сообщает, что кощунство совершил лично Верховенский), Достоевский подчеркивает, что кощунство было связано с деятельностью Петра Степановича. Кощунство как действие, направленное против Церкви, идеально вписывается в революционный план Верховенского: «Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслышанный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство» [6, 323].

Подчеркиваемая Достоевским связь икона – Церковь – государство хорошо прослеживается также в приведенной выше истории офицера-иконоборца (совершил нападение на своего командира, тем самым сопротивляясь государственной иерархии) и в доносе капитана Лебядкина до губернатора фон Лембке («Если хотите, чтобы донос для спасения отечества, а также церковей и икон, то я один только могу» [6, 279], – пишет Лебядкин). Писатель соединяет иконоборчество с противогосударственной деятельностью, введением хаоса в общество и отнятием у него опоры в лице православия. Характерно, что группа Верховенского, кроме запуска мыши, совершает еще несколько кощунственных действий, например, подбрасывает продающей Библии книгоноше порнографические фотографии.

Обыватели города молча выражают осуждение иконоборцев – они собрались на паперти, молясь и принося пожертвования на украшение ограбленной ризы: «Народ толпился у места преступления с утра, – замечает рассказчик. – Постоянно стояла толпа, хоть не Бог знает какая, но все-таки человек во сто. Одни приходили, другие уходили. Подходившие крестились, прикладывались к иконе; стали подавать, и явилось церковное блюдо, а у блюда монах» [6, 253].

Большую часть собравшихся на площади составляют обыватели, среди появившихся на паперти и купец [6, 253]. Толпа выражает иконоборцам свое молчаливое осуждение. На фоне серьезных горожан резко выделяются разночинцы, демонстративно показывающие свое неуважение к религии и к чувствам народа, что выражается хотя бы в том, что в присутствии святых они даже не сняли шляп: «Молодые люди (из коих один был уже не совсем молодой) вышли тоже из экипажа и протеснились к иконе, довольно небрежно отстраняя народ. Оба шляп не скинули, а один надвинул на нос пенсне. В народе зароптали, правда, глухо, но неприветливо. Молодец в пенсне вынул из портмоне, туго набитого кредитками, медную копейку и бросил на блюдо; оба, смеясь и громко говоря, повернулись к коляске» [6, 253].

Оскорбительное поведение молодых «нигилистов» вызывает возмущение не только простого народа, но и части местной аристократии в лице Лизаветы Николаевны Тушиной, которая во внезапном порыве упала на колени перед иконой и пожертвовала на украшение ограбленного образа свои серьги [6, 253].

Среди описанных Достоевским нигилистов очень интересен казус «революционера-иконопочитателя» Кириллова. Инженер Алексей Нилыч Кириллов является своеобразным апологетом самоубийства. Кириллов считает, что человек сам выдумал Бога из страха смерти и только самоубийство как высшее доказательство мужества может освободить его от страха и позволит ему стать Человекобогом. Кириллов, который близок «пятерке» Верховенского, держит в своей комнате икону Спасителя и даже зажигает перед ней лампадку, хотя и старается уменьшить значение данного факта. Петр Верховенский с некоторым злорадством утверждает, что Кириллов противоречит сам себе – являясь революционером, он одновременно отдает честь иконе. В его понимании данный факт обозначает, что Алексей Нилыч должен был поверить в Бога.

«Петр Степанович совсем озлился.

– В Него-то, стало быть, всё еще веруете и лампадку зажгли; уж не на «всякий ли случай»?

Тот промолчал.

– Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа» [6, 471].

Не менее интересен описанный Достоевским отец Петра Степановича, Степан Трофимович Верховенский. Этот старый революционер и либерал в отличие от сына не отрицает существование Бога, а в конце жизни обращается в православие. Хотя Верховенский-старший тщательно поддерживал свою легенду романтического революционера, но в один момент в его доме появились иконы. Как с некоторым изумлением замечает рассказчик Г-в: «Настасья (служанка Верховенского – D. W.) стала на стул и полезла зажигать в углу лампадку пред образом. Я с удивлением это заметил; да и лампадки прежде никогда не бывало, а теперь вдруг явилась» [6, 329].

Когда над старшим Верховенским повисла (мнимая) угроза ареста, тот обратился к образам со своеобразной молитвой, доказывающей, что хотя он еще не вполне верит в силу иконы, но на «всякий случай» желает ей помолиться: «Сher, – обращается он к Г-ву – протянул он руку в угол к лампадке, – сher, я никогда этому не верил, но... пусть, пусть! (Он перекрестился). Allons!» [6, 334].

Достоевский в «Бесах» ставит знак равенства иконоборчеством и нигилизмом. Революционеры-иконоборцы задаются целью разрушения общества и построения нового, лишённого Бога порядка,

а те из «нигилистов», которые обращаются к иконе, уже находятся на пути к спасению. Надо заметить, что Достоевский не единственный автор, который замечает связь иконы с антигосударственной деятельностью.

Всеволод Крестовский в антинигилистической диалогии «Кровавый пуф» (1870 – 1874) поместил сцену, в которой нигилистка Лидинка Зайц ведет уроки в школе для убогих детей, убеждая их в том, что Бог не существует, тем самым отрицая смысл почитания икон: «Икона это не Бог, а простая доска. Бога-то, миленький мой, нет и не бывало, а если вам говорят, что есть, то только вас обманывают» [8, 326].

Образ, созданный Достоевским, является более ярким и выразительным, чем у Крестовского. Его персонажи не просто отрицают иконы – они или уничтожают их с помощью топора, или кощунственно издеваются над ними на глазах у всего народа. С подачи Достоевского дальнейшее развитие в русской литературе получил также и мотив «революционера-иконопочитателя», молящегося иконам «на всякий случай». Андрей Белый в романе «Петербург» (1912) об одном из членов революционной организации пишет, что «над его постелью висел образок, изображавший тысячаночную молитву *Серафима Саровского* среди сосен, на камне (должен здесь я сказать – Александр Иванович под сорочкою носил серебряный крестик)» [2, 242] В данном случае мы можем быть уверены, что имеем дело с сознательной ссылкой на роман «Бесы», поскольку, как замечает А. В. Лавров, «идеи и образы Белого непосредственно связаны с художественным миром Достоевского и поднятой им философско-исторической проблематикой» [9, 150].

Литература

1. Белинский, В. В. Письмо к Гоголю / В. Г. Белинский // Литературное наследие. – Т. 56. – С. 571–581.
2. Белый, А., Петербург. Роман в восьми главах с эпилогом / А. Белый. – Л.: Наука 1981. – 696 с.
3. Величко, В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения / В. Л. Величко. – СПб., 1904. – 208 с.
4. Геллер, М. Я. История Российской Империи: в 2 т. / М. Я. Геллер. – М.: МИК, 2001. – Т. 2. – 320 с.
5. Герцен, А. И. Сочинения: в 4 т. / А. И. Герцен. – М.: Правда, 1988. –Т. 1. Былое и думы. – 414 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. –Т. 10. Бесы. – 519 с.
7. Живов, В. М., Успенский, Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Языки культуры и проблемы переводимости. Под ред. Б. А. Успенского. – М.: Наука, 1987. – С. 47–154.

8. Крестовский, В. В., Кровавый пуф / В. В. Крестовский. – М.: ЭКСМО, 2007. – 640 с.
9. Лавров, А. В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого / А. В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 131–151.
10. Лосский, Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н. О. Лосский. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. – 406 с.
11. Терехин, В. Л. «Против течений»: утаенные русские писатели. Типология антинигилистического романа / В. Л. Терехин. – М.: ТЕИС, 2002. – 207 с.
12. Bazyłow, L. Historia nowożytniej kultury rosyjskiej / L. Bazyłow. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 770 s.
13. Billington, J. The icon and the axe: an interpretative history of Russian culture / J. Billington. – New York: Vintage Books, 1970. – 786 pp.
14. Jewdokimow, D. Człowiek przemieniony. Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego / D. Jewdokimow. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009. – 238 s.
15. Walicki, A. Zagadnienie piękna w estetyce rosyjskich rewolucyjnych demokratów. W 125-lecie urodzin M. Czernyszewskiego / A. Walicki // Materiały Studiów nad Sztuką, IV (1953). – S. 3–4.

NIHILIST AND ICON. THE REVOLUTIONARIES-
ICONOCLASTS IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL
"THE POSSESSED"

Walczak Dorota

The article examines the images of the iconoclastic revolutionaries in Dostoevsky's novel "The Possessed". The relationship between aggression towards icons and anti-state activity, noticed by the author of "The Brothers Karamazov", is being clarified.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, "Demons", nihilism, revolutionary, icon, iconoclasm, blasphemy

Поступила в редакцию 9.05.2018

РАЗДЕЛ V. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

ББК 83

УДК 82-22

*А. И. Дубских,
кандидат филологических наук, доцент
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
angelina.dubskikh@mail.ru*

ПРИРОДА НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМЕДИОГРАФИИ РЕСТАВРАЦИИ: МОРАЛЬ И ПРАВЫ

Поиск социально-психологический типажей, воплощенных комедиографами комедии Реставрации, обусловлен необходимостью видеть и показывать общество через человека, его социальный тип, а человека – через общество. Воплощение таких типов в комедии нравов имеет сатирическую направленность и находит свою реализацию посредством принципа «наоборот».

Ключевые слова: комедия, Реставрация, сатира, жанр комедии нравов, социальный тип

А. Л. Штейн в своей работе «Весёлое искусство комедии», в главе «Мольер – зачинатель и основоположник», обозначил следующие условия создания национальной комедии: «Создать комедию систему – значит, найти социально-психологический тип, воплощающий комические стороны действительности. Аристофан нашёл эту комическую стихию в образе – придурковатого крестьянина и в причудницах – женщинах; Шекспир – в патриархальных йоменах старой Англии и в причудах своих возлюбленных. Мольер тоже нашёл этот социально-психологический тип и создал национальную комедию» [7, 147]. Учирли нашёл социально-психологический тип, воплощающий отношения эпохи, и создал комедию нравов Реставрации. Формула «Человек через общество – общество через человека» является определяющей в данном контексте. Именно общественные нравы являются направляющими в выборе человеком собственных норм морали.

А. Л. Штейн определяет Мольера как создателя французской классической комедии, более того, как создателя классической

комедии в широком смысле этого слова. Он является самым знаменитым, наиболее признанным представителем жанра комедии, родоначальником комедии нового времени. Бояджиев Г. Н. отмечал, что «при развернутом анализе двух исторически сложившихся типов комедии мы выясним и слабые стороны высокой комедии – отсутствие у неё таких превосходных свойств ренессансной комедии, как реалистическое полнокровие образов, многокрасочность языка, органическое слияние с народной поэзией» [1, 238]. В комедии нравов, шедшей на смену мольеровской, её художественное пространство соотносится с действительностью иначе, чем в классицистской комедии.

В Англии комедией нравов принято именовать только комедиографию школы Реставрации. Её представители Уичерли, Конгрив, Фаркер и Ванбру писали весело и сатирично. Но, как отмечает Ю. И. Кагарлицкий, «термин “комедия нравов” пытались применить уже к Мольеру, и не без оснований. «Я делал больше, чем изучение Плавта и Теренция... Я по преимуществу изучал нравы», – говорил о себе Мольер. По мнению критиков Бояджиева, Брюнетьера, некоторые пьесы Мольера основаны не только «на правдивом показе человеческих переживаний, но и на непосредственных наблюдениях над современным бытом и нравами» [2, 93]. Однако изучать нравы еще не значит писать комедию нравов. Уичерли, в отличие от Мольера, не изучал нравы и не предлагал их к рассмотрению, он сам был частью этих нравов. Комедия нравов Уичерли – это комедия, изображающая обычных людей в обыденных обстоятельствах и сумевшая проникнуть в эти характеры и обстоятельства. Согласно Ю. И. Кагарлицкому, такая «комедия ставит себе ближайшей и неизменной целью схватить социальный тип и передать его в бытовой характерности, в обстановке для него привычной» [2, 84]. Итак, за основу берётся социальный тип. Мольер, перед тем как подойти и вычленить этот тип, опирался, как и создатели национальных комедийных систем Англии, Испании, на «античное наследие (комедии Плавта и Теренция) [4], итальянскую учёную комедию, комедию дель арте, а также народное творчество и фарс.

Новым шагом в создании комедийной системы является комедия «Сганарель, или мнимый рогоносец» [5], в которой Мольер соединяет мотивы старого фарса с мотивами и образами комедии дель арте [6]. Основные особенности комедии: вместо двух любовных пар представлена одна, о другой только упоминается. Мольер не развивает любовную интригу по-настоящему. Берётся интрига, основанная на путанице, но роль у неё иная, чем в старой комедии. Фарсовое начало живое и определяющее. Главное в ней – образ Сганареля –

центрального персонажа комедии и главного в ней источника комического [8, 9]. В отличие от старого фарса, жена его не обманывает, он заблуждается. Это заблуждение и есть результат ренессансной интриги, основанной на недоразумениях и путанице. Сганарель не рогоносец, а «мнимый рогоносец», здесь прямая параллель с «мнимым больным» Арганом. И как следствие – к «мнимому импотенту» Хорнеру У. Уичерли [3]. Отличие же состоит в том, что «путаница и недоразумения» пьесы Мольера изначально предопределены фарсовостью ситуации. В «Деревенской жене» интрига, реализованная принципом «наоборот», создана и определяет сатирический контекст произведения. «Мнимость» Сганареля забавна и комична, в то время как двуличие Хорнера не мнимое, а настоящее. Эта «маска-наоборот» комична только снаружи, опасность в ее ненастоящей «мнимости».

Комедия «Урок жёнам» (или «Школа жен») является одной из первых в ряду комедий нравов. Здесь снова борьба возлюбленных оттесняется на второй план образом ревнивого опекуна. Особенность этой комедии – в раскрытии характера Арнольфа и его воззрений на брак. «Школу жён» можно сопоставить с новеллой Поля Скаррона «Тщетная предосторожность». Герой берёт в жены наивную дурочку, и вместо супружеской постели заставляет её в полном вооружении охранять его сон. Обе комедии отвечают трактовке Скаррона: «Природа как таковая ничего не определяет. И нужно дополнить её умом и знанием, рассказывая о том, как может быть забавно неведение» [7, 153].

По аналогии строит одну из своих сюжетных линий У. Уичерли в комедии «Деревенская жена» [6]. Бывалый любитель женщин берёт в жёны девушку из провинции. Зимбардо так определяет эту линию: «Он выбрал её... невежество, которое, как он надеялся, создаст защиту его собственной личине-фасаду» [10]. Невежественная жена в противовес мужу, прикрываясь этим же невежеством, научилась и обманула собственного мужа, опередив его самого. Если Скаррон требует знания законов чести, а Мольер руководствуется, согласно эпикурейской философии, правом на любовь, то Уичерли скорее берёт на вооружение, с одной стороны, принцип «наоборот» (правда, выраженный в резко сатирическом контексте), с другой – его прямую логику, находившую своё отражение ещё в комедиях Аристофана – «торжествует не лучший и достойнейший, а худший и наименее достойный. Наглого побеждает наглейший, подлого подлейший, отъявленного демагога ещё более бессовестный крикун и лгун» [7].

Литература

1. Бояджиев, Г. Н. Мольер: исторические пути формирования жанра высокой комедии / Г. Н. Бояджиев. – М.: Искусство, 1967. – 555 с.
2. Кагарлицкий, Ю. И. «Театр на века» / Ю. И. Кагарлицкий. – М.: Искусство, 1987. – 350 с.
3. Ломакина, Е. А. Особенности функционирования художественного приема маски на примере личины остроумца эпохи Реставрации / Е. А. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 1 (39). – С. 143–151.
4. Ломакина, Е. А. Развитие масок античности: Аристофан / Е. А. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3 (49). – С. 363–369.
5. Мольер, Ж.-Б. Полное собрание сочинений в одном томе / Ж.-Б. Мольер. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
6. Уичерли, У. Деревенская жена / У. Уичерли. – М.: Искусство, 1981. – 155 с.
7. Штейн, А. Л. Весёлое искусство комедии / А. Л. Штейн. – М.: Худож. лит., 1988 – 356 с.
8. Bevis, R. W. Mask and Veil: Comedy / R. W. Bevis // English Drama: Restoration and Eighteen century 1660–1789. – L.: Longman, 1997. – 341 p.
9. Kronenberg, L. The Thread of Laughter. Dramabook / L. Kronenberg. – N.Y.: Hillway, 1978. – 300 p.
10. Zimbaro, Rose A. The Country Wife as a Satire / Rose A. Zimbaro // Restoration and 18th Century Comedy. – N.Y., 1973 – P. 200–209.

NATURE OF THE NATIONAL RESTORATION KOMEDIOGRAFY:
MORALS AND MANNERS

A. I. Dubskikh

Abstract

The search of social-psychological prototypes drawn by Restoration Comedy authors is due to the need to see and to show society through the man, his social type, and a human through the society. The embodiment of such types in the Comedy of manners has a satirical character and finds its implementation through the principle of "Vice versa".

Keywords: Comedy, Restoration, satire, genre, Comedy of manners, a social type

Поступила в редакцию 2.06.2018

*ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1*

*В. В. Цуркан¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru*

КОНЦЕПТ «КНИГА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА

В статье анализируется мирообраз книги как значимый элемент художественного сознания А. Битова. Автор исследует универсальные и индивидуально-авторские способы представления концепта, рассматривает единицы, формирующие его структурно-семантическое своеобразие, указывает на связь концептов «книга», «культура» и «память», актуализирует проблему переосмысления феномена книги в современном мире.

Ключевые слова: Битов, культура, концепт, память, книга, Манделъштам, Пушкин

В творчестве А. Битова книга как явление культуры не соотносится с какой-либо одной сферой бытия, но связана с разнообразными областями деятельности человека, которые вне книги существовать не могут. В мире, в котором, «эсхатология перерастает в схоластику» [3, 774], становясь вполне естественной частью современного сознания, а чтение «перестает быть человекообразующим ресурсом» [10, 5], А. Битов размышляет о книге как об упорядочивающем, либо о деструктивном начале бытия и о ее творце как о созидателе или разрушителе миров.

Понятийный, ценностный и образно-метафорический слои концепта «книга» в битовской прозе опираются на мощную традицию, в которой взаимодействуют метафорические и метонимические аспекты восприятия феномена книги, в том числе и включающие ее аналогии с человеком. Аксиологическая составляющая концепта актуализирована писателем в эссе «Текст как поведение». А. Битов признается: «Чехова и отца я люблю ровно и одинаково. Манделъштама люблю отдельно» [4, 281]. История битовского

---

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

приобщения к творчеству О. Мандельштама напоминает детектив, четыре части которого имеют примечательные заглавия: «Я краду книгу», «Я дарю книгу», «У меня крадут книгу», «Мне дарят книгу» [4, 282–283]. Первая глава завершается признанием: «Евангелия в библиотеке дядьки не было. Это была, пожалуй, запрещенная книга. И стихотворение Мандельштама стало моей первой молитвой» [4, 282].

Битовский персонаж, проживающий жизнь, чаще всего выступает либо как объект эмоционального воздействия книги (читатель), либо как субъект созидания (автор текста). Герои ранних произведений А. Битова воспринимают книгу как зеркало, в котором они ищут собственное «Я», и как окно в мир людей. Например, юный Монахов, наслаждающийся чтением романа Г. Мелвилла «Моби Дик», где «все было так осязаемо, просто и точно; в то же время так немучительно, тек легко и умно» [5, 66], обретает благодаря книге понимание того, что «нет такого качества в нашем мире, которое продолжало бы существовать вне контраста»: правды – без лжи, любви – без ревности, веры – без неверия [5, 66].

На формирование внутреннего мира героя оказывает влияние и другая «странная» книга. На понятном для людей «в безверии» языке она учит: «то огромное, что есть любовь, не оставляет ни точки в твоём крохотном пространстве и даже разрывает тебя и гораздо превышает тебя. Ты становишься таким большим, каким никогда бы не мог без этого стать, а в том, чем ты был без любви, ты становишься еще мельче» [5, 81]. С неназванной книгой Монахов знакомится впервые в девять лет и вновь испытывает потребность перечитать ее в восемнадцатилетнем возрасте, дабы уяснить, как в нем, «крохотулке», уместилась любовь и случайна ли она? [9, 732]. Какое произведение имеет в виду писатель? Эпиграфы к главам романа указывают на два сакральных текста – Псалтырь и Откровение Иоанна Богослова, которые в определенном смысле не только программируют жизнь героя, но и объясняют, почему он «постепенно утрачивает способность любить» [1, 176].

С целью уточнения культурно-исторической функции книги ученые нередко обращаются к её этимологии. Примечательно, что на вопрос о происхождении лексемы «книга» историко-этимологический словарь не дает исчерпывающего ответа. Размышляя над этим фактом, исследователи В. В. Волков и Н. В. Волкова считают необходимым обратиться к древнегреческому межъязыковому аналогу – лексеме «*урацца*», обозначающей, во-первых, «все начерченное»: письменный знак, букву; изображение, образ, рисунок, надпись; во-

вторых, «все написанное»: письмо, книгу, сочинение, запись. Близость этих значений указывает на то, что «логика семантического развития древнегреческого квазиэтимона от отдельного знака – к целому тексту» [7, 58] была связана с постепенным накоплением кусочков памятного, «*мнемы*».

В прозе А. Битова связь концептов «память» и «книга» актуализирована в размышлениях об ошеломившей его во время путешествия по Армении «полузапрещенной книге», достать которую «оказалось так же трудно, как Библию» [3, 439]. Из нее писатель узнал о том, чего каждый должен бояться, как Божьего суда – о геноциде древнего народа: «это была Книга. Самое большое, что меня поражает – когда человек *ли, целый народ* поднимают свою скорбь и свое достоинство до масштабов великой книги» [6].

В «Уроках Армении» в центре внимания А. Битова оказывается не только социальный и нравственный, но и культурно-исторический план концепта. Экскурсы в прошлое народа переплетаются с бытовыми зарисовками и авторскими взволнованными лирическими монологами. Причастность к драгоценной книге культуры вызывает в душе повествователя чувство уважения к собственной личности. Призыв А. С. Пушкина «любите самого себя, достопочтенный мой читатель...» он относит к себе. Вместе с тем, как и О. Мандельштам, А. Битов пишет о невозможности перевода первородного лепета на язык понятных терминов. «Мир-книга» требует вдумчивого чтения, ведь ее смысл подчас внеположен тексту, передавая нечто отличное от слов, его составляющих. Преодолеть это противоречие можно путем «растворения в творении» [3, 504], в момент, когда жизнь суживается до точки и художник должен все начать сначала: сделать первый вдох, заново выучить язык, произнести первое слово [11]. Другая стратегия выражается в попытке создания произведения, время которого имитировало бы вневременное настоящее «мира-книги». Чудо совпадения «опыта» и «образа» рождает у писателя почти физическое ощущение «слова – родины» [3, 498].

Однако не только внимательное чтение помогает заполнить образовавшийся между жизнью и литературой зазор. Будучи «запечатленной» коллективной и индивидуальной памятью народа, книга становится основой диалога разных людей и поколений. Благословляя неразрывность человека и творчества в эссе «Грузин и грузин», А. Битов рассказывает об известном грузинском сценаристе и создателе сказок, о Ване и Нико Эрломе Ахвледиани, о его способности создавать тексты, свободные от какого-то определенного авторского почерка. «Может, это и есть свобода? –

размышляет А. Битов, – та полная свобода, о которой художник может только мечтать, – внутренняя?» [2, 647]. Особая этика обращения со словом, с фольклором привела к тому, что именно Э. Ахвледиани «имел право пытаться постичь душу Пиросмани» [2, 609], другого великого грузина, создателя мифа о волшебной силе искусства [10, 143].

Идея свободы художника оригинально преломляется у А. Битова в материализации метафоры «жизнь-книга» в «Записках из-за угла», имеющих подзаголовок «Дневник единоборца». Создатель дневника сначала последовательно фиксирует эпизоды собственной жизни, а затем признается в той пропасти, которая пролегает между поведением писателя в быту и в творчестве: «Художник только в творении прекрасен, а в жизни, если бы вы только знали этого мерзавца в жизни!..» [5, 303]. Маркируя вторичность «Записок» в их отношении к культурной традиции, А. Битов обнаруживает собственную отдаленность от первичного культурного текста.

Постмодернистская ситуация «смерти автора» интересно обыгрывается и в рассказе «Автобус» в эксцентричном обращении читателя к «начинающему литератору»: «Кто это у нас такой маленький-маленький! Кто это у нас под столом ползает? Кто это такой холесенький-холесенький! Ух ты, гули-гуленьки... Ах ты, цыпочка-цыпа! Кто это у нас такой квадратненький! Угловатенький такой кто у нас? У-тютюшеньки-тютю. Кто это у нас такой несознательный-несознательный! Такой недооценивающий-недооценивающий? Какой миленький маленький авторчик!... Что ж ты не то пишешь? Ой, гулюсеньки мои!.. Что же ты извращаешься? Правду, говоришь, пишешь?.. Ах ты, сволочь, мракобес... а я-то думал, ты заблуждаешься! Я-то тебе верил, гад!» [3, 14].

В остром переживании несоответствия личности житейской и творческой, в ситуации деструкции сознания именно процесс написания текста становится едва ли не единственным способом самоидентификации «человека пишущего». «Центрированию» персонажа помогают литературные коды, актуализированные в содержании книг, которые читают пассажиры автобуса. Первая – модный роман о загадочной Лилиан. Вторая требует ответа на нелепый вопрос о том, что лучше – «прожить пять лет или просуществовать пять минут?». Третья привлекает внимание загадочной фразой: «Как же удержать этого... этого... огненного... нет, ог-нен-но-кры-ло-го Ки-ки... этого Ки-Ки... этого Ки-фа-ре-да, чье безмолвие яснее слов говорит о желании?» [3, 11].

Образ Аполлона-Кифареда символизирует не только божественную стихию искусства, но и определенную модель поведения писателя. Связанный с проблемами происхождения творческого дара и адекватной самооценки художника, активно используемый на рубеже XIX – XX вв. в поэзии И. Анненского и А. Ахматовой, данный мифологический образ отсылает к лирике А. С. Пушкина, который, как известно, был не только величайшим писателем, но и величайшим читателем. В «Пятое измерение» А. Битов ввел известное пушкинское высказывание: «Я не люблю читать. Чужой ум меня смущает» [3, 333]. А вслед за этим не преминул случаем напомнить, что для него писатель начинается с читателя. Как отмечает О. Славникова, невероятная свобода А. Битова выражается в том, что свои тексты он «создает не в Питере, не в Париже и не в Токсово, а в некоем особом внегеографическом месте. И в том его, писателя, проблема» [8, 208].

Таким образом, концепт «книга» в творчестве А. Битова является одним из основных, открывающих мир в экзистенциальной перспективе инструментов самоанализа. Оригинальная трактовка концепта позволяет писателю продемонстрировать амбивалентность и многоплановость данного феномена в совокупности образно-символической и культурно-исторической составляющих, а также заострить проблему чтения и переосмысления значения книги как влияющих на развитие национального самосознания важнейших категорий современной культуры.

Литература

1. Бедрикова, М. Л. Концепт «душа» в поздней прозе и публицистике В. Распутина / М. Л. Бедрикова // Libri Magistri. Историческое и современное измерения. – 2015. – Вып. 1. – С. 174–183.
2. Битов, А. Г. Книга путешествий по империи / А. Г. Битов. – М.: АСТ Олимп, 2000. – 720 с.
3. Битов, А. Г. Империя в четырех измерениях / А. Г. Битов. – М.: Фортуна лимитед, 2002. – 783 с.
4. Битов, А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства / А. Г. Битов. – М.: Изд-во Независимая газета, 2002. – 544 с.
5. Битов, А. Г. Новые сведения о человеке: Роман. Повести / А. Г. Битов. – М.: Эксмо, 2005. – 528 с.
6. Битов, А. Г. Резня – слово, не требующее перевода [Электронный ресурс] / А. Г. Битов // Новые известия. 24 апреля. 2005. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/24-04-2005/23505-andrej-bitov-reznja-slovo-ne-trebujushee-perevoda>

7. Волков, В. В., Волкова, Н. В. Концепт «книга» в русской лингвокультурологии: аспекты исследования / В. В. Волков, Н. В. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4(46): в 2-х ч. – Ч. 11. – С. 54–60.
8. Славникова, О. А. Существование в единственном числе / О. А. Славникова // Новый мир. – 1999. – № 7. – С. 205–210.
9. Цуркан, В. В. Концепт «детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов) / В. В. Цуркан // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 731–734.
10. Цуркан, В. В. Концепт «творчество» в прозе А. Битова / В. В. Цуркан // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сборник научных статей. науч. ред. С. Л. Слободнюк. – Магнитогорск, 2011. – С. 141–148.
11. Цуркан, В. В. «Тайна» гения в статье П. Струве «Дух и слово Пушкина» (К истории белградской пушкинианы) / В. В. Цуркан // Наследе. Руско-српске везе: хуманистика данас 2017. – Vol. XIV. – Is. 37/1. – P. 115–121.
12. Черняк, М. А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу / М. А. Черняк. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 232 с.

THE CONCEPT «BOOK»
IN A. BITOV'S CREATIVE WORK

V. V. Tsurkan

Abstract

The article is devoted to the analysis of the book world-image as an important part of Bitov's artistic consciousness. The author examines the universal and individual-author's ways of concept representation, considers the units that form its structural and semantic originality, points to the relationship of the concepts of "book", "culture" and "memory", as well as actualizes the problem of rethinking the phenomenon of the book in the modern world.

Keywords: Bitov, culture, concept, memory, book, Mandelstam, Pushkin

Поступила в редакцию 29.05.2018

РАЗДЕЛ VI. ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ: ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

ББК Ш5(2=Р)

УДК 821.161.1

М. Л. Бедрикова¹,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МУЗЫКА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.:
К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Статья посвящена проблеме национальной идентичности русской литературы и культуры (музыкального искусства). Автор анализирует публицистические произведения В. Распутина позднего периода и работу музыковеда Л. Серебряковой «В поисках обретаемого смысла. Русская музыка в движении времени».

Ключевые слова: В. Распутин, публицистика, проблема национальной идентичности, русская литература рубежа XX–XXI вв., русская музыка

На рубеже XX–XXI вв. в ряду актуальных проблем литературоведения, философии, культурологии особое место занимает проблема национальной идентичности отечественной литературы и культуры, о чем свидетельствует тематика научных журналов и проблематика публикуемых в них материалов (см., например: [6, 30–33, 70–72; 7, 45–51, 66–73]). Полагаем, что данная проблема в настоящее время получила свое наиболее полное, глубокое научное обоснование в трудах литературоведов, музыковедов, была художественно осмыслена в литературных произведениях, публицистике, а также дневниках, записках, мемуарах русских писателей, композиторов и музыкантов. Исследования по проблеме национальной идентичности в начале XXI в. актуализировались, в том числе, в связи с «региональной» спецификой: например, «сибирская идентичность» (Н. Ковтун) [5]; исследование трактата В. Распутина «Сибирь, Сибирь...» (Е. Калимуллина) [2]. Творчество выдающегося русского писателя В. Распутина (1937–2015) может быть

---

¹Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

также соотнесено с «сибирской идентичностью». Целью данной работы является изучение не столько специфических черт самосознания В. Распутина, связанного с региональной традицией («сибирский писатель»), сколько рассмотрение особенностей его самосознания как русского писателя. Эти черты интересуют нас в контексте времени – эпохи рубежа XX–XXI вв. «Общим местом» в исследовании проблематики национальной идентичности является факт, что подобные вопросы широко обсуждаются и заметно актуализируются в российском обществе, в научной среде именно в переломные, «переходные» эпохи. В качестве материала для анализа выбраны поздние публицистические произведения В. Распутина, его интервью 1990–2000-х гг. Для объективного исследования концепции национальной идентичности В. Распутина мы проводим сравнительный анализ: параллельно рассматриваем опыт освоения похожей проблематики при изучении развития русской музыки на рубеже веков в современном музыковедении [4]. Однако сравнительного метода недостаточно, ибо анализ национальной идентичности требует привести в соответствие всю «методологическую оптику» [4, 8]. В одном из интервью с В. Кожемяко начала 2000-х гг. В. Распутин также специально проговаривает, указывает направление, по которому необходимо идти исследователям русской литературы, культуры рубежа веков в постижении «смысла» переживаемого времени [3, 83].

Проблема «обретения» соответствующей методологии поднимается в работах Л. А. Серебряковой, посвященных философско-духовным основам русской музыки. Так, поднимая комплекс вопросов русской духовности, музыковед опирается на идеи литературоведа В. Н. Топорова: «Это направление, как считал В. Н. Топоров, «уже связывается не только с семиотикой, но, скорее, с герменевтикой, <...> что открывает глубинные смыслы, ранее не известные, невидимые и поэтому, естественно, не участвовавшие в процессе семиозиса» [4, 8]. Выдающиеся русские композиторы современности затрагивали проблему национальной идентичности. Так, Г. В. Свиридов был сосредоточен на идее возрождения национального самосознания в современной России: «...в русской литературе, как и русской музыке, восстанавливается единство, целостность русской культуры, духовность русского народа» [1, 120].

Вопрос о «русскости», который звучит в творчестве писателей второй половины XX в. (А. Солженицын, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин), требует исчерпывающей характеристики переживаемого Россией периода. Не отрицая факта исторического «перехода» (его материальности), исследователи акцентируют в самой категории «времени» условность. «Переходный» характер эпохи, ее драматизм

осмысливается В. Распутиным и Л. Серебряковой глобально, в процессе «измерения» степени перемен в России, в их соотношении с такими «вехами», как развитие цивилизации от «сотворения мира», «летоисчисление от рождения Христова», переход из старого в новое тысячелетие. Л. Серебрякова обозначает параметры: «вертикаль времени» и «глубинные слои «корневой системы», при этом к осмыслению «подключается духовная глубина и «метафизическое измерение» (как формулировали это русские религиозные философы)» [4, 7]. В. Распутин констатирует неизблемость основ русской ментальности, самой направленности исторического движения России (ее миссии): «Меняется вся платформа, вся опорность бытия. Жизнь остается все в том же текущем положении, но на другой высоте, под другим космическим дыханием» [3, 82].

«Геополитический перелом» (Л. Серебрякова), вступление России в третье тысячелетие, в котором жизнь «будет жестче, откровенней, без всякой там человеколюбивой риторики» (В. Распутин) [4, 94], требует укрепления «опор» национального бытия и сознания. Опорой на все времена, с точки зрения и музыковеда, и писателя, является русская литература и музыка. В XXI в. в центре диалога с классикой (Гоголем, Достоевским, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Рахманиновым) – анализ основных черт русского народа и русского человека.

Для темы данного исследования важна статья В. Распутина «Доля ты, русская», в которой писатель назвал по меньшей мере три слагаемых «русскости»: «духовная архитектура», «красота» и «тайна» [3, 104]. В характеристике национальных качеств писатель близок к концепции Достоевского, когда пишет о духовности: «она <духовность. – М. Б.> дала Достоевскому право заявить о всемирности русского человека и вывести ее, всемирность, из национальных качеств» [3, 104]. В диалоге с классикой рождаются новые интерпретации литературных и музыкальных произведений. В начале нового тысячелетия значение такого диалога, с точки зрения Л. Серебряковой, огромно: в ходе «вслушивания, погружения и проникновения в их текст <классических произведений. – М. Б.>» осуществляется «мощный захват глубины» в постижении вечных проблем бытия, истории и человека» [4, 8–9]. О внимании к нравственным ценностям великой русской литературы свидетельствуют опубликованные в 2017 г. тетради, дневники 1960–80-х гг. «Музыка как судьба» выдающегося композитора современности Г. В. Свиридова, ставшие предметом теоретико-литературного анализа [8, 72–78]. В процессе обретения национальной идентичности современный человек должен отказаться

от индивидуализма, возведенного в культ в западноевропейской культуре. Без чувства национального единения перед лицом исторических катаклизмов в стране и в мире русскому народу грозит либо новая Смута и Раскол, либо утрата государственности страной и дальнейшее «распыление» остатков нации по миру. Угроза такого «сценария» реальна. Л. Серебрякова находит развернутую метафору для выражения тревоги за сохранение российской государственности, национальной самобытности народа: «И вновь творимая сегодня история смотрится в историческое зеркало своих «модельных» внутренних катастроф – Смуты и Раскола...» [4, 7].

В поздней публицистике и художественной прозе (начиная с художественно-публицистической повести «Пожар» (1985) и завершая повестью «Дочь Ивана, Мать Ивана» (2003)) В. Распутин напоминает о таких «столпах» русскости, как духовность – православие и коллективизм: «Россия славилась всегда своей общинностью, дружинностью, духом коллективизма, в ней извечно важнее было: “мы”» [3, 108]. В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» духовностью и совестливостью наделен сын главной героини Иван. Он действует во второй части произведения и, по замыслу автора, реализует назначение русского человека. Молодой герой из простой городской семьи обладает даром слова: сказочная красота сибирской природы и красота русского языка для него соединяются в одно эстетическое переживание. Не случайно «“русское слово” становится универсальным признаком репрезентации» общенациональных концептов [6, 72].

В своей монографии Л. Серебрякова называет «константные тексты русской культуры», в которых реализуются национальные «структурно-смысловые модели» [4, 48]. Актуализируясь, эти тексты национальной культуры, будучи константными, способны одновременно «служить рождению новых текстов, выступают «порождающими моделями» в культуре нового времени [4, 47]. Музыковед перечисляет русские оперы, ставшие «национальными культурными текстами (как «Китеж», «Борис Годунов», «Хованщина») [4, 48]. И в литературоведении, и в музыковедении исследователи оперируют понятием «память культуры», хранителями которой выступают не только сами авторы, но и созданные ими художественные образы, используемые мифы, символы, концепты. Перечисленные константы, проанализированные в монографии Л. Серебряковой [4], были также осмыслены В. Распутиным в его творчестве позднего периода.

Литература

1. Бедрикова, М. Л. Литература и музыка : история русской литературы XX в. в осмыслении Г. В. Свиридова («Музыка как судьба») М. Л. Бедрикова // Вестник Пятигорского государственного университета. – № 4. – С. 117–120.
2. Калимуллина, Е. В. Образ воды в книге В. Распутина «Сибирь, Сибирь...» / Е. В. Калимуллина // Вестник Пятигорского государственного университета. – № 4. – С. 127–131.
3. Распутин, В. Эти 20 убийственных лет / В. Распутин. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. – 320 с.
4. Серебрякова, Л. В поисках обретаемого смысла. Русская музыка в движении времени / Л. Серебрякова. – М.: Аграф, 2017. – 560 с.
5. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 384 с.
6. Традиционные и национально-культурные ценности как фундамент инновационного развития России. Вып. 2 (10), декабрь: научный журнал / глав. ред. В. Б. Волкова. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2016. – 90 с.
7. Libri Magistri. Литературный процесс: историческое и современное измерения. Вып. 2. Русская поэзия в контексте мировой культуры: научный рецензируемый журнал / ред. Т. Е. Абрамзон и др. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. – 124 с.
8. Libri Magistri. Вып. 4. Филология в XXI веке / ред. Т. Е. Абрамзон и др. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. – 154 с.

RUSSIAN LITERATURE AND MUSIC AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES: NATIONAL IDENTITY

M. L. Bedrikova

Abstract

The article is devoted to the problem of national identity of Russian literature and culture (musical art) at the turn of 20th and 21st centuries. The author of this article analyzes V. Rasputin's publicistic works of late period and the work of musicologist L. Serebryakova "In search of the meaning acquired. Russian music in the movement of time".

Keywords: V. Rasputin, Publicism, The Problem of National Identity, Russian Literature of the turn of XX–XX centuries, Russian Music

Поступила в редакцию 4.06.2018

ББК 8 ББК 81
УДК 8; 81-119

*Е. А. Ломакина¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
leakaty@mail.ru*

ЛЕКСИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Политическая коммуникация является сегодня объектом анализа различных отраслей знания. Одной из ее основных интенций является манипуляция общественным сознанием, формирование необходимого настроения у массового адресата, побуждение к определенным действиям. Реализацией этой цели служит широкий арсенал лексических и прагматических средств.

Ключевые слова: политическая коммуникация, манипуляция, воздействие, массовый получатель, лексические средства, адресованность

Политическая коммуникация характеризуется особым отношением к средствам воздействия на массового получателя. Ведется постоянный поиск и анализ способов манипуляции общественным мнением. Таким образом, политическая коммуникация попадает в фокус исследования различных областей знаний, ставя вопросы и ища ответы на них.

Так, политическая лингвистика позволяет отслеживать актуальные языковые изменения и трансформации, являющиеся реакцией на политические события [1].

Чтобы сформировать у аудитории необходимое представление о том или ином политическом явлении используются различные языковые средства. Умелое обращение с языковыми единицами способствует реализации манипулятивных интенций в политическом общении.

Под манипуляцией понимается любое постоянное и целенаправленное воздействие на процесс формирования мнения,

---

¹ Ломакина Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

которое объект манипуляции не осознает или не видит в нем вреда для свободы в принятии решений [7, 255].

Речевые средства манипуляции, наиболее часто встречаемые в современном политическом дискурсе, характеризуются рядом общих свойств: наличием эксплицитного и имплицитного воздействия, восприятием аудитории как средства, позволяющего реализовывать собственные интенции, лоббированием своих интересов, игрой на чувствах и слабостях адресата. Все эти стратегии адресанта рассчитаны на перллокутивный эффект, выражающийся либо в формировании, либо перестройке ценностных установок адресата [2, 38].

Самыми эффективными средствами манипуляции аудиторией признаются следующие: безагенсный пассив, использование лексики с отрицательной или положительной коннотацией, изменение фокусировки информации, различные тропы (метафора, метонимия, сравнение, гипербола и пр.) и ложные исходные посылки [6, 8]. Кроме того, часто наблюдается попытка представить непроверенные данные как верифицированные, ссылка на авторитетные и признанные источники информации, а также широкое применение языковой агрессии для создания негативного образа своего оппонента и его дискредитации в глазах массового получателя.

С помощью языковых ресурсов можно не только дать характеристику определенной ситуации, но и сформировать у получателя нужное отношение к тому или иному событию или явлению, влиять на его процесс восприятия [5].

Исследование современного политического дискурса дает возможность говорить об основных направлениях и языковых явлениях, возникающих и функционирующих в информационном пространстве. Так, сейчас в СМИ все чаще звучит термин «информационная война», который, в зависимости от журналистских интенций, может представлять одно и то же событие с различных ракурсов. Например, в зависимости от того, как государству или политической группе выгодно толковать популярный сегодня вопрос национальной идентичности, одни и те же процессы могут трактоваться либо как крайняя степень сепаратизма, либо как борьба за национальное самоопределение.

Следовательно, в политическом общении уделяется максимальное внимание выбору лингвистических средств для обозначения событий или политических персон, формирования у реципиентов нужного представления о том или ином явлении, поскольку «всегда есть разные способы сказать об одном и том же, и выбор никогда не бывает случайным» [9, 4]. Некоторые авторы

политических текстов используют различные языковые приемы для реализации своего замысла, другие же для предоставления информации используют нейтральную лексику. Именно лексика является наиболее частотным объектом манипуляции для достижения поставленных целей.

Общение в политической коммуникации протекает в условиях непосредственного взаимодействия с потенциальным электоратом, вследствие чего категория адресации приобретает первостепенное значение [4]. Обращенность к аудитории носит побудительный характер: заставить адресата не только пассивно ознакомиться с информацией, но и скорректировать позицию, инспирировать к нужным действиям (проголосовать на выборах). Для этого прибегают к различным способами выражения предписания, рекомендации, прямо направленными на читателя [3, 27].

Исследователями выделяются следующие функции обращений, наиболее часто реализующиеся в речи политиков: номинативная, контактная, пресуппозитивная, эмоционально-оценочная, этикетная, национально-культурная [6, 15-16]. Выбор того или иного вида обращения определяется параметрами коммуникативной ситуации:

- 1) интенцией адресанта;
- 2) социальным, семейным положением, уровнем образования, полом, возрастом и другими характеристиками;
- 3) нормами этикета;
- 4) культурными и национальными детерминантами общения;
- 5) эмоциональным и психологическим фоном коммуникативной ситуации [6, 8].

Таким образом, в арсенале политической коммуникации, основной целью которой является информирование и формирование у аудитории необходимой социально-политической позиции, – различные способы манипуляции общественным сознанием. Умелое комбинирование и использование этих средств позволяет добиваться необходимого эффекта.

Литература

1. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика. Учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 252 с.
2. Дубских, А. И. Жанрово-прагматические особенности массово-информационного дискурса / А. И. Дубских // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик:

материалы II Международной научной конференции. – Курск: Издательский дом VIP, 2009. – С. 36–40.

3. Дубских, А. И. Диалогичность как способ организации текста на газетной полосе / А. И. Дубских // Проблемы диалогизма словесного искусства: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия, 2007. – С. 26–28.

4. Морозова, О. Н. Функции обращения в тексте политического публичного выступления / О. Н. Морозова // Вопросы германской и романской филологии. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 14–17.

5. Павлова, Е. К. Некоторые особенности номинации в языке политики США начала третьего тысячелетия / Е. К. Павлова // Вестн. Моск. университета. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 4. – С. 60–68.

6. Резникова, С. С. Средства и механизмы манипулирования в политическом дискурсе СМИ / С. С. Резникова // *Studia Linguistica* – 12. Перспективные направления современной лингвистики. – СПб: РГПУ, 2003. – С. 489–492.

7. Санжаревский, И. И. Политическая наука: Словарь-справочник / И. И. Санжаревский. – М.: Политология, РГУ, 2010. – 745 с.

8. Тишин, Н. В. Вербальные средства внушения в политическом дискурсе / Н. В. Тишин // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 1 (55). – С. 163–167.

9. Weiler, M., Barhett, W. / M. Weiler, W. Barhett // *Reagan and Public Discourse in America*. – The Univ. of Alabama Pr., 1992. – 353 p.

LEXICO-PRAGMATIC MEANS OF MANIPULATION IN POLITICAL COMMUNICATION

Ye. A. Lomakina

Abstract

Today political communication is analysed in various branches of knowledge. One of its main intentions is the manipulation of the public consciousness, building a necessary opinion of the mass addressee, a motivation for certain actions. A wide arsenal of lexical and pragmatic means serves for this goal.

Keywords: political communication, manipulation, impact, mass recipient, lexical means, addressing

Поступила в редакцию 2.06.2018

РАЗДЕЛ VII. АНТРОПОЛОГИЯ ЧТЕНИЯ

ББК Ш5(2=Р)5–4

УДК 821.161.1

Л. Х. Хамзина¹,

*МБОУ СОШ с. Амангильдино, Абзелиловского р-на
республики Башкортостан
missis.hamzina2017@yandex.ru*

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ: УСТНОЕ СЛОВО ПРОТИВ ПИСЬМЕННОГО

В статье представлен опыт изучения в школе народного эпоса «Урал-батыр». На урок литературы был приглашен народный сказитель, знающий и исполняющий эпос на конкурсах сказителей-сээнов. Урок показал качественно новый уровень восприятия учениками художественного материала, связанный с преимуществами устного типа коммуникации.

Ключевые слова: фольклорный текст, устное слово, сказитель-импровизатор, коммуникативные средства, диалог, традиции, национальный эпос «Урал-батыр»

Одним из главных путей воспитания школьника мы видим в его приобщении к чтению. Ситуация в сельской башкирской школе осложнена необходимостью изучения трех языков: родного башкирского, русского языка и одного из европейских. Сколько бы времени ни отводилось на их изучение, его будет не хватать, поэтому задачей учителя становится разработка ярких и запоминающихся уроков, обеспечивающих активную учебную деятельность обучающихся.

Исходя из этого, возникла *идея* познакомить школьников с башкирским народным эпосом не только по книгам, но дать им возможность услышать их и из уст народных исполнителей. Устное исполнение имеет ряд преимуществ перед письменной формой подачи информации. Уже в диалоге Платона «Федр» звучат проблемы, связанные с чтением. В нем Сократ говорит, что «дурная особенность письменности, поистине сходной с живописью» заключается в том, что «ее порождения стоят, как живые. А спроси их – они величаво и гордо молчат»; «всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет» [4, 429]. При устной передаче информации мы можем прибегать к огромному арсеналу дополнительных

---

¹ Хамзина Лира Ханнановна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ с. Амангильдино, Абзелиловского р-на, республика Башкортостан

коммуникативных средств. Это наша поза, мимика, интонация, жесты. Мы имеем возможность влиять на внимание аудитории, можем останавливаться на нужных нам фрагментах, которые легко могут остаться незамеченными при самостоятельном чтении текста. Выступая, мы передаем людям эмоции, а именно это действует наиболее эффективно. Здесь достаточно вспомнить, какой эффект на массы производили выступления великих ораторов, как в древности так и в наши дни. Дополнительно на аудиторию будет действовать внешний вид, личная убежденность и, конечно, *авторитет исполнителя.* Контакт исполнителя с аудиторией, приемы живого общения создают возможность близкого знакомства с источником. В устной речи большую роль играют логическое ударение, наличие или отсутствие пауз. Устная речь обладает интонационным разнообразием, что может передать всё богатство человеческих чувств, переживаний, настроений и т. п. Дополнительно восприятие устной речи усиливается благодаря мимике и жестам говорящего человека. Жест может выражать эмоциональное состояние, согласие или несогласие, удивление и т.д. Все эти лингвистические и экстралингвистические средства способствуют повышению смысловой значимости и эмоциональной насыщенности речи.

В своей работе мы решили использовать перечисленные выше качества устной речи, пригласив на урок народного исполнителя башкирского эпоса «Урал-батыр». В нашей местности живет *редкая сказительница* – жительница деревни Утяганово Абзелиловского района Республики Башкирии Абубакирова Ханифа Шагалеевна (1943 г.р.). Она пользуется *авторитетом* не только у своих сельчан, но и является известным сэсэн-импровизатором района и республики. Такое признание она завоевала своим исполнительским мастерством. Большие народные праздники, мероприятия, гуляния не обходятся без ее участия. Она рассказывает свои стихотворения, кубаиры, мунажаты (наставления). Она является хранительницей обычаев и традиций башкирского народа. Не счесть ее наград, завоеванных на разных конкурсах и состязаниях (бэйге) по устному народному творчеству.

В 2003 году она участвовала на конкурсе сказителей башкирского народного творчества, посвященном 115-летию сэсэна Мухаметши Бурангулова, с чтением эпоса «Урал-батыр» в г. Баймак, где завоевала главный приз и звание лауреата. Ей подарили лошадь – высшая награда у башкир. По ее рассказам, тогда она «была молодая и память была хорошая», текст легко выучила по книге, составленной сэсэн Мухаметшой Бурангуловым в 1910 году. Сказительница поделилась своими знаниями по истории происхождения эпоса. По ее сведениям, в д. Новый Балапан Абзелиловского р-на жил некогда 90-летний старик по имени Ишмухамет Мурзакаев-Балапанов. Он передавал из уст в уста древний эпос и сочинял песни о своей судьбе. К нему приезжал в гости его зять сэсэн Габит Аргынбаев из деревни Буранбай Баймакского р-на на протяжении двух лет, учил эпос. Только потом его записал Мухаметша Бурангулов [1].

У нас возник вопрос, могут ли женщины быть сэсэнами. До сих пор считалось, что только мужчины являются ими. Но, по мнению сказительницы, именно женщины в древности воспитывали сыновей в духе сэсэнства. Значение слова «сэсэн» у башкир более широкое, помимо сказительства оно связано с такими качествами, как сноровка, трудолюбие, религиозность, воинская смелость. В качестве примера Х. Абубакирова рассказала истории, как в давние времена казахи нападали на башкир, уводили девушек, заведомо зная, что от них рождались батыры [1].

От сказительницы мы узнали, что в 90-е годы прошлого столетия возродился активный интерес к изучению сэсэнства у башкир. Ученые Р. Султангареева, А. Сулейманов при содействии студентов фольклорного отделения БашГУ начали сбор устного народного творчества среди жителей деревень Абзелиловского района. Это такмаки, пословицы, поговорки, баиты, мунажаты и др. Для этого они организовывали разные конкурсы и состязания. Привлекли людей, творчески мыслящих, способных к исполнительству.

Мы обратили внимание на то, что Х. Абубакирова сравнивает народный эпос со священной книгой мусульман. Будучи глубоко верующим человеком, она сопоставляет строки эпоса «Урал-Батыр» с сюжетами из Корана. Два брата Кабил и Хабил, один из которых убивает другого, по ее мнению, схожи с Шульгеном и Уралом, ставшими впоследствии врагами [3].

Необходимо отметить, насколько важно воздействие эпоса на сказительницу. При чтении эпоса, по ее словам, ей «становится спокойно на душе», приходит «умиротворение» и даже вдохновение. Листая страницы эпоса, она испытывает «душевную легкость. Проходят грусть, недомогания» [1]. Она считает эпос «Урал-Батыр» непростой книгой. Ее завораживают образы из текста. Она как будто живет вместе с ними. Во многом это связано с детскими воспоминаниями. Ханифу всё еще волнуют сказки, рассказанные её отцом, сестрами, дальними родственницами, «за которыми она всюду следовала», будь то в баню, будь то за ягодами в лес. Ее обучали молитвам, обрядам и традициям. Больше всего ей запомнились эмоции и напевы, что так важно для выразительности устной речи [1].

Для исполнения эпоса перед детьми сказительница выбрала фрагменты, которые ей показались важными: сюжеты, оберегающие традиции семьи, воспитывающие молодое поколение. Ханифа пожелала познакомить детей с народными запретами из эпоса, правилами поведения. Так как ее исполнение художественное, она использует своеобразные приемы воздействия на слушателей. При изображении диких зверей она подражает каждому, меняет интонацию, посредством понижения и повышения голоса. При изображении лебедушки Аккош, попавшей в силки старика Янберды, стенания ее похожи на причитания и передают интонации молитвы [2].

Заранее послушав эпос в исполнении сказительницы, мы организовали встречу Х. Абубакировой со школьниками и провели урок литературы на тему: «Урал-батыр» – героическое сказание башкирского народа». В учебнике на изучение дается фрагмент «Приключения Урала в пути». Х. Абубакирова включила в свое исполнение любимый сюжет о поимке птицы Хумай – дочери Солнца – стариками Янбирды и Янбиной [6, 30]. Урок был снят на видео [2] На записи можно проследить, как шестиклассники с нескрываемым интересом слушают сказительницу и задают вопросы. Любопытно, что дети не сразу узнали прочитанный ими заранее текст. Сказительница вступила с ними в диалог, делилась своими впечатлениями о сказках, услышанных в детстве. Ученики активно задавали вопросы: уточняли значение забытых башкирских слов, традиций [2].

Мы пришли к выводу, что шестиклассники отдали предпочтение устному исполнению текста. Урок был для них событием. Мы убедились, что для углубления знаний по родному языку, необходимо приглашать носителей народного слова. Они по-новому раскрывают для детей родной язык, национальные традиции. Устное исполнение, как живой диалог, глубоко воздействует на детей. Живая связь с аудиторией: отбор сюжетов, комментарии исполнителя, мимика, жесты, интонация вызывают у школьников живое сочувствие, удивление, восторг, интерес. Урок, на наш взгляд, помог воспитанию национального самосознания, самоопределения, способствовал приобщению к культуре своего народа.

Литература:

1. Архив автора, записи от 05.04.2018 г.
2. Архив автора, видеозапись урока (Урок литературы в МОБУ СОШ с. Амангильдино. – 11.04.2018 г.).
3. Башкирский народный эпос. Урал батыр / Проект, вступ. ст., подготовка текстов Ф. Надршиной. – Уфа: Информреклама, 2005. – 468 с.
4. Платон. Диалоги / Платон. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 212. – 448 с.

FOLK TEXT AT SCHOOL: NARRATION VS WRITING LANGUAGE

L. H. Hamzina

Abstract

This article represents some experience in studying the folk epic poem “Ural batir” at school. A narrator of who knows the epic and participates in folk competitions was invited to one of the literature lessons. The experiment shows a qualitatively new level of students' perception of artistic material associated with the advantages of narration.

Keywords: folk text, narration, a narrator, communication, a dialogue, traditions, folk epic poem "Ural batir"

Поступила в редакцию 31.05.2018

ББК 83.3(2)
УДК 8. 82-1/-9

Н. Н. Макарова¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
makarovanadia@mail.ru

КРУГ ЧТЕНИЯ МАГНИТОГОРЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье анализируются особенности чтения в структуре повседневной жизни магнитогорцев на основе анализа дневника А. Н. Державина и писем В. Ф. Берсеновой. Несмотря на тяготы военного времени, Великая Отечественная война вызвала значительную читательскую активность, предпосылками которой стали успехи, достигнутые властью в создании «нового читателя» уже к началу 1940-х гг. Однако не стоит забывать о влиянии индивидуальных факторов, определявших читательские предпочтения: уровень образования, сферу профессиональной деятельности и механизмы социализации читателя.

Ключевые слова: история повседневности, повседневные практики, чтение, источник личного происхождения, Магнитогорск

В настоящее время, по словам Ю. П. Мелентьевой, «изучение чтения – общемировая профессиональная проблема» [8]. Историки анализируют читательские предпочтения и практики прошедших эпох, что позволяет воссоздать страницы прошлой жизни человечества и попытаться ответить на вопрос: чем обусловлена современная культура чтения, как она формировалась и какой путь прошла. Не вызывает сомнения то, что круг чтения и читательские практики населения в ту или иную эпоху в конкретном регионе зависят от общего уровня социально-экономического развития, тенденций в науке, политике и т. д. Следовательно, изучая круг чтения конкретной эпохи, исследователь дополняет картину социально-политической и культурной истории.

В настоящее время исследования чтения и читательских практик находится в стадии становления. Однако есть определенные

---

¹ Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г Магнитогорск

достижения в этой сфере. Американская библиотечная ассоциация еще в 1870–1880-е гг. одной из важнейших задач видела изучение читателей с целью привлечения их в библиотеку. В библиографическом указателе англоязычных диссертаций по библиотековедению числится 150 работ, посвященных проблемам чтения [10]. Ученые Чикагской школы социологии вслед за профессором Д. Уоплесом анализируют чтение как социальный процесс с 1920–1930-х гг. Стоит отметить ряд исследований круга детского чтения [2; 3; 4]. Активно обсуждаются проблемы чтения и читательские предпочтения в европейских странах. Так, во Франции вопрос о распространении чтения стал предметом трех масштабных опросов (1960, 1967, 1970 гг.), результаты которых позже вошли в книгу К. Куно [7]. В Великобритании к 1970-м гг. было проведено свыше тридцати исследований, которые носили в основном локальный характер [7]. В историческом ключе созданы работы о чтении в Англии в средневековье [1].

Сейчас основная масса исследований чтения за рубежом связана с идеей популяризации читательских практик среди нечитающего населения. Новейшая работа в области изучения чтения представляет собой сборник статей известных во всем мире культурологов и социологов из разных стран. В сборнике представлена картина эволюции чтения книги на протяжении нескольких столетий развития человечества. Ученые убедительно доказывают, что изменение книги как таковой определяется в первую очередь изменением характера чтения людей, трансформацией их взглядов на роль чтения и ценность книги [6].

Интерес к изучению чтения в России во многом был обусловлен просветительскими целями, связанными с традициями русской либеральной интеллигенции, и пропагандистскими идеями, когда чтение использовалось как инструмент революционной агитации. Исследования в области чтения в России условно можно сгруппировать в четыре блока. Во-первых, это труды XIX века (работы Н. А. Корфа, А. С. Пругавина, А. П. Мичурина, В. И. Орлова). Существенный вклад в изучение читателей в России в XIX в. внес Н. А. Рубакин. В его основной работе по данной проблеме – «Этюдах о русской читающей публике» (1895) – нашла отражение характеристика чтения различных слоев общества. В этом исследовании впервые была сделана попытка социологического подхода к анализу чтения. Второй период – становление и укрепление советской власти с 1917 по 1930-е гг. – время коренной ломки всех привычных норм и начала строительства

социализма давало возможность изучать влияние чтения на личность. Чтение рассматривалось как инструмент воздействия на внутренний мир человека. На первый план вышли исследования психологических аспектов чтения (труды Д. А. Валики, С. Л. Вальдгарда, А. Виленкина, А. Гайворовского, П. И. Гурова, А. А. Покровского, Я. М. Шафира). Третий период исследования чтения охватывает 1950–1980-е гг. В эти годы в библиотеке им. В. И. Ленина был создан сектор социологии книги и чтения, опубликованы работы В. Д. Стельмах, М. Ханина, М. Д. Афанасьева, И. Н. Беленькой и др. И наконец, современный этап (1990-е гг. по настоящее время) связан с изменениями в социально-экономической и политической ситуации в стране. Среди организаций, которые в 1990-е гг. занимались изучением чтения, можно назвать Всероссийский центральный институт общественного мнения, Фонд «Чтение» им. Н. А. Рубакина, РГБ, Российскую государственную юношескую библиотеку, Российскую государственную детскую библиотеку. В целом проблема чтения в России и за рубежом довольно активно привлекала внимание исследователей, однако работ, созданных в историческом ключе, не так много, особенно применительно к советской эпохе. Исключение составляют труды Е. Добренко и И. Тажидиновой [5; 11; 12].

В условиях антропологического поворота все больше внимание историков привлекает человек во всем многообразии его повседневной деятельности. В данной статье предпринимается попытка анализа читательских предпочтений магнитогорцев на основе рассмотрения комплекса писем семьи Краузе-Берсенева за 1937–1942 гг. и дневника А. Н. Державина за 1941–1944 гг. Письма и дневники как особый исторический источник наиболее ярко отражают спектр чувств и переживаний, с которыми сталкивались авторы текстов. Несмотря на цензурные условия, люди писали письма очень активно. Переписка являлась порой единственной связующей нитью между людьми, средством восстановления душевного равновесия, возрождения забытых чувств покоя, умиротворения, домашнего уюта и, конечно, источником информации о жизни родных, оказавшихся далеко друг от друга. Если письма выступали коммуникативным каналом между людьми, то дневники, представляющие собой повседневные записи мыслей и наблюдений автора о том, что он видел и пережил, дают возможность «наблюдать» внутренний мир человека. По словам социолога Б. В. Дубина, дневник не только фиксирует процесс перемен и поиска места в общественных отношениях, но дает возможность проникнуть в глубинные слои культуры и человеческой

души. Он представляет собой не столько публицистику факта, сколько публицистику переживания.

Представители местной интеллигенции не мыслили своей жизни без чтения и книг в целом. Даже специфические условия жизни и быта в Магнитогорске в годы форсированной индустриализации и Великой Отечественной войны не стали основанием для отказа от чтения. Более того, книги и их чтение выступали средством стабилизации эмоционального состояния, были своеобразным механизмом приближения к привычной, нормальной жизни. Так, в своем дневнике А. Н. Державин писал: «Чувствую облегченность после вчерашних волнений. Большую часть дня провел дома в чтении «Айвенго». Читаю этот прекрасный роман во второй раз. Читаю с единственной целью отвлечься от проклятой действительности и забыться... Чуть ли ни каждый день я заходил в ГИЗ. Часто удавалось приобрести что-либо для своей любимой библиотеки... я купил в ГИЗе «Айвенго». Потом помнится несколько прекрасных вечеров, проведенных за этой книгой...» [9, 59-60]. С другой стороны, чтение знакомой книги возвращало человека в прошлую жизнь: «Сегодня Нинуська принесла две книги – биографию Мусоргского и «Питера Марица»... Много воспоминаний связано у меня с ней. Ведь это первая книга, купленная мне мамой. Первый камень моей библиотеки приключений... Вот она приходит и приносит мне книгу в красивой обложке, на которой изображен юноша, сидящий верхом на коне. Я жадно схватил эту книгу и углубился в чтение. Несколько прекрасных вечеров провел я с интересной книгой... И вот снова эта книга лежит передо мной. Как грустно смотреть на нее и не вспомнить прошедшие дни, дни далекого, беззаботного детства...» [9, 82]. Абвивалентность отношения к книге отражает фраза из дневника А. Н. Державина: «Читаю «Питера Марица». Читать интересно, но стоит немного отвлечься, как сразу ощущаю свое настоящее положение, свою неприятную близкую будущность. Вспоминаю обстоятельства своего первого знакомства с этой книгой. Рано проснувшись утром, лежу я на своей постельке и буквально пожираю интересные главы истории англо-бурской войны. Любимые мои книги! Для того ли я собирал вас чуть ли не 15 лет, чтобы сразу все пропало, поглощённое дикой войной» [9, 83].

В письмах и дневниках авторы выступают как активные, мыслящие читатели: из прочитанного делают выписки, анализируют прочитанное, обдумывают, ведут тетради переводов текстов на иностранном языке. Бросается в глаза энциклопедичность героев. Их интересовала не только художественная литература, но и труды

по философии, искусству, техническая литература, работы иностранных авторов. Практически всегда они не просто читали книгу, они работали с текстом. А. Н. Державин делал разборы прочитанного. В отдельных тетрадах он фиксировал наблюдения и записывал выводы о книге и тяжело переживал утрату своих трудов: «Также не могу переварить гибель моих разборов Жюль Верна, Майна Рида, Эмара и Жаколио... Но страсть к любимому занятию и сейчас также велика, как и раньше. Ей мешают лишь окружающие события...» [9, 60]. Высокий уровень культуры чтения, характерный для героев, не был присущ большинству магнитогорцев в указанный период, являлся скорее исключением, обусловленным уровнем образования и профессиональной деятельностью героев. Владея иностранными языками, авторы знали прекрасно не только отечественную, но и зарубежную литературу. Так, А. Н. Державин писал: «Остаток дня я провожу в чтении. Русских книжек я пока не беру. Читаю на английском языке» [9, 125]. В. Ф. Берсенева неоднократно упоминала о том, что выполнила очередной технический перевод.

Характер чтения, ставший для героев жизненной потребностью, определялся не только профессиональными интересами, но и эмоциональными потребностями людей. Так, А. Н. Державин намеренно читал по второму разу приключенческие романы, чтобы оказаться в мире альтернативном реальности военных лет: «Если бы я был свободен собой распоряжаться, то стал бы много читать. Это все же забвенье неприятнейшей действительности» [9, 85]. В семье Краузе-Берсенева чтение было формой досуговой практики. Вечерами глава семьи Ф. О. Краузе вслух читал «Илиаду», «Одиссею», а жена и дети внимательно слушали.

Личная библиотека семьи Краузе-Берсенева формировалась в течение многих лет. Все члены семьи покупали книги в поездках по СССР, а некоторые экземпляры были привезены еще из-за границы в дореволюционное время. Даже в самые сложные моменты жизни В. Ф. Берсенева и Ф. О. Краузе заботились о книгах. Так, во время Великой Отечественной войны семья должна была переехать к новому месту службы главы Ф. О. Краузе. Начались сборы вещей. Крайне тщательно упаковывали книги. Была закуплено 35 ящиков для книг, внутри книги оборачивали газетами и соломой. А. Н. Державин личной библиотекой не располагал, читая книги из библиотеки университета и городской библиотеки Магнитогорска. Когда сам автор дневника болел и не мог пойти в библиотеку, новые книги ему приносила жена. Крайне тяжело А. Н. Державин переживал утрату своей коллекции книг в Смоленске: «Моя домашняя библиотека

содержала около 300 книг: приключений, путешествий и научной фантастики. Эти книги были собраны терпеливо и любовно. Я их искал жадными глазами на прилавках книжных магазинов, привозил из Москвы и с далекого Геленджика, носил переплетать целыми десятками. И вот теперь у меня нет ничего, нет ни одной своей книги. Как обидна эта мысль!» [9, 60].

Естественно, чрезвычайные условия периода индустриализации и Великой Отечественной войны не способствовали росту читательской аудитории, так как характеризовались угрозой самому существованию человека, несмотря на тыловое расположение города. Но именно в эти непростые времена существенно возросла читательская активность. Ее предпосылками стали успехи, достигнутые властью в создании «нового читателя» в рамках культурной революции. Однако существовали и другие факторы, способствовавшие развитию читательских практик: влияние экстремального опыта индустриализации и войны, отразившегося на потребностях читательской аудитории страны; рост коммуникативных возможностей советского человека; повышение уровня образования, изменение социального происхождения и рода деятельности.

Литература

1. Bennett, H.S. English Books and Readers 1475–1557 / H. S. Bennett. – London: Cambridge University Press, 1952. – 290 p.
2. Hanson, D. What children like to read / D. Hanson // New-Society. – 1973. – Vol. 24. – № 554. – P. 361–363.
3. Sorensen, A. Effects of ability grouping on growth in academic achievement / A. Sorensen, M. Hallinan // American Educational Research Journal. – 1986. – Vol.23. – № 4. – P. 519–542.
4. Williams, Sh. Reading attainment and juvenile delinquency / Sh. Williams, R. McGee // Journal of Child Psychology. – 1994. – Vol. 35. – № 3. – P. 441–459.
5. Добренко, Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 1997. – 321 с.
6. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Кавалло Г. (ред). – М.: Фаир, 2008. – 544 с.
7. Куно, К. Чтение во Франции / К. Куно. – М.: «Рудомино», 1992. – 23 с.

8. Мелентьева, Ю. П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения / Ю. П. Мелентьева // Библиотечное дело. – 2006. – № 10. – С.2–6.

9. О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. / сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова, И. В. Лосеева, Е. Б. Дерябина. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. – 336 с.

10. Романов, П. С. Аннотированный библиографический список англоязычных диссертаций по библиотековедению (1903–2004 гг.) / П. С. Романов. – М.: МГУКИ, 2006. (приложение к диссертации).

11. Тажидинова, И. Г. «Книжный голод хуже хлебного»: повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны / И. Г. Тажидинова // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 2. – С. 5–9.

12. Тажидинова, И. Г. Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем) / И. Г. Тажидинова // Наука и школа. – 2010. – № 2. – С. 142–145.

MAGNITOGORSK NATIVES' READING CIRCLE ACCORDING
BASED ON THE SOURCES OF PERSONAL ORIGIN

N. N. Makarova

Abstract

The article analyzes the peculiarities of reading in the everyday lifeframe of Magnitogorsk citizens on the basis of the analysis of A. N. Derzhavin's diary and V. F. Berseneva's letters. The author concludes that, despite the hardships of the wartime, the Great Patriotic war caused a significant reader activity, the preconditions of which were the achievements of the government in creating a "new reader" by the early 1940s. However, one should take into consideration factors determined the reader's preferences: the level of education, professional activities and the reader's socialization process.

Keywords: history of everyday life, everyday practices, reading, sources of personal origin, Magnitogorsk

Поступила в редакцию 1.05.2018

ББК 83
УДК 82.02/.09

М. В. Петрова¹,
МОУ «Гимназия № 18
marina_yp75@mail.ru
И. А. Руденко²,
МОУ «Гимназия № 18
samary@yandex.ru

ЗАДАНИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОВЫШЕНИЮ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Статья помогает учителям русского языка и литературы заинтересовать обучающихся художественными произведениями, сделать урок увлекательным. Показано, как в процессе выполнения предлагаемых заданий школьники учатся внимательному и осмысленному чтению текстов литературных произведений, расширяют словарный запас, работают с литературоведческими понятиями, развивают творческие способности.

Ключевые слова: проблема чтения, урок литературы, центон, творческий проект, литературная игра

Проблема снижения читательской активности подростков становится все более и более актуальной. Обучающиеся не стремятся познакомиться с литературными произведениями, предлагаемыми для изучения, во-первых, потому что порой в силу возрастных особенностей школьникам трудно понять язык, культурно-бытовые реалии классической литературы, кроме того, среди программных произведений для 8-11 классов нет книг, написанных именно для подростков. Во-вторых, загруженность школьников заставляет их идти по самому легкому пути: готовясь к уроку литературы, они читают краткое содержание книги в Интернете и получают иллюзию знания. Занятость родителей и недостаточный культурный уровень семьи тоже негативно влияют на формирование у ребенка интереса к чтению: очень редко родители обсуждают с детьми книги. Именно

---

¹ Петрова Марина Валерьевна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 18», г. Магнитогорск

² Руденко Ирина Анатольевна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 18», г. Магнитогорск

поэтому проблему повышения читательской активности подростков приходится решать школе.

Формирование уважительного отношения к литературе – одна из главных задач учителя, поэтому, общаясь с подростками, мы стараемся их убедить в престижности чтения, в том, что только умный и чуткий человек может понять идею, выраженную не напрямую, а посредством художественного образа. Но для того чтобы заставить подростков пересилить себя и прочесть сложное произведение, мы начинаем первый урок изучения произведения с проверочной работы по тексту. «Какой последний заклад принес Раскольников старухе-процентщице?», «Как звали жену Андрея Болконского?» – вот примерные вопросы по тексту, на которые отвечают школьники на первом этапе изучения произведений.

Проверочную работу можно дать и в виде кроссворда, и к этому заданию мы прибегаем не только на начальном этапе изучения произведений, но и на этапе обобщения. Если мы составляем итоговый кроссворд, то можем включить туда и вопросы историко-культурного и литературоведческого плана («Какой троп использует автор в приведенном фрагменте?», «Как называют человека, состоящего в гвардии Ивана Грозного?» и т.д.), и обучающиеся, предупрежденные о том, что в итоговый кроссворд войдут подобные вопросы, будут более внимательно и вдумчиво работать на уроках изучения произведения.

Стоит на уроках проводить и литературные разминки-задания, выявляющие читательскую эрудицию и культурный уровень учащихся. Подобные задания предлагаются всем школьникам, но оценки за них выставляются по желанию детей. Увлекательна и полезна разминка «Афоризмы». Школьникам предлагается вставить пропущенное слово (словосочетание) в известное крылатое выражение (например, об ответственности, которую несет представитель власти перед народом, Пушкин говорил так: «Тяжела ты...»).

Сложным, но интересным заданием для литературной разминки, позволяющим учителю проверить, насколько хорошо его ученики знают поэтические тексты, является работа с центоном (стихотворением, составленным из строк одного или разных авторов).

Вот пример подобного задания:

Один поэт решил составить центон из пушкинских строк, но это ему не вполне удалось: в произведении есть строки других авторов. Подчеркните пушкинские строки, укажите, из каких произведений они взяты. Выпишите строки, принадлежащие другим поэтам, укажите авторов и произведения.

Жива еще, моя старушка?
Открой окно и сядь ко мне,
И выпьем с горя: где же кружка?
Я знаю: истина в вине...
Что я могу еще сказать?
Умом Россию не понять.

Ученикам нравятся такие задания, очень часто они пробуют составить свои цензоры, и для этого они перечитывают поэтические тексты, повышая свой культурный уровень и развивая творческие способности.

Повышению читательской активности учащихся способствуют и творческие проекты. Участие в театральной постановке, фильме или видеоклипе по литературному произведению заставляет школьников внимательно читать текст, обращать внимание не только на сюжет, но и на средства создания образа, смотреть фильмы и спектакли по этому произведению, соотносить свое восприятие образов героев с увиденным. Такие проекты не только развивают интерес к чтению, но и выполняют коммуникативные задачи: учат школьников уважать чужое мнение и работать в команде.

Творческие проекты, направленные на создание эссе, стихотворения, картины по прочитанному произведению, также увлекают школьников, побуждая их к вдумчивому чтению книг, осмыслению собственной мировоззренческой и гражданской позиции.

Литературная игра – незабываемое событие в жизни школьников. Игру можно провести по одному литературному произведению, по материалу учебного курса, по творчеству автора-юбиляра. Элемент соревновательности мотивирует школьников на тщательную подготовку к конкурсу (чтение произведений, знакомство с биографиями писателей и поэтов).

Таким образом, задания, повышающие читательскую активность учащихся, формируют образованного, культурного, творческого ученика, имеющего свой взгляд на мир и ценящего культурное наследие.

Литература

1. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин – М.: Наука, 1977.
2. Есенин, С. А. Полное собрание стихотворений: в 7 т. / С. А. Есенин. – М.: Наука, 1995.
3. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев – Л.: Сов. писатель, 1987. – 448 с.
4. Блок, А. А. Стихотворения и поэмы / А. А. Блок – Хабаровск: Книжное издательство, 1969. – 104 с.

ASSIGNMENTS TO INCREASE
STUDENTS' READING ACTIVITY

Abstract

M. V. Petrova, I. A. Rudenko

The article helps teachers of Russian and literature to interest students in works of art, to make a lesson fascinating. It is shown how in the process of performing the proposed tasks, students not only learn to read the texts of literary works carefully and intelligently, but also expand the vocabulary, work with literary concepts, as well as develop creative abilities.

Keywords: reading problem, literature lesson, centon, creative project, literary game

Поступила в редакцию 29.05.2018

ББК 78.3

УДК 023

И. Ю. Матвеева¹,

Челябинский государственный институт культуры

mir2106@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО СПЕЦИАЛИСТА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Автор статьи рассматривает сущность, структуру профессионального сознания, выделяет и анализирует особенности содержания профессионального сознания современного библиотечного сообщества.

Ключевые слова: профессиональное сознание, индивидуальный и групповой уровни профессионального сознания, особенности профессионального сознания библиотечных специалистов

Состояние современных общедоступных библиотек диаметрально разнится. В России имеется опыт успешно функционирующих библиотек, создающих инновационные пространство и направления деятельности и востребованных местными сообществами (Российская государственная библиотека для молодежи, Центральная районная библиотека им. Н. В. Гоголя г. Санкт-Петербурга и др.). Как показывает анализ причин их модернизации, то факторами успешного инновационного преобразования выступают: стратегическое решение руководства библиотеки о преобразовании библиотеки, поиск ресурсов для изменения библиотечного пространства, освоение инновационных направлений и форм библиотечно-информационной работы, продвижение библиотеки с использованием современных средств маркетинга (социальных сетей, осознанной работы с местными сообществами и властными структурами, привлечение волонтеров и т. д.). Но гораздо больше библиотек, не достигших гармоничного инновационного состояния, испытывающих противоречия и проблемы в своей деятельности.

---

¹ Матвеева Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», г. Челябинск

В первом случае библиотекам присущ стратегический подход (перемены охватывают все элементы библиотечной деятельности и подчинены единой миссии, устремлены в долгосрочную перспективу), во втором случае – тактический (проектный), согласно которому библиотекой создаются проекты локального значения, направленные на решение отдельных проблем библиотеки. В этом случае достигается временный локальный результат, стратегические цели и результаты развития организации не достигаются.

Выбор стратегического или тактического подхода – осознанное действие руководителя библиотеки, успешная реализация его решения – результат действий коллектива библиотеки. И в том, и в другом случае от субъектов библиотечной деятельности требуется профессиональная рефлексия, прогнозирование развития библиотеки и библиотечной отрасли, понимание причинно-следственных связей, высокий уровень инновационной культуры и другие качества. А эти компоненты являются частью профессионального библиотечного сознания, которое в конечном итоге и предопределяет профессиональное поведение библиотечных специалистов.

Сознание рассматривается философией, социологией, психологией, медициной и другими науками. Как научная категория «сознание» неоднозначно в трактовке содержания, структуры, факторов и механизмов формирования. В. В. Константинов определяет сознание как «наивысшую форму развития психики <...>, заключающуюся в активном отражении субъектом окружающего мира в идеальных образах (понятиях), на основе которых создается неотчуждаемая от него картина мира, в выделении “Я” как неповторимой индивидуальности, возможности познания и самосознания (рефлексии) для регуляции целенаправленного поведения, деятельности, общения и адаптации в окружающем мире и социуме» [2, с. 63].

Как отмечает ведущий исследователь психологии сознания А. Ревонсуо, сознание идентично субъективной психологической реальности, которая складывается под влиянием качественных переживаний личности [5]. Все переживания человека составляют фон отношений системы «психика – мозг». Содержание сознания образуют связи переживаний и других раздражителей психики, их качество предопределяется спецификой внимания (отвечает за выбор информации), особенностями мышления (отвечает за когнитивную переработку информации), уровнем интроспекции (обеспечивает концентрацию внимания).

В структуре сознания человека особое место занимает профессиональное сознание, которое, с одной стороны, формируется и эволюционирует в конкретной объективной материальной (профессиональной) реальности, но, с другой стороны, воплощает в себе множественность субъективных реальностей.

Изучая структуру и содержание профессионального сознания, социолог А. А. Ангеловский отмечает, что профессиональное сознание на индивидуальном уровне включает профессиональные знания, умения и навыки, общественные нормы, ценности и идеалы, обращенные к индивиду и усваиваемые им в ходе профессиональной деятельности [1, 308]. На групповом уровне (в рамках всей профессии) оно представляет собой «совокупность основных социальных требований, идеалов, представлений, обращенных к конкретной профессии и призванных регулировать профессиональные отношения людей и соотносить узкопрофессиональные требования с общественными установками» [1, 308].

У профессионального сознания можно выделить две основных функции. Первая – отражательная: профессиональное сознание воспроизводит особенности профессиональной библиотечной деятельности и внешней среды, в которой она развивается. Поэтому изменение характеристик профессиональной деятельности влечет за собой изменение содержания профессионального сознания [см. например, 3, 29] и наоборот: изменение сознания ведет к изменению характеристик профессиональной деятельности. На втором утверждении основывается вторая функция профессионального сознания – активно-деятельностная, обозначающая, возможность регуляции профессиональной сферы деятельности за счет активности субъекта в ней.

Соотношение индивидуального и группового профессионального сознания может демонстрировать различия, обусловленные индивидуальными специфическими отличиями или особенностью среды, в которой реализуется библиотечная деятельность субъекта. Единство содержания профессионального сознания на групповом уровне обусловлено 1) единством внешней библиотечной среды (культурной политикой в библиотечной отрасли, социальным имиджем библиотечной профессии, социальной престижностью чтения и т.д.), 2) функциональным единством профессионального сознания, 3) детерминизмом взаимодействия библиотечного сообщества с обществом в целом по поводу адекватности реализацией социальным библиотечным институтом того социального заказа, которое формулирует общество.

В структуре профессионального сознания А. А. Ангеловский выделяет два аспекта: нормативный (профессиональная идеология, формируемая библиотековедческим знанием, библиотечным образованием) и индивидуально-личностный (профессиональная психология – система убеждений, взглядов, виденья, ценностей и т.д.) [1, 308].

Содержание профессионального сознания является условием готовности профессионала к библиотечной деятельности, а с другой стороны, оно регулирует поведение субъекта в профессии. Поэтому профессиональная пассивность или активность, технологичность или инновационность, профессионализм или непрофессионализм – результат реализации установок профессионального сознания в библиотечной практике.

Современное функционирование библиотечного дела как социального института происходит в условиях противоречивости внешней и внутренней среды. Социокультурная ситуация, в которой развивались библиотеки в XX веке, существенно отличается от той, в которой библиотеки функционируют сегодня: интеграция в рыночную экономику, использование технологий профессионального менеджмента, творческая свобода библиотек, трансформация социальных функций библиотечных учреждений, ограниченность библиотечных ресурсов, необходимость выработки целей, показателей эффективности библиотечного учреждения и планирования достижений провозглашаемых задач и показателей. Противоречивость библиотечной деятельности формирует предпосылки для формирования противоречий в содержании профессионального библиотечного сознания [см. подробнее 3].

Перед библиотекой в последние десятилетия поставлены задачи, которые она не решала ранее. Естественно, что уровень организационной адаптации библиотечного учреждения зависит от готовности субъектов профессиональной деятельности воспринимать и реализовывать в русле обозначенных перемен свои профессиональные инициативы. Как показал опыт последних десятилетий, не все библиотеки успешно справляются с поставленными временем задачами: в библиотечной отрасли высок уровень профессиональной стагнации, дилетантства в производственной деятельности и управлении, медленно идет усвоение экономических возможностей среды.

Повышать уровень адаптивности библиотечного учреждения можно только через предварительную работу по изменению профессионального сознания руководителей и работников библиотеки. В этом процессе ключевую роль играет обучение во всех своих формах проявления: образование, повышение квалификации, наставничество, стажировки, изучение опыта, самообразование и др.

В условиях кризисного состояния библиотечной отрасли и глобальных технологических и организационных перемен, обучение, ориентированное на воспроизводство технологии не актуально, не решит проблемы библиотечной отрасли и компетентностный подход, активно реализуемый в рамках высшего и среднего специального библиотечного образования. Стратегической задачей современного обучения становится формирование профессионального сознания по заданным параметрам, актуальным для коррекции организационного поведения библиотечного учреждения.

Литература

1. Ангеловский, А. А. Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм [Электронный ресурс] / А. А. Ангеловский // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiy-professiya-professionalnoe-soznanie-professionalnaya-deyatelnost-professionalizm>
2. Константинов, В. В. Развитие психики и сознания: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / В. В. Константинов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 158 с.
3. Матвеева [Берестова], Т. Ф. Профессиональное сознание библиотекаря и вхождение библиотек в информационный рынок / Т. Ф. Матвеева [Берестова] // В практику библиотек: сборник материалов областных мероприятий по повышению квалификации библиотечных работников. – Тюмень, 1993. – Вып. 8. – С. 27–36.
4. Матвеева, И. Ю. Возможности управления профессионально-личностным развитием специалистов современных библиотек / И. Ю. Матвеева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2015. – №6 (61). – С. 119–124.
5. Ревонсуо, А. Психология сознания / А. Ревонсуо; пер. с англ. Е. И. Николаевой. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.

PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF LIBRARY SPECIALIST: THE CONCEPT, STRUCTURE, PROCESSES OF FORMATION

I. Yu. Matveeva

Abstract

The author considers the essence, structure of professional consciousness, identifies and analyzes the features of the content of professional consciousness of the modern library community.

Key words: professional consciousness, individual and group levels of professional consciousness, features of professional consciousness of library specialists

Поступила в редакцию 4.06.2018

ББК 83
УДК 82.02/.09

*Т. В. Рудакова¹,
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
taviru@mail.ru
Е. Н. Панкина²,
МОУ «Гимназия № 18», г. Магнитогорск
elenpankina@yandex.ru*

СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье анализируется роль сетевых проектов, web-квестов в образовательном пространстве, сетевые проекты рассматриваются как один из инструментов для привлечения внимания подростков к книге, который способствует формированию читательской грамотности и повышению интереса к изучению литературы. Доказывается, что задания квестов увлекают детей поиском новой литературной информации, мотивируют на осознанное чтение, показывают широкие возможности использования полученных знаний. Web-квест дает учителю современный, интересный инструмент для развития и оценки метапредметных, личностных и предметных результатов обучающихся в ускоренном темпе, помогает подтолкнуть ребят к саморазвитию, показывает новые пути получения знаний, позволяет выйти на новый уровень сотрудничества и наставничества.

Ключевые слова: сетевой проект, web-квест, цифровизация, читательская грамотность, литературный анализ

В век развития глобального информационного пространства возникает необходимость в поиске новых подходов для генерирования и поддержания интереса к чтению «цифровых» детей и семей. Одним из инструментов для привлечения внимания подрастающего поколения (или как сейчас его называют «поколения Z») к книге –

---

¹ Рудакова Татьяна Викторовна, аспирант ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», учитель русского языка и литературы, «СОШ № 25 при МаГК», г. Магнитогорск

² Панкина Елена Николаевна, учитель русского языка и литературы, МОУ «Гимназия № 18», г. Магнитогорск

сетевые проекты, web-квесты – это своеобразные литературные путешествия, которые способствуют формированию читательской грамотности и повышению интереса к изучению литературы. Само обращение к web-квесту на уроках литературы обусловлено также новыми тенденциями современного образовательного процесса, ведь «Федеральная целевая программа развития образования до 2020 г.» ориентирует на необходимость модернизации образования, ведущая цель которой – «улучшение качества обучения, обеспечение гармоничного развития личности, ориентирующейся в информационном пространстве, обладающей информационной культурой, что обусловлено социальным заказом информационного общества» [4].

Задания web-квестов увлекают поиском новой литературной информации, мотивируют на осознанное чтение, показывают широкие возможности использования полученных знаний.

Среди важнейших результатов в образовательных путешествиях, которые планируют достичь организаторы, авторы и участники, можно выделить следующие:

- развитие эстетического восприятия через освоение художественного наследия России и мира;
- осознание значимости чтения и изучения литературы для своего дальнейшего развития;
- понимание литературы как одной из основных национально-культурных ценностей народа, как особого способа познания жизни;
- овладение процедурами смыслового и эстетического анализа текста;
- воспитание квалифицированного читателя, способного аргументированно высказывать свое мнение как в устной, так и в письменной форме, участвовать в обсуждении прочитанного.

За последние два учебных года команды наших образовательных организаций (МОУ «СОШ №25 при МаГК» и МОУ «Гимназия № 18») приняли участие в четырех web-квестах, организованных учителями, членами общероссийской общественной организация «Ассоциация учителей литературы и русского языка». Это web-квест «Время читать» (организатор Е. Качева, г. Златоуст), «Я в гости к Пушкину спешу», «Как на книжкины именины» и «"Genius loci" Путешествие по литературным местам и не только», авторами которых являются Н. Е. Дмитриева, Т. А. Коростелева (Тамбовская область).

Каждый квест состоял из нескольких этапов, содержащих ряд интересных, логически продуманных заданий, помогающих ответить

на ключевой вопрос всего путешествия, сформулированный по-разному, но главный его смысл заключался в следующем: «Почему нужно читать и изучать литературу».

«Сетевое путешествие» по времени активного участия занимает около месяца.

Увлекательные задания квестов, в которых принимали участие наши ребята (шкала времени, видеорецензия, буктрейлер, электронная книга и др.), позволили им осознать очень важную мысль: прочитанное не должно быть мертвым грузом, извлеченная из художественных произведений информация может и должна работать, помогая в реальных жизненных ситуациях. Квесты сблизили литературу и жизнь, уроки и реальность, способствуя развитию самостоятельности школьников; ребята сами начали активно анализировать литературные произведения, обобщать свои размышления, искать пути решения той или иной проблемы, предлагая свои варианты выполнения различных заданий.

Многие говорят, что современные дети имеют клиповое мышление, стремятся к лидерству, увлечены гаджетами и интернетом. Именно сетевые проекты помогают эти «минусы» превратить в плюсы и использовать для развития креативного, самостоятельного, умеющего аргументировать свою точку зрения человека.

Квест – это соревнование между командами школ разных регионов страны. Обязательные условия участия в квесте – наличие интернета и умение пользоваться им, а образовательные программы разного уровня способствуют расширению представлений детей о возможностях интернета, заинтересовывают их учебным материалом как по литературе, так и по информатике; клиповое мышление помогает разбить информацию на кусочки, а потом собрать в единое целое, создав что-то свое, новое.

В эпоху цифровизации можно и нужно задействовать имеющиеся возможности интернета для погружения детей в волшебный мир книги, полной разных смыслов и ярких образов. Программы сервисов web 2.0, достаточно простые и легкие для использования, могут помочь в этом.

Так, например, для создания визуального образа стихотворения или небольшого текста стоит использовать «Облако слов» в программе ImageChef. Это может быть и сердце, и птица, и любое другое «облако».

С помощью приложения learningapps.org, содержащего интерактивные модули, сами ребята могут создавать интерактивные задания, касающиеся содержания книги (викторины, пазлы, игры

на соотнесение героя и произведения, места на карте и события или люди, с этим местом связанные). Именно в этой программе авторами квестов создавались бонусные задания, которые дети выполняли с огромным удовольствием, в такой же форме зашифровывались и задания очередного этапа.

Сервис Playcast.ru – один из способов визуализации текста. Данный сервис можно использовать для создания «открыток нашего времени». Соединяя воедино изображения (фото, видео, картинки), звуки и текст, дети могут создать маленький «шедевр». Такая «открытка» способна воздействовать на несколько уровней восприятия – слух, зрение, чувства; соответственно материал, на ней запечатленный, запоминается намного лучше.

Виртуальные экскурсии в мир творчества удобно и интересно создаются с помощью сервисов web 2.0 и позволяют перенестись в реальность, которой уже не существует, не только услышать, но и увидеть то, чего уже нет, или то, что найти будет очень сложно. Виртуальные экскурсии дают возможность погрузиться в мир книги, в мир творчества писателя или поэта, пройти по местам, где он жил.

Некоторые задания квеста предполагали и достаточно большую работу вне интернета. На этапе «Мы читаем вслух» сетевого проекта «Время читать» участники команды организовали урок внеклассного чтения «Мое любимое произведение», написали рецензию на мероприятие и сделали фото, чтобы позже выложить это на своей странице в сетевом квесте как отчет о выполнении этого задания.

Этап «Ночь в библиотеке» в квесте «Как на книжкины именины» требовал фотоотчета и комментария. Задание было успешно выполнено после участия в мероприятии «Библионочь» в городской библиотеке.

Для создания буктрейлера, видеорецензии на книгу (а такие задания были во всех квестах) необходимо было перечитать художественный текст, выбрать главное, подобрать визуальный ряд и рассказать о нем так, чтобы вызвать у зрителей желание прочитать представляемое произведение.

Работа в программе «3D» позволяет участникам web-квеста создать придуманный по мотивам анализируемых произведений или по критическим статьям, им посвященным, предмет, образ или место действия, визуализировать его, сделать объемным, а зрителям в подробностях это рассмотреть.

Для более полного понимания творчества писателя, постижения особенностей его художественного мира необходимым условием является изучение его биографии. Здесь не обойтись без сервиса для

создания хроники Timetoast. Результатом работы является наглядная картинка – шкала времени, визуальный образ линии жизни человека, включающий в себя звуки, образы, даты.

Подобное соединение анализа художественного текста (его можно проводить, опираясь, например, на материал пособий по филологическому комментарию [1; 2; 3]) и новых цифровых форм работы с различными источниками информации: текстовыми и внетекстовыми (биографии, карты, портреты, воспоминания соотечественников...) однозначно способствует пробуждению интереса к литературе.

Придумывая и разрабатывая свою игру, викторину, видеорецензию, экскурсию, памятник, экспонат для музея или решая свои задания и просматривая созданное другими командами, ребята расширяли свои знания о биографии писателей, перечитывали знакомые произведения или читали новые для них книги, задумывались об истоках творчества изучаемых авторов и о влиянии малой родины на их творчество.

Необходимость давать разъяснение к проделанной работе или отвечать на проблемный вопрос этапа способствовала развитию письменной речи участников (аргументированной, емкой, логически продуманной).

Выставляя оценки себе и другим командам, ребята учились объективно оценивать собственную и чужую работу и при этом узнавали о новых именах и книгах. Таким образом появлялся интерес ребят к прочтению новых книг, причем сам собой, очень ненавязчиво.

Кроме того, участники квеста, рассказывая одноклассникам об открытиях, сделанных ими во время образовательного путешествия, «заражали» своим интересом других ребят.

Web-квесты интересны и для учителя, они дают ему современный, интересный инструментарий для оценки метапредметных, личностных и предметных результатов обучающихся в ускоренном темпе, помогают подтолкнуть ребят к саморазвитию, показывают новые пути получения знаний, позволяют выйти на новый уровень сотрудичества и наставничества.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы I трети XIX века): учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова,

Т. И. Рожкова. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016.

2. Абрамзон, Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы II трети XIX века): учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова, Т. И. Рожкова. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016.

3. Абрамзон, Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы последней трети XIX века) [Электронный ресурс] / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова, Т. И. Рожкова. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016.

4. Федеральная целевая программа развития образования до 2020 г. [Электронное издание]. – Режим доступа: https://минобрнауки.рф/документы/5930/файл/4787/FCPRO_na_2016-2020_gody.pdf

NETWORK PROJECT: THE INSTRUMENT OF READERS' LITERACY DEVELOPMENT OF STUDENTS

T. V. Rudakova, E. N. Pankina

In the article the role of network projects and web quests in educational space is analyzed, network projects are considered as one of tools for drawing attention of teenagers to the book which contributes to the formation of reader's literacy and increase interest in literature studying. The author demonstrates that quest tasks attract students to search for new literary information, motivate them to conscious reading, and show wide opportunities of using the acquired knowledge.

Keywords: network project, web quest, digitalization, reader's literacy, literary analysis

Поступила в редакцию 11.04.2018

РАЗДЕЛ VIII. ФОРМЫ И МЕТОДЫ
ПРОДВИЖЕНИЯ КНИГИ. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

ББК Ш5(2=Р)5–4

УДК 821.161.1

О. Ю. Моисеева¹,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
lesyam08@mail.ru*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПИСАТЕЛЯ: СКРАПБУКИНГ**

Статья знакомит с некоторыми принципами и формами визуализации жизни и творчества регионального писателя Н. П. Воронова на основе синтеза современных интерактивных технологий и одного из видов декоративно-прикладного творчества – скрапбукинг. В работе дана историческая и понятийная справка о некоторых методах визуализации, представлен анализ подбора необходимых символов и архивных материалов для создания скрап-страницы.

Ключевые слова: цифровой скрапбукинг, Н. П. Воронов, Prezi, Screencast, символ

Скрапбукинг – вид современного искусства, изготовление и оформление семейных или личных фотоальбомов с использованием газетных вырезок, рисунков, записей и т. п. [13]. Сам термин «скрапбукинг» появился в 1830-х годах.

В 1872 году известный писатель Марк Твен запатентовал свой «самостоятельно наполняемый» альбом Adhesive Scrapbook, неотъемлемой частью которого были полоски клея на страницах для закрепления на них памятных мелочей. К 1901 году он создал более 57 разновидностей этих альбомов.

В XVIII веке в России появились подобной формы рукописные альбомы, которые украшались самыми разнообразными элементами; изготавливались такие альбомы и женщинами, и мужчинами.

---

¹ Моисеева Олеся Юрьевна, магистрант кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск; научный руководитель – Т. И. Рожкова, доктор филол. наук, профессор МГТУ им. Г. И. Носова

Эта традиция пришла из Западной Европы, в основном из Германии и Франции. Слово «альбом» пришло из французского языка и означает «памятная книга». Популярными в XX в. стали альбомы дембельские, где наклеивали фотографии и оставляли памятные записи.

Эта предшествующая традиция признается основой современного скрапбукинга.

Первое документальное упоминание о скрапбукинге в России появилось на форуме «Осинка» от 31 января 2006 года, автором собранной информации считают Беликову Екатерину. Позже стали развивать данное направление: создавались форумы, сайты, организовывались мастер-классы [11].

Скрапбукинг развивается и благодаря появлению компьютерных технологий и графических программ, как, например, Adobe Photoshop, из традиционного скрапбукинга (бумажного) возник «цифровой скрапбукинг».

Цифровой скрапбукинг – коллаж, центральное место в котором занимает одна или несколько фотографий. При этом для украшения используются разнообразные рамочки, картинки, надписи, эффекты и т. д. Преимущество цифрового скрапбукинга в том, что мы можем использовать разные пространственные стили, создавать необычные фоны и с легкостью дополнять фотографии разными предметами-символами [14]. При создании скрап-страницы стоит помнить о том, что в дизайне должны использоваться те элементы, которые несут смысловую нагрузку для определенной фотографии на заданную тему.

Считаем, что каждая скрап-страница должна иметь определенную смысловую нагрузку. Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл истории, смысл жизни и т. д), целостное содержание какого-либо высказывания, несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но самоопределяющее эти значения [8].

Е. А. Каминская в своей статье «Культурные смыслы традиционного фольклора» отмечает, что «смыслы обретают свое значение в совокупности мыслительной деятельности, в процессе понимания и интерпретации культурных текстов, восприятия, переживания, мироощущения, миропонимания, обработки социокультурной информации и пр.» [3]. Принято выделять не просто понятие смысла, а именно культурный смысл. Культурные смыслы содержат информацию о каком-либо явлении или объекте, включающую описательный, оценочный, нормативный, программный, прогностический компоненты. Поэтому культурный смысл считают выработанной историческим опытом информацией, благодаря которой

люди постигают и понимают окружающий мир, а также свое предназначение в нем [12].

По нашему мнению, цифровой скрапбукинг, оформление которого будет отвечать культурным смыслам, может стать значимой формой презентации мира писателя.

Обратим внимание на один из главных принципов создания скрап-страницы: все украшения должны нести смысловую символическую нагрузку. Это позволит сделать презентацию информативно насыщенной.

Введение смысловых блоков основывается на дополнительной личной исследовательской работе: любимые темы творчества, личные письма, фотографии, статьи о писателе в контексте биографического метода.

На примере жизненного и творческого пространства Николая Павловича Воронова проследим основные этапы создания цифрового скрапбукинга. Мы взяли пять его фотографий разного периода, отражающие не только его творческие интенции, но и жизненные установки.

Для страничек скрапбукинга мы отобрали узловые моменты жизни и творчества писателя.

1. Первая скрап-страница с портретом Николая Павловича, выполненным магнитогорским фотохудожником В. И. Шустиковым. Визуальный план дополнен символами жизни и творчества Николая Павловича: голуби, разведением которых он начал заниматься на 13 участке в бараке г. Магнитогорска и всю свою жизнь интересовался этими птицами. Ежегодно посещал Международные выставки голубоводов в Москве.

Следующим символом для данной скрап-страницы мы выбрали заводскую трубу – четырнадцатилетним мальчишкой Воронов пришел работать на Магнитогорский комбинат, вообще заводской дым для Воронова – это некий символ города Магнитогорска. Отметим, что о Магнитогорске и в целом об Урале писали и многие другие авторы, кто так же, как и Николай Павлович, прожил в этом городе и чья судьба была связана с его историей. Познакомившись с творчеством какого-либо магнитогорского писателя, можно найти в его произведениях символы Урала и города. Например, Н. Г. Кондратовская знакомит нас с легендами, сказами, преданиями Южного Урала. А вот о Р. А. Дышаленковой Николай Павлович Воронов писал так: «...Ни один поэт на моей памяти с такой любовью и талантом и такими чудно – местными подробностями не писал Урал городов, самоцветов, преданий, обычаев...» В книгах Дышаленковой

много философских рассуждений, исторических примеров и связей с Уралом [5]. Б. А. Ручьев – один из ярких авторов, в чьем творчестве множество строк посвящено насыщено городу и Уралу [6].

Горы – символ Урала, перо – символ писательства. Вербальный план представлен высказыванием Николая Павловича Воронова: «Мы счастливы уж тем, что нас вспоил-вскормил Урал – самоцветная земля щедрых, душевных, красивых людей!»

2. Вторая скрап-страница – фотография из семейного архива с мамой Марией Ивановной.

Внизу бараки – символ Магнитогорска 30-х годов. Когда Николаю Павловичу было 6 лет, его семья приехала на строительство Магнитогорского металлургического комбината, жил Воронов в бараке на 13 участке с мамой и бабушкой. В Магнитогорске Николай Павлович окончил школу (учился до 7 класса), потом учился в ремесленном училище и как многие мальчишки в то время работал на комбинате электрощитовым доменной подстанции [4].

Вербальный план – цитата о маме из повести «Голубиная охота»: «Для меня никто и ничто ни в чем не могло быть равнозначно ей».

Мама для Николая Павловича была самым близким и дорогим человеком. С её образом мы можем познакомиться в романе «Юность в Железнодорожке», где Николай Павлович представил образ матери от маленькой девочки до взрослой женщины. Мама для писателя была идеалом женщины, сильная по духу (ведь в военные годы женщинам было очень тяжело, они с утра до вечера работали и практически не видели своих детей), но это не мешало быть Марии Ивановне (так звали маму Николая Павловича) нежной, заботливой и любящей. В романе маму он представляет трудолюбивой, честной, постоянно за всех волнующейся и желающей всем помочь.

3. Фотография из семейного архива с женой Татьяной. Вербальный план – четверостишие из стихотворения Николая Воронова «Без тебя», посвященного жене:

Мы вечность целую с тобой,
А все друг дружке не наскучим.
Мы в мир с надеждой молодой
Входили, чтоб его улучшить.

Цветы незабудки – символ вечной памяти. Голубки – символ верности и любви.

4. Фотография из семейного архива с Виктором Боковым на даче в Перedelкино. Четверостишие из стихотворения Виктора Бокова, посвященного Николаю Воронову:

Я получил твоё посланье,
Гроздь рифм и сердолики строк.
Таланты наши не иссякли,
Мы запаслись словами впрок.

В данном случае мы применяем символы дружбы и общие темы, объединяющие этих людей, скрепляющие их дружбу, а именно писательство. Тема дружбы встречается практически в каждом произведении Николая Павловича Воронова. Для писателя эта тема – неотъемлемая часть моральной стороны, как и честь, достоинство и любовь. Вообще данная тема была популярна во все времена, каждый писатель уделял немалую долю своего творчества поиску ответа на главный вопрос, есть ли настоящая дружба.

5. Пятая скрап-страница – одна из последних фотографий Николая Павловича. Однажды Николай Павлович поделился своим настроением с Натальей Григорьевной Троицкой: «Я одиночеству, Наташа». Что же значило для писателя это состояние.

Выделяют такое понятие как «межличностное одиночество», которое поражает человека вне зависимости от его успешности, положения в обществе и т.д. Все может быть хорошо, но, возможно, нехватка любви и внимания от кого-то или пренебрежение и не способность оценить, вызывает это чувство. В восточной же философии напротив, рассматривали одиночество как обязательное и необходимое условие обособления человека для большего духовного развития и глубокого познания собственного Я [1]. В данном случае уместно будет такая интерпретация одиночества. На наш взгляд, удачно была подобрана фотография для выражения одиночества писателя: его взгляд устремлен вверх, куда мы поместили летящих голубей, очень символический для нашего автора образ.

Мы выбрали образы, связанные с личностью Воронова, углубляющие визуальное представление не просто красивыми деталями, а подробностями, расширяющими восприятие аудитории, но для полного понимания информации необходим углубленный анализ и расшифровка знаков-символов в контексте обозначенного культурного поля.

Все цифровые страницы с фотографиями в стиле скрапбукинг могут быть оформлены в любой из графических программ: Gimp, Photoshop, CorelDraw и др.

В дальнейшем, чтобы представить аудитории наши страницы в стиле цифрового скрапбукинга, мы можем воспользоваться популярной на сегодня программой Prezi.

Prezi.com — это веб-сервис, с помощью которого можно создать интерактивные мультимедийные презентации с нелинейной структурой [10].

Данный сервис имеет большое количество возможностей для визуализации презентаций, работа в нем основана на технологии масштабирования (приближения и удаления объектов). По сравнению с презентациями, выполняемыми в привычных программах, как например Microsoft PowerPoint, где презентация разбита на слайды, в Prezi основные эффекты связаны с увеличением отдельных частей слайда. Отметим, что данный сервис дает возможность создавать презентации только онлайн, и если мы используем бесплатный пакет (предлагают еще два вида пользования с абонентской платой, что дает более расширенные возможности), то созданную презентацию, во-первых, видят все пользователи, во-вторых, мы не можем скачать её с сервиса, что немного затрудняет распространение данного вида презентации. Но есть один способ, как можно сделать наш видеоряд, созданный в Prezi, более мобильным. Для этого в помощь есть другая программа, также которую можно использовать для презентации и демонстрации какого-либо материала, это Screencast. Благодаря данной программе у нас есть возможность записать онлайн презентацию в Prezi и уже в формате видео продемонстрировать на других компьютерах без входа на веб-сервис Prezi.

Скринкаст (Screencast-O-Matic) – это цифровая аудио и видеозапись, которая производится непосредственно с монитора компьютера, скринкаст также известен как видеозахват экрана [2]. Возможности данной программы: записывать видео с действиями, происходящими на вашем мониторе, и параллельно вести запись вашего комментария, в дальнейшем данное видео можно использовать для демонстрации дистанционно.

Таким образом, мы рассмотрели разные способы визуализации жизни и творчества писателя с применением информационных технологий. Главным условием для создания цифрового скрапбукинга остается необходимость осознанного подбора фона и дополнительных элементов, содержащих смысловую нагрузку. Именно благодаря знакам-символам, если правильно их использовать, можно заключить в одно изображение всю суть того, что бы мы могли рассказать и узнать о том или ином объекте. Также не стоит исключать, что и умение правильно расшифровать такие знаки-символы необходимы для получения достоверной информации.

Для нашего писателя были выбраны символы разного уровня: общерегиональные, локальные, личные. Это символы, связанные и с творчеством и жизнью писателя, которые нам помогают познакомить аудиторию в таком кратком формате, но с глубоким смыслом, с судьбой и творческой жизнью писателя.

Литература

1. Джумагельдинов, М. Н. Понятие «Одиночества» в традиционной философии и культуре востока [Электронный ресурс] / М. Н. Джумагельдинов // Вестник КарГУ. – 2008. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/5165>.
2. Интернет-агентство «Аниматика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://animatika.ru/info/gloss/screencasting.html>.
3. Каминская, Е. А. Культурные смыслы традиционного фольклора / Е. А. Каминская // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014 – № 2 (38). – С. 45.
4. Капитонова, Н. А. Воронов Николай Павлович [Электронный ресурс] / Н. А. Капитонова // Писатели земли Уральской. – Челябинск. – Режим доступа: <http://chodb.uu.ru/site/index/podrost>.
5. Капитонова, Н. А. Римме Дышаленковой – 75! [Электронный ресурс] / Н. А. Капитонова // Блог Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина г. Челябинска. – Режим доступа: <http://vokrugknig.blogspot.ru/2017/01/75.html>.
6. Крохалева, Т. Н. Ручьев Борис Александрович / Т. Н. Крохалева // Литература России. Южный Урал: хрестоматия 5-9 класс / сост. Н. А. Капитонова, Т. Н. Крохалева, Т. В. Соловьева. – Челябинск: Взгляд, 2002. – С. 175-181.
7. Неизвестные изобретения известных людей [Электронный ресурс] // Общественно-политический журнал Планета. – Режим доступа: <http://planeta.by/article/957>.
8. Общий толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/s8228.html>.
9. Одиночество в литературе, философии и религии [Электронный ресурс]. – М.: Издательство «Прогресс», 1989. – Режим доступа: <https://lektsia.com/2x2ef9.html>.
10. Официальный сайт Prezi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prezi.com>.
11. Пономаренко, Н. Все о скрапбукинге [Электронный ресурс] / Н. Пономаренко. – Режим доступа: www.list7i.ru.

12. Смыслы культурные [Электронный ресурс] // Культура: справочник-словарь. – Режим доступа: <http://www.artap.ru/cult/smsl.htm>.

13. Толковый словарь русского языка XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://how-to-all.com>.

14. Цифровой скрапбукинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scrapnews.net>.

THEORETICAL BASIS OF ARTISTIC WORLD PRESENTATION
OF A WRITER: SCRAPBOOKING

O. Yu. Moiseeva

Abstract

The article introduces some principles and forms of visualization of life and creativity of the regional writer N. P. Voronov based on the synthesis of modern interactive technologies and one of the types of arts and crafts-scrapbooking. The paper gives a historical and conceptual reference about some visualization methods, as well as presents an analysis of the selection of necessary symbols and archival materials for the creation of a scrapbook page.

Key words: digital scrapbooking, N. P. Voronov, Prezi, Screencast, symbol

Поступила в редакцию 31.05.2018

ББК 78.37
УДК 023

*И. Ю. Матвеева¹,
Челябинский государственный институт культуры
mir2106@mail.ru,
Е. В. Карпинская²,
Челябинский государственный институт культуры
karpinskaja.elena2016@yandex.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АКТИВИЗАЦИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕК

Рассмотрены методы библиотечного воздействия, нацеленные на развитие читательского интереса в медийной Интернет-среде с использованием средств визуальной культуры.

Ключевые слова: чтение, медийная поддержка чтения, активизация читательской деятельности, использование информационно-коммуникационных технологий в продвижении чтения

Чтение – это важнейший элемент культуры, источник духовного и интеллектуального обогащения личности, роста творческой и социальной активности. Чтение является также одним из основных способов получения информации, обеспечивающих человеку возможность удовлетворения своих личных познавательных потребностей. В век развития информационных технологий происходит изменение ценностей читателя, его литературных предпочтений, иными становятся приоритеты в выборе коммуникативных технологий, предлагаемых на современном рынке.

Возрастающая потребность социума в знаниях обуславливает развитие новых «оболочек» литературной жизни, которые стремятся

---

¹ Матвеева Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», г. Челябинск

² Карпинская Елена Вячеславовна, студентка 3 курса, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», г. Челябинск

повлиять на осознанный выбор читателя в использовании и предпочтении тех или иных коммуникативных форматов [1].

Под воздействием электронных технологий происходит изменение культуры чтения, фундаментом которой является познавательный процесс отдельно взятой личности, определяющий уровень интеллектуального и духовного развития общества в макромасштабе. В современном обществе уровень культуры чтения свидетельствует о сформированности коммуникативной и профессиональной компетенции любого специалиста, а также является одним из важнейших показателей его личностного развития.

Л. И. Азарова, Л. М. Курганская отмечают, что культура чтения состоит из таких процессов, как восприятие, понимание, интерпретация текста произведения [1]. Восприятие как процесс предполагает формирование образов, цельной картины, которые являются результатом распознавания текстов, а его уровень определяется читательским опытом человека. Освоение способов восприятия и понимания печатных текстов на различных носителях является существенно меняющим фактором в развитии культуры чтения.

В информационном обществе все более актуальным становится разработка методов приобщения к книжной культуре, продвижения чтения, развития и расширения информационных потребностей человека. Старания адептов книжного дела, представителей информационной и образовательной сфер ориентированы на создание действенных способов и подходов к развитию культуры чтения в обществе.

Активизация читательской деятельности предполагает внедрение самых различных форм продвижения книги и чтения. Но независимо от этого содержанием всякой формы является информационное воздействие. Информационное воздействие – это влияние на поведение субъекта посредством формирования у него представлений посредством символов. В современной действительности субъектами, заинтересованными в развитии чтения (родители, педагоги, библиотекари и др.), используются самые различные методы влияния для вовлечения в процесс постоянного чтения недостаточно читающих и «нечитателей» из числа юношества, студенчества и молодых взрослых, поскольку они чаще прибегают к методам и средствам, основанным на ИКТ и разработках визуальной и мультимедиа культуры.

Рассмотрим главные методы воздействия, нацеленные на развитие читательского интереса и основанные на использовании

современных ИКТ. Их используют далеко не все общедоступные библиотеки, и для большинства из них этот опыт является многообещающим и интересным.

К методам *визуальной культуры* относят фотосъемку, воплощенную в форматах фото, слайда и слайд-презентации (например, виртуальная книжная выставка, отчет о конференции, мероприятии, обучающий материал); видеосъемку – видео-презентации, видеоролики, видеофильмы (о книгах, библиотеке, библиотечных литературных событиях и акциях, мастер-классах и др.). Библиотеки становятся площадкой для практики и реализации своих возможностей студентов творческих вузов. Молодежный отдел Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина Челябинской ЦБС снимает видеоклипы о библиотеке и чтении. Они становятся «вирусными» в социальных сетях и набирают десятки тысяч просмотров. Таким образом складывается представление о библиотеке как о месте встречи молодых, творческих и заинтересованных в продвижении чтения личностей, появляется новая возможность для информирования об услугах, позиционирование различных аспектов деятельности библиотек в виде записей с конференций и библиотечных мероприятий, интервью с сотрудниками библиотеки и др.

Метод аудиокультуры – это аудиозапись в студии или во внешней среде, создаваемая для сопровождения видеоклипа, кино. Форматы и жанры записей различны: беседа, интервью, репортаж с места событий, обзор литературы, чтение вслух произведения литературы, выступление на литературном мероприятии, конференции, семинаре. В реальное время практикуется участие библиотек в радиопередачах с рекомендуемой литературой, лекциями о популярных писателях и т. д. При помощи радио информация охватывает такие категории людей, до которых не доходит TV, пресса, Интернет. Можно назвать следующие свойства радиорекламы: вездесущность, оперативность, селективность, камерность, т. е. возможность обращаться к адресату в домашней обстановке и тем самым создавать атмосферу доверия, посредством которой достигается одна из главных целей библиотечной работы – донесение интересной и полезной информации до пользователя. С помощью воздействия аудиоинформации происходит усвоение на уровне более глубоких реакций, которое невозможно воссоздать посредством текста, а также развивается мышление, даже без концентрации внимания слушателя.

Методы мультимедийной культуры предполагают собой совокупность методов, куда входят: текстовая и графическая

информации, видеoinформация, аудиоинформация, компьютерная графика, мультипликация. Синтез информации и технологий олицетворяет собой аудиовизуальную информацию, которая оказывает комплексное влияние на разные органы чувств человека. Аудиовидеоинформация проявляется через такие формы, как мультимедийная презентация, буктрейлер, виртуальная книжная выставка, обзор литературы, цифровой фильм и др. Экспериментально установлено, что обучаемый за минуту усваивает до одной тысячи единиц условных знаков, а за счёт одновременного воздействия графической, звуковой, фото- и видеoinформации за ту же минуту воспринимается до 100 тысяч таких единиц.

Текстовая информация о литературе, книгах и чтении распространяется посредством веб-сайта библиотеки и в форме текстовых сообщений через e-mail. Аудиовидеоинформация о книгах и чтении имеет возможность продвижения не только через веб-сайт библиотеки, но также при помощи цифровых СМИ, видео- и цифрового маркетинга, блогосферы и соцмедиа, литературных Интернет-сообществ (например, клубы «фанатов», любителей творчества писателей, чтения). Перечисленные методы выражаются в формах:

- *цифровые СМИ* – анонсы о книгах, позволяющие получить сведения о местонахождении необходимой информации; литературных событиях на излюбленные темы и произведениях, которые мотивируют человека на посещение библиотек. Всё это осуществляется на радиоканалах, в бегущих строках, всплывающих окнах, баннерах каналов TV, новостных Интернет-порталов;

- *видео- и цифровой маркетинг* (реклама, PR): к примеру, профиль библиотеки на веб-сайте Instagram, охватывающем на 2018 год более 1 млрд. человек, содействует формированию позитивного имиджа библиотеки, информированию о новых книгах, о наличии бестселлеров в фонде библиотеки, о грядущих событиях на различные темы и др. В данном случае всё зависит от картинки, от обложки, которую в первую очередь видит пользователь, но на данном этапе развития библиотек библиотекари недооценивают этот способ коммуникации, с помощью которого можно привлечь больше молодежи;

- *видеомаркетинг* – реклама литературных, non-фикшн ресурсов, услуг и сервисов библиотек в облике видео- и мультимедиа и в стиле инфографики в библиотечной и виртуальной среде; опросы, интервью о чтении читателей и «нечитателей» среди участников мероприятий библиотеки, читательских интернет-сообществ и членов форумов.

На собственных веб-сайтах библиотеки публикуют видео лекций, съемка которых проводится на мероприятиях, они имеют хорошее качество, звук и также мотивируют людей прийти в библиотеку и выслушать лекции лично. Библиотеки организуют интервью с влиятельными личностями, специалистами своего дела, писателями, во время которых производится съёмка, и впоследствии к ним имеет доступ любой желающий;

- *цифровой маркетинг* – онлайн связь с потребителем, проводимая с целью актуализации литературы, находящейся в фондах библиотеки; исследования потребностей целевых аудиторий блогосферы и соцмедиа о чтении, услугах библиотек. Вне зависимости от того, что продвигает веб-сайт, – событие, ресурсы или услуги, пользователи рассчитывают на постоянное нахождение специалиста в онлайн-режиме и получение мгновенных ответов на интересующие вопросы. Библиотеки пользуются этим средством в рамках онлайн-консультирования, ICQ- и Skype-консультаций и т. п. В ГПНТБ СО РАН обслуживание посредством данных сервисов проводится в режиме реального времени, и, даже если ответ требует дополнительной подготовки, пользователю оперативно сообщается об этом;

- *блогосфера и соцмедиа* – онлайн связь с потребителем: рецензирование литературы, консультации, сопровождение чтения, беседы и подготовка рекомендуемой литературы, опросы; конкурсы и викторины (онлайн) и др. Эти ресурсы пока в недостаточной степени используются библиотеками для продвижения качественного чтения.

Канал библиотеки на YouTube – это современное средство продвижения для творческих библиотекарей. К примеру, омские библиотеки публикуют видео различных жанров: от презентаций книг и рекламы событий до видеоотчётов о работе за прошедший год.

Многообещающими для библиотек в плане повышения активизации читательской деятельности являются *мобильная связь и QR-коды* («дополнительная реальность»). Мобильная связь даёт возможность для текстовой и голосовой связи напрямую с потребителем. Помимо текстовых сообщений, которые информируют читателя о задолженностях, появлении новых книг, событиях и др., библиотеки активно используют информацию в графической картинке или так называемый QR-код – способ продвижения образа библиотеки, ее фонда. QR-коды применяются библиотеками в виде ссылок на электронные ресурсы организаций/учреждений (сайт, страницу в социальной сети, блог), к примеру, в открытом, специально подобранном для пользователей

фонде художественной или нон-фикшн литературы, а также в выставочной и экскурсионной работе.

Для повышения интереса к чтению библиотеки используют и психологические методы влияния на личность, используя, к примеру, такое человеческое качество, как любопытство, за счет событийности и создания как можно большего количества «интересного контента» (яркого, нестандартного по форме, с элементами интриги). Средства и способы работы, применяемые в различных сферах жизни человека, могут быть перспективны для библиотек в целях приобщения к чтению «новых» и возрастных читателей, если при этом использовать *композитный подход*. К примеру, новейшие способы организации внутреннего пространства, когда, на первый взгляд, «человеческая модель библиотеки» (учитывающая и отвечающая на многообразие человеческих потребностей) не сочетается со стереотипом понятия «тихая библиотека». В нынешнее время библиотеки (в первую очередь юношеские и детские) выделяют специальные зоны «шума», где можно лежа читать, громко говорить, читать вслух, играть, музицировать. А в идеальном варианте – где с группой единомышленников можно обсудить прочитанное за чашечкой кофе, поговорить о любимых авторах (в библиотечном литературно-книжно-авторском кафе).

Культурно-досуговая работа библиотек с населением организуется во многом с учетом *методов социальной психологии*. Применяется эмоционально-психологическое влияние в виде принуждения, убеждения, подражания, «заражения», а также привлечения через игры (командные, индивидуальные, игровые тренинги) и нестандартную среду (формы работы на улице, в городской, парковой среде и др.). Библиотеки используют социальную рекламу в традиционных СМИ – сообщения о грядущих событиях в местной печати, на локальных каналах телевидения и радио; среди населения распространяется рекламная печатная продукция. Это яркие, необычной формы листовки, закладки, буклеты с книжной тематикой. Применяется наглядная и устная уличная агитация: привлекающие внимание растяжки, афиши с призывами к чтению, а также устные лозунги и воззвания. К примеру, создаются плакаты с изображением выдающихся представителей литературы, культовых персонажей, литературных героев за чтением или говорящих о чтении, о его престижности. Для того чтобы убедить «нечитающие» группы населения в пользе чтения, библиотеками проводятся пиар-акции: шествия (демонстрации, парады),

манифестации, автопробеги с красочной символикой, театрализованные мероприятия (хеппенинги, флешмобы и т. п.), конкурсы, интервьюирование, вручение подарков с брендом мероприятия; организуются комплексные мероприятия (типа «Библионочь») и др.

Таким образом, библиотекам для активизации читательской деятельности пользователей необходимо осваивать современные информационно-коммуникационные технологии, инновационные направления маркетинга, технологии целенаправленного информационного влияния на современного человека. Библиотечное воздействие призвано развивать читательские инициативы социума, которые являются неотъемлемой частью их жизни, способствует повышению культуры чтения, развитию социальных качеств и связей, а также развитию культурной компетентности личности.

Литература

1. Азарова, Л. И. Чтение как социокультурное явление / Л. И. Азарова, Л. М. Курганская [Электронный ресурс] // Наука. Искусство. Культура. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtenie-kak-sotsiokulturnoe-yavleniye>

2. Инновационные формы поддержки и продвижения чтения в общедоступных библиотеках: сб. материалов второй межрегион. Школы инноватики / под ред. И. В. Архиповой, И. Ю. Матвеевой. – Челябинск: ЧГАКИ, 2010. – 99 с.

THE POSSIBILITY OF USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES TO INTENSIFY THE READERS' ACTIVITIES OF LIBRARY USERS

I. Yu. Matveeva, E. V. Karpinskaya

Abstract

The authors of the article consider the methods of library influence aimed at the development of reader's interest in the media Internet environment with the use of visual culture.

Keywords: reading, media support of reading, activation of reading activity, use of information and communication technologies in the promotion of reading

Поступила в редакцию 4.06.2018

ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «**Libri Magistri**» основан в 2015 году и задуман как международное двуязычное (русский, английский) издание, главная цель которого – объединить научные поиски российских и зарубежных учёных в изучении истории и теории русской литературы в контексте мировой культуры и литературы.

Журнал публикует научные работы по следующим направлениям: русская литература Нового и Новейшего времени; история жанров, особенно лирических; русский роман и в целом отечественная проза в разных её модусах (публицистика, эпистолярный, малые жанры); философия литературы; компаративистика; концептология; литература как форма общественного сознания, литература и действительность, литература и миф, литературный процесс, художественный метод, анализ «одного» произведения; отклики на юбилейные даты писателей-классиков и на «юбилей» отдельных классических произведений; проблемы современной русской и мировой литературы, актуальные вопросы теории литературы, а также работы, продвигающие новые методы изучения литературы и того, что русские формалисты называли «литературным фактом»; вопросы изучения взаимосвязей русской литературы с иными национальными литературами; проблемы стиля писателей, языка писателей, вопросы художественных переводов; интермедialность: тексты культуры; аксиологические модели; филология и междисциплинарные связи, филология и it-технологии.

Приглашаем Вас принять участие в шестом номере периодического рецензируемого научного журнала «**Libri Magistri**», выпускаемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Шестой выпуск «**Libri Magistri**» будет посвящен теме «**Россия и Европа: аксиологический диалог культур**». В рамках данной темы предполагается осмысление следующих подтем:

1) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры.

2) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы.

3) Лингвокультурология и страноведение.

4) Перевод и переводоведение.

5) Филология и междисциплинарные связи. Филология и IT-технологии.

- 6) Интермедиальность: тексты культуры.
- 7) Метатекстуальность: история и типология.
- 8) Семиотика: мир как текст.
- 9) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития.
- 10) Аксиологические модели.

Заявки и материалы статей, должным образом оформленные (требования см. ниже), принимаются в **6-й номер до 15 октября** по электронным адресам: rudakovamasu@mail.ru (проф. Рудакова Светлана Викторовна) и ate71@mail.ru (проф. Абрамзон Татьяна Евгеньевна).

Издание **шестого выпуска журнала «LIBRI MAGISTRI»** планируется к ноябрю 2018 года. Журнал будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, её озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
2. Название статьи.
3. Город, место работы, должность.
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Требования к оформлению статьи:

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

4. **Общий объём статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

5. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – **10**. Абзац – **1 см**,

междустрочный интервал – *1*. Выравнивание по ширине. Все поля документа по *2 см*. Кавычки в тексте оформляются «ёлочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчёркивание и *курсив*. Между инициалами автора и инициалами и фамилией ставим пробел.

6. **Оформление заголовка (см. образец)**. На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полуужирным курсивом). После интервала на четвёртой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полуужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **статус автора и сведения о нём** (*научная степень, звание, полное название организации каждого автора, адрес электронной почты хотя бы одного из авторов, но лучше всех авторов*) (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полуужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

7. После интервала следует аннотация статьи (**без слова Аннотация**) на русском языке от 40 до 150 слов. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание.

8. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (5–10 слов/словосочетаний) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

9. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). См. ниже образец.

10. После списка литературы через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, слово **Abstract** по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – **всё на английском языке**.

11. Цитирование без подробных ссылок (**с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках**) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

12. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция (1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

13. Публикация платная, 50 руб. – 1 страница. Оплата производится только после сообщения редакции решения о публикации.

14. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>; на сайте eLibrary https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809

15. Редколлегия сохраняет за собой право отклонять заявки, не соответствующие тематике.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

***ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1***

С. В. Рудакова,
доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная

безделка от «северного Расина» / Т. Е. Абрамзон. – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.

2. Баратынский, Е. А. Полн. собр. стихотворений / Е. А. Баратынский / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.

3. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. «Гуманитарные науки». – Екатеринбург, 2012. – № 4 (108). – С. 103–114.

4. Рылова, О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] / О. Н. Рылова // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 5 (95). – С. 100–106. – Режим доступа: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
«DIALOGUES» WITH PARNI

S. V. Rudakova

Abstract

The author of the article investigates the problems of Parni's poetry influence on the K. Batiushkov's and E. Boratynsky's poems, the rethinking methods of "poesie fugitive" traditions coming from Parni, especially the assimilation of the Epicurean images and motifs in the Russian poetry.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism

Контакты

Ответственный редактор:	Абрамзон Татьяна Евгеньевна Тел.: +7 (3519) 22-74-74 E-mail: ate71@mail.ru
Научный редактор:	Рудакова Светлана Викторовна Тел.: +79128098799 E-mail: rudakovamasu@mail.ru

LIBRI MAGISTRI

Выпуск 5 Аксиологический диалог культур

Научный рецензируемый журнал

Подписано в печать 21.07.2018. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1
Плоская печать. Усл.печ.л. 9,6. Тираж 250 экз. Заказ 1809.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.

ISSN 2587-6945

